

С. С. ВОЛК

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ «НАРОДНОЙ ВОЛИ» (1879—1882 гг.)

Героическое единоборство «Народной воли» с самодержавием — одна из самых замечательных страниц в истории русского освободительного движения XIX в. Революционные подвиги народовольцев и их теоретические воззрения нашли отражение в исторической литературе самых различных направлений. В большинстве случаев и практическая деятельность «Народной воли», и ее идейные основы получали, как правило, общую суммарную оценку. При всей правильности такого суждения о каком-либо общественном явлении итоговая оценка не исключает, однако, необходимости изучения этого явления в развитии отдельных его сторон.

С этой точки зрения деятельность «Народной воли» в период второй революционной ситуации (1879—1882 гг.) изучена еще недостаточно. Не изучены детально, например, течения внутри Исполнительного комитета (далее — ИК), борьба и взаимодействие которых определяли практическую и теоретическую деятельность партии. Не ясно, как отражалось изменение обстановки в стране или настроений в партии на преобладании того или другого течения внутри ИК и в соответствии с этим на официальных документах партии и ее публицистике.

Вопрос о том, что программные установки народовольцев были подвержены изменениям, возник очень рано. Это отметил еще в 1880 г. в одном из писем находившийся тогда за рубежом народоволец Н. А. Морозов.¹ Год спустя чернопеределец П. Б. Аксельрод в своей речи на международном социалистическом конгрессе в Хуре заявил, что обе революционные фракции в России — «Народная воля» и «Черный передел» — в последнее время «отказались от некоторых своих крайностей».² В № 7 «Народной воли» пытались сспаривать это замечание.³ Но в глазах чернопредель-

¹ Н. А. Морозов — Исполнительному комитету, 1 июля 1880 г. (копия С. Н. Валка). Многие архивные документы использованы в настоящей статье в копиях, любезно предоставленных проф. С. Н. Валком, которому автор приносит глубокую благодарность.

² Историко-революционный сборник, т. II, Л., 1924, стр. 67—68.

³ Литература партии «Народной воли». Paris, 1905, стр. 461.

цев возражение народovolьцев не было убедительным. Л. Г. Дейч полагал, что заявление о неизменности программы сделано «в противность очевидности, действительности».⁴ Существенные разноречия в программных документах народovolьцев обнаружил в 1881 г. и издававшийся в самой России «Черный передел». В № 4 (сентябрь 1881 г.) чернопередельцы, указав на эти разноречия, приходили к выводу, что «Народная воля» «не успела еще достаточно обстоятельно разъяснить свою программу, привести в связь и единство ее отдельные части».⁵ В ответах видной народovolки М. Н. Ошаниной (Полонской) на заданные ей в 90-х годах вопросы по истории «Народной воли» утверждалось, что «единственная перемена, которую можно было констатировать в течение всего периода деятельности во взглядах отдельных членов Комитета, заключалась в постепенном ослаблении народнического элемента и в усилении того, что называлось „политиканством“. Это означало, собственно, что люди начинали все меньше и меньше верить в способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значения инициативе революционеров».⁶ В появившихся за год перед тем воспоминаниях первоапрельца А. Тыркова говорилось по поводу требования программы о созыве Учредительного собрания: «Я думаю, что взгляд партии в различные моменты ее деятельности и взгляды отдельных лиц на этот вопрос менялись и были различны».⁷

Попытались затронуть названную нами тему и некоторые либеральные и народнические историки. В 1907 г. старался выяснить «Идейные основы „Народной воли“» когда-то довольно близкий к народovolьческим воззрениям Н. С. Русанов. В своей статье он указал на четыре главных элемента народovolьчества, «различная пропорция» которых в тот или другой момент определяла в общих чертах характер деятельности и судьбу партии — народничество, принцип политической борьбы за народovластие, бланкизм, вера в систематический террор. Однако обещания своего — выяснить, какой из элементов программы являлся преобладающим в то или другое время, он также не выполнил. Документы ИК, кроме официальной программы, для анализа Русанов почти не привлек.⁸ Очень бегло оstarовился на программных несогласиях среди народovolьцев В. Я. Богучарский. В своей книге, посвященной «На-

⁴ Историко-революционный сборник, т. II, стр. 393.

⁵ Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел. М.—Пгр., 1923, стр. 292.

⁶ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской. Былое, 1907, № 6, стр. 6.

⁷ А. В. Тырков. К событию 1 марта 1881 г. Былое, 1906, № 5, стр. 141.

⁸ Н. С. Русанов. Идейные основы «Народной воли». Былое, 1907, № 9, стр. 38, 65.

родной воле», он отметил только, что с внесением в программу ИК Тихомировым принципа захвата власти «некоторые другие члены Комитета уже и тогда решительно не соглашались» и потому «единства взглядов в народовольческом центре уже и тогда не существовало». Он полагал, что в пору, когда действовали А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов и А. И. Желябов, «в идеях „Народной воли“ реалистические ноты безусловно преобладали над утопическими». Под «реалистическими нотами» Богучарский понимал требование политической свободы, а «утопическим» считал тот «элемент» программы, который означал «захват власти».⁹

Большое внимание изучению идейной сущности и исторического значения «Народной воли» уделялось с середины 80-х годов в марксистской литературе, особенно в работах Г. В. Плеханова, который не раз отмечал и известную эволюцию народовольчества. Цитируя приведенное выше замечание М. Н. Ошаниной о постепенном ослаблении народнических идей, он писал в 1912 г., что «„народовольство“ все больше и больше удалялось от народничества».¹⁰ Указывал Плеханов и на различные течения в народовольчестве: «В народовольческую организацию входили люди, довольно сильно расхопившиеся между собою во взглядах на важнейшие задачи нашего революционного движения. В ней были *радикалы* в западноевропейском смысле, но были и чистокровные *народники*. . . , были, наконец, и такие люди, — и эти составляли, кажется, большинство, — которые одновременно склонялись и к западноевропейскому радикализму, и к российскому народничеству, вследствие чего их воззрения делались в высшей степени запутанными».¹¹

В советской исторической литературе вопрос о течениях в среде народовольчества поднимался неоднократно и, хотя специально он не исследовался, наличие таких течений признавалось, кажется, всеми исследователями. Гораздо менее повезло вопросу об известной эволюции народовольческих взглядов, а также программных документов. В книгах историков, не являвшихся марксистами — В. Левицкого и Е. Колосова, — только вскользь указывалось на идейные различия между документами «Народной воли».¹² В 1929 г. в тезисах Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли» отмечалось, что в этой организации «объединились на почве признания политической борьбы самые разнородные

⁹ В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, стр. 40, 465.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 147.

¹¹ Там же, стр. 104.

¹² В. Левицкий. Партия «Народная воля». М.—Л., 1928, стр. 89; Д. Кузьмин [Е. Колосов]. Народовольческая журналистика. М., 1930, стр. 113.

группы». ¹³ Однако в проходившей в начале 1930 г. дискуссии о «Народной воле», на которой в основном рассматривалось народовольчество в канун «эпохи 1 марта», об идейных разногласиях народовольцев упоминалось весьма бегло. В. И. Невский в итоговом докладе лишь отметил, что «нельзя народовольчество рассматривать в один какой-нибудь исторический момент», что нужно брать документы из различных групп и разных эпох деятельности «Народной воли». ¹⁴ В вышедшей вскоре книге участника дискуссии В. Малаховского кратко говорилось о развитии тактических взглядов народовольцев. ¹⁵

После того как были подвергнуты критике нигилистические взгляды в отношении революционного народничества, распространившиеся в 30—40-х годах, тема «Народной воли» вновь возродилась на страницах печати. Наличие различных тенденций среди народовольцев и колебаний в их тактике подчеркнул, в частности, недавно в своей книге Ш. М. Левин: «Надо, впрочем, заметить, что эти течения были недостаточно отмежеваны одно от другого, часто одни и те же лица одновременно склонялись к различным, более или менее противоречивым тенденциям или переходили в зависимости от обстановки борьбы от одной к другой». ¹⁶ Однако до сих пор специального анализа эволюции народовольческих программных документов периода второй революционной ситуации в литературе нет. Причиной этому отчасти служил недостаток соответствующих источников. В архиве «Народной воли» сохранились лишь второстепенные материалы. Документы суда и следствия отражали в основном стремление жандармов и судебных чиновников подвести арестованных революционеров под статью закона «о царубийстве» и оставляли теоретические вопросы на втором плане, а иногда и просто игнорировали их. Наконец, народовольцы — авторы мемуаров сохранили несравненно лучше в памяти события и людей той эпохи, чем идейные настроения и теоретические дискуссии.

В настоящей статье ставится задача выяснить, какие элементы программы «Народной воли» оставались неизменными и какие изменялись, постараться понять на основании немногих сохранившихся данных, какая обстановка и какие течения внутри ИК заставляли вносить коррективы в лозунги движения. По возможности отмечается также история публикации документов, дается обзор их содержания, характеризуются их идейные источники.

¹³ Дискуссия о «Народной воле». М., 1930, стр. 197.

¹⁴ Там же, стр. 184—185; ср.: стр. 46.

¹⁵ В. Малаховский. На два фронта (К оценке народовольчества). М., 1930, стр. 36—37.

¹⁶ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 496.

Программа Липецкого съезда

В исторической литературе о Липецком съезде и его программе обычно сообщается весьма скупо,¹⁷ а порой и неверно. В. Левицкий полагал даже, что в итоге обсуждения проекта программы Морозова «съезд не принял никакого решения».¹⁸ Очень часто о содержании Липецкой программы судят на основании упомянутого проекта ярого сторонника террористических методов борьбы Морозова, его воспоминаний, а также других мемуарных источников. В этом случае содержание Липецкой программы излагается в самых общих чертах, и кое в чем неточно.¹⁹ В посвященной «Земле и воле» книге П. С. Ткаченко привлечены и материалы народо-вольческих процессов, однако автору не удалось согласовать данные своих источников. Он то утверждает, что «Липецкий съезд не выработывал новую программу», то, ссылаясь на Михайлова, говорит, что на заседаниях съезда все-таки была «выработана программа нового направления». Трудно согласиться и с безоговорочным выводом автора о том, что «после дискуссии в целом программа и устав „Земли и воли“ были оставлены без изменения».²⁰

Липецкий съезд был, как известно, собран в середине июня 1879 г. втайне от большинства землевольцев. Собравшиеся на съезде сторонники политической борьбы и террористической тактики заседали, таким образом, в обстановке двойной конспирации. Этим обстоятельством отчасти, видимо, и объясняется полное отсутствие в архиве «Земли и воли» каких-либо материалов Липецкого съезда, в то время как некоторые документы Воронежского в нем сохранились.²¹ Особых надежд разыскать подлинный текст Липецкой программы нет, а между тем установить возможно более достоверно ее содержание необходимо. Исследователи, разбирая программу «Народной воли», как правило, анализируют лишь программу ИК, обычно именуемую программой «Народной воли». Но она была опубликована только в № 3 партийной газеты, помеченном 1 января 1880 г. К этому времени ИК как самостоятельная революционная организация существовал уже около полугода, с 15 августа 1879 г., когда на так называемом Петербургском съезде было принято решение об окончательном разделении «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел».

¹⁷ В. Я. Богучарский, ук. соч., стр. 34; В. Левицкий, ук. соч., стр. 68; В. Тун, История революционных движений в России. Пб., 1920, стр. 168—169.

¹⁸ В. Левицкий, ук. соч., стр. 68.

¹⁹ В. Твардовская, Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов. История СССР, 1959, № 4, стр. 70—73.

²⁰ П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961, стр. 282—285.

²¹ См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1930, стр. 150—153.

Какие же программные положения определяли практическую деятельность народовольцев осенью 1879 г. вплоть до появления официальной программы ИК? Воспоминания народовольцев, их показания на следствии и речи на судебных процессах не всегда согласно отвечают на этот вопрос. Один из видных членов ИК Квятковский, арестованный в ноябре 1879 г., т. е. до выхода № 3 «Народной воли», на процессе 16 (октябрь 1880 г.) настойчиво пытался изложить сущность программы, выработанной на Липецком съезде, именно как программы «Народной воли». Точно так же смотрел на программу Липецкого съезда и товарищ Квятковского по процессу С. Г. Ширяев.²² Отождествлял, наконец, Липецкую программу с программой ИК и виднейший деятель «Народной воли» Михайлов.²³ Другие, в частности М. Ф. Фроленко, говорят об этой программе осторожнее. Последний, например, указывал, что на Липецком съезде были приняты «начала всех тех положений, которые вошли позже в программу „Народной воли“». Мнение Фроленко о том, что Липецкий съезд «не задавался целью создать новую программу, так как он имел в виду действовать еще под знаменем программы землевольческой», подразумевало, вероятно, лишь то, что съездом не разрабатывалась какая-то развернутая программа, ибо «не было и нужды, собственно говоря, формулировать свои мысли в одно целое».²⁴ Однако по показаниям Квятковского и Ширяева, главной целью съезда была выработка новой программы действий.²⁵

Именно в целях выработки программы нового революционного направления съехались в Липецк в середине июня 1879 г. представители революционных кружков Петербурга, а также юга России. В связи с жестокими преследованиями правительством народников-пропагандистов в среде южных бунтарей еще в 1878 г., а в среде петербургских землевольцев весной 1879 г. возникает мысль «о необходимости вступить в кровавый бой с правительством», по словам А. Д. Михайлова, добиться свержения самодержавия или по крайней мере конституции. Об антиправительственной направленности движения на юге свидетельствует завешание Валериана Осинского, напечатанное в № 6 «Листка „Земли и воли“», датированном 14 июня 1879 г., т. е. самым кануном Липецкого съезда. В Петербурге весной 1879 г. возник кружок землевольцев с громким девизом «Свобода или смерть». Из этого кружка и вышли будущие организаторы Липецкого съезда — Михайлов,

²² Там же, стр. 237, 243.

²³ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, стр. 136.

²⁴ М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды. Былое, 1907, № 1, стр. 74.

²⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 236—241.

Морозов, Квятковский. Эта группа выдвинула задачи политического характера и признавала необходимость политического террора.²⁶

По свидетельству М. Ф. Фроленко, записка с проектом программы и устава была составлена Михайловым и Тихомировым.²⁷ О. С. Любатович говорит об авторстве Морозова, Михайлова, Квятковского.²⁸ По словам же Морозова, Михайлов и Квятковский сделали только «несколько дополнений».²⁹ Что касается Квятковского, то следует добавить, что вряд ли, если бы он был одним из авторов Липецкой программы, он отождествлял бы ее с написанной Тихомировым программой ИК, что было им сделано в одной из речей на суде. Известно, что Тихомиров как будто не претендовал на авторство в данном случае.³⁰ В составленном им очерке жизни Желябова указывается на «очень видную роль» именно Желябова в проведении съезда.³¹ Еще более важное значение придает участию Желябова в работе съезда М. Фроленко. Он вспоминает, что Желябов, который отлично умел схватывать сущность чужой мысли и сглаживать «мелкие различия», был выбран секретарем съезда и формулировал предложения.³² В процессе обсуждения указанной выше записки с проектом программы и устава Желябов по пунктам формулировал программу.³³ Видимо, наиболее активное участие в составлении и обсуждении Липецкой программы принимали скорее всего три лица — Морозов, Михайлов и Желябов. Морозов привел в своих мемуарах текст предложенного петербургскими землевольцами («северянами») «черновика» программы с речательством за то, что он мало чем отличается от принятого съездом. Содержание приводимого им очень небольшого проекта программы сводится к одному главному положению: «Необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе, как с оружием в руках. Поэтому мы будем бороться по способу Вильгельма Телля до тех пор, пока не достигнем таких свободных порядков, при которых можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на общественных собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством сво-

²⁶ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, М., 1933, стр. 131.

²⁷ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова «Возникновение „Народной воли“». Былое, 1906, № 8, стр. 27.

²⁸ О. С. Любатович. Далекое и недавнее. М., 1930, стр. 75.

²⁹ Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. IV, М., 1918, стр. 291.

³⁰ Ср.: Из архива Л. Тихомирова. Красный архив, 1924, т. 6, стр. 180.

³¹ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Былое, 1906, № 8, стр. 112.

³² М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды, стр. 76.

³³ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 27.

бодных народных представителей.³⁴ По словам Морозова, его проект был принят на съезде единогласно и было постановлено напечатать программу в первом же номере будущего органа партии. Это сообщение вызывает, однако, серьезные сомнения: оно подтверждалось только женой Морозова — Любатович.

Предложение В. А. Твардовской представить проект «Морозова и его единомышленников» как «коллективный проект программы северян» нельзя считать обоснованным.³⁵ Незаметно для себя В. А. Твардовская, применяя эти формулы, отказалась от выясненных ею за несколько страниц перед тем значительных расхождений Морозова с большинством «политиков» в «Земле и воле».³⁶ Из участников Липецкого съезда «чистым террористом», стремившимся путем покушений вынудить у правительства конституционные уступки, можно назвать, кроме Морозова, разве Гольденберга, но он был как раз «южанином». Если же Михайлов и оказывал поддержку террористическим предприятиям, то нет все же оснований считать его сторонником морозовской теории террористской борьбы. Расхождение по этому вопросу Михайлова с Морозовым осенью—зимой 1879 г. общеизвестно. Его признавал и сам Морозов. Таким образом, в одном из самых существенных пунктов проект Морозова не отражал мнения большинства «северян». Более вероятно, что другие землевольцы только «терпели терроризм, мечта собственнo о государственном перевороте путем заговора».³⁷

Нет оснований отказывать проекту Морозова в социалистической окраске. Опираясь на позднейшие заявления Морозова, В. А. Твардовская утверждает, что тот «никогда не был убежденным социалистом», что «Морозов и его единомышленники» в сущности довольствовались бы дарованием конституции и некоторыми свободами, после чего мыслили «мирное развитие путем реформ сверху».³⁸ В подобной обрисовке «Морозов и его единомышленники» гохожи скорее на либеральных, чем на революционных народников, какими они были в действительности. Между тем нарисованный В. А. Твардовской портрет Морозова, якобы не верившего в 1879 г. в социализм и склонного к либеральному образу мыслей, восходит к явно тенденциозному автопортрету его воспоминаний, написанных в годы первой русской революции,

³⁴ Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. IV, стр. 291. В статье о Липецком съезде в 1907 г. Морозов также прославлял борьбу «один на один» с правительством и способ действия В. Телля и Ш. Корда, как якобы введенные Липецким съездом (Историко-революционный альманах. СПб., 1907, стр. 117).

³⁵ В. А. Твардовская, ук. соч., стр. 71.

³⁶ Там же, стр. 67.

³⁷ Л. Тихомиров. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. Каторга и ссылка, 1926, № 3, стр. 120.

³⁸ В. А. Твардовская, ук. соч., стр. 70—71.

когда Морозов открыто проявлял симпатии к кадетам. Морозов невольно приписывал черты кадетского мировоззрения и своим юношеским годам. Этот вывод напрашивается после ознакомления с заявлениями его, сделанными хотя бы в 1880 г. Находясь в эмиграции, где он мог свободно высказывать свои мысли, в брошюре «Террористическая борьба» Морозов объяснял, что завоевание террором фактической свободы мысли и слова необходимо для «проповеди социализма». ³⁹ Весьма сомнительно также, что «проект северян», каким его рисует В. А. Твардовская, был составлен при участии такого убежденного социалиста и революционера, как Михайлов. Еще более сомнительно, чтобы такой проект мог получить серьезную поддержку на Липецком съезде.

Что же известно об окончательном тексте Липецкой программы? В мемуарах ее содержание излагается обычно в самых общих чертах.

Так, В. Н. Фигнер, которая в 1879 г. участвовала в обсуждении двух программ (Липецкой и напечатанной в № 3 «Народной воли»), писала в своих воспоминаниях в начале 20-х годов, что Липецкая «программа ставила целью организации ниспровержение самодержавного строя и водворение политических свобод, а средством — вооруженную борьбу с правительством». ⁴⁰ В другом месте она сообщала также, что краткая декларация Липецкого съезда содержала предложение о введении народного представительства. ⁴¹ В более ранних по времени (1895—1906) мемуарах О. С. Любатович «приблизительное» содержание Липецкой программы передается следующим образом: «Дезорганизация правительства посредством партизанской террористической борьбы с ним, дабы таким образом принудить правительство предоставить самому народу свободно и беспрепятственно выразить свою волю (народную волю) и переустроить свою расшатавшуюся политическую и экономическую жизнь на новых, самим народом выношенных началах справедливости, равенства и свободы». ⁴² В изложении Любатович программа Липецкого съезда выглядит более, чем у других свидетелей, схожей с проектом Морозова и, с другой стороны, более близкой к традиционным народническим воззрениям. Объяснялось это отчасти близостью Любатович к Морозову, а отчасти тем, что Любатович не пережила в то время тех этапов, которые прошли

³⁹ Н. А. Морозов. Террористическая борьба. Лондон [Женева], 1880, стр. 14. В качестве социалиста Морозов выступал и в своих переговорах с Лавровым, Ткачевым и чернопередельцами. Так, П. Б. Аксельроду в июле 1880 г. он писал: «Одним словом в революционной теории я стою на точке зрения социалистов-федералистов»; в письме к Лаврову в мае 1880 г. он называл себя «социалистом-террористом» (копии С. Н. Валка).

⁴⁰ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 133.

⁴¹ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V, М., 1932, стр. 245.

⁴² О. С. Любатович, ук. соч., стр. 75.

в своем развитии другие народовольцы. Долгое время она находилась в ссылке и эмиграции, где сохранила старые народнические убеждения. На это обратил внимание в примечаниях к ее воспоминаниям М. Ф. Фроленко.⁴³

Весьма сжато и даже скудно рассказывает о программе Липецкого съезда Фроленко, в отличие от Фигнер и Любатович бывший его участником. Правда, Фроленко ссылается на то, что «стделить то, что говорилось незадолго до съезда, от того, что говорилось на самом съезде, немыслимо». Фроленко припоминает, что на съезде обсуждались, но в необязательной форме идеи «заговора, переворота, захвата власти с передачей ее народу» при помощи «сильной боевой организации».⁴⁴ Фроленко сообщает также о том, что на съезде высказывались и о конституции. Впрочем, «если о ней говорили, то больше лишь тогда, когда приходилось защищаться от нападков в стремлении к ней, в сознательной, якобы, работе на ее пользу». В таком случае отвечали, что «конституцию мы и не ставим своей конечной целью». Под словом «мы» Фроленко понимает «южан», которые, по его рассказу, еще за несколько месяцев до съезда оживленно обсуждали идею конституции. На съезде «южане» говорили: «Напротив, конституция нам сильно облегчит только работу, развязав руки, дав возможность добиваться многого на чисто легальной почве, без всяких жертв».⁴⁵

Несомненно, что свидетельства самих участников съезда являются важнейшим источником для восстановления содержания Липецкой программы. На первый план здесь выступают показания в период суда и следствия Михайлова, Ширяева, Квятковского. Ценность этих свидетельств определяется прежде всего тем, что они относятся ко времени, когда в памяти их могли сохраниться не только общие черты, но и подробности Липецкой программы.

В своей речи на суде по делу 16 народовольцев прокурор, основываясь лишь на показаниях Гольденберга, стремился представить Липецкий съезд как сборище, на котором замышлялось лишь царубийство. Между тем даже составленный несколько ранее обвинительный акт, ссылаясь не только на Гольденберга, но и на Квятковского и Ширяева, признал, что собравшиеся в Липецке революционеры выдвинули более широкую задачу: «Исходною точкою всех совещаний съезда... было то положение, что главнейший недостаток всей предшествовавшей социально-революционной агитации и важнейшая причина ее неуспеха заключалась в том, что она вовсе игнорировала или отводила слишком мало места и зна-

⁴³ Там же, стр. 136.

⁴⁴ М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды, стр. 74—75.

⁴⁵ Там же, стр. 84.

чения политической борьбе с правительством». «Старая народническая программа должна была пополнена временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто социалистических требований».⁴⁶ Показания Ширяева, а также Квятковского и Михайлова, в общем подтверждают это заключение царских чиновников, но в значительной степени опровергают риторические выпады прокурора против «цареубийц» на суде.

Самое подробное изложение Липецкой программы дал в автобиографическом заявлении, представленном прокурору Петербургской судебной палаты 23 июня 1880 г., Квятковский. Вплоть до самого процесса в октябре 1880 г. он был, кстати, незнаком с программой ИК и поэтому не мог их спутать (что случилось с ним уже во время процесса, после ознакомления с № 3 «Народной воли», когда он приписал, стремясь отразить последние мнения партии, Липецкой программе требование Учредительного собрания). Согласно Квятковскому, Липецкая программа признала невозможность деревенских поселений и пропаганды среди крестьян в обстановке гонений и репрессий и объявила, что «современная государственная организация блюдет только интересы совокупности землевладельцев, капиталистов, чиновничества» и потому является главной причиной всех народных бедствий. Партия отрицает такое государство, не думая, впрочем, отрицать государство вообще. Необходимо образовать новое государство, основанное на правде. Оно должно реализовать желания и стремления народа: улучшить условия труда, уничтожить гнет администрации, развивать новые общественные отношения (Квятковский, очевидно, имел в виду развитие социалистических принципов). «Осуществление таких задач государственной организации может быть осуществлено только при главном участии самого народа. Отсюда практическая постановка задачи, цель партии: созвание представительного народного собрания, избранного на основании всеобщего и прямого избирательного права». Главными средствами достижения этой задачи Квятковский считал пропаганду и агитацию во всех общественных слоях города и деревни. Терроризм как средство достижения цели не входил, по его словам, в программное решение съезда. Факты терроризма, объяснял он, «являются только фактами озлобления, мести и самозащиты». «Так что говорить в таком смысле о терроризме, как о главной части нашей программы, положительно невозможно».⁴⁷

⁴⁶ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906, стр. 18.

⁴⁷ Автобиографическое заявление А. А. Квятковского (23 июня 1880 г.). Красный архив, 1926, т. 1 (14), стр. 170—172.

До прочтения программы ИК Квятковский допускал, что существует различие между ней и выработанной на Липецком съезде.⁴⁸ После того как на суде Квятковскому представили возможность ознакомиться с программой в № 3 «Народной воли», он признал ее «совершенно тождественной с тою, которая была выработана на Липецком съезде».⁴⁹ Осторожнее был Ширяев, признавший, что программа в № 3 «Народной воли» «содержит в себе все существенные пункты, которые были выработаны Липецким съездом».⁵⁰

Несмотря на то что председатель суда неоднократно отказывал Квятковскому, а также и Ширяеву в праве разъяснить Липецкую программу, полагая, что она идентична напечатанной в № 3 «Народной воли», Квятковскому и Ширяеву удалось все же, хотя и не полностью, разъяснить принципы, которые включались в эту программу. Это прежде всего, по Квятковскому, отрицание «данной формы государственной организации» и требование передачи власти в руки народа, которое «может формулироваться или требованием Учредительного собрания или иного какого учреждения».⁵¹ Квятковский рассматривал террор лишь как «второстепенную, если не третью часть этой программы», так как он имел в виду только защиту членов партии, а не достижение ее целей.⁵² Квятковский подтвердил свои прежние показания о том, что решение Липецкого съезда о царубийстве было условно и покушение предполагалось осуществить только в случае, если последуют новые казни.⁵³ Таким образом, продолжал Квятковский, «неверно называть образовавшуюся на съезде фракцию террористической». Квятковский полагал, что «Народную волю» правильнее было бы называть «революционно-политической партией народников».⁵⁴ По всей видимости, он считал по-прежнему действительным приводимое им старое народническое положение о том, что «осуществление народных идеалов может произойти только посредством народного восстания».⁵⁵

В полном согласии с Квятковским было заявление Ширяева, который признал, что Липецкий съезд дополнил землевольческую программу «требованием изменения существующего государственного строя в том смысле, чтобы власть в государстве была передана самому народу путем организации представительных политических учреждений».

⁴⁸ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 239.

⁴⁹ Процесс шестнадцати террористов, стр. 214.

⁵⁰ Там же, стр. 216.

⁵¹ Там же, стр. 226.

⁵² Там же, стр. 215.

⁵³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 239.

⁵⁴ Автобиографическое заявление А. А. Квятковского, стр. 170.

⁵⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 238; ср.: Процесс шестнадцати террористов, стр. 226.

«Это положение, — продолжал Ширяев, — и сделалось основным пунктом новой программы, развивая которую съезд стал далее обсуждать средства к осуществлению ... намеченной цели».⁵⁶ В этом месте председатель суда прервал Ширяева, поэтому вопрос о намеченных съездом средствах борьбы Ширяев не раскрыл, но он все же разъяснил, что «террору вовсе не придавалось значение средства к достижению целей партии». Террор служил «средством самозащиты партии и мести за жертвы правительственных преследований». Ширяев подтвердил, что вопрос о царубийстве был решен в условной форме, а сама террористическая деятельность «обусловлена лишь теми исключительными обстоятельствами, в которые партия поставлена». Он разъяснял, что достижение целей партии возможно лишь в многих путях деятельности. Ширяев закончил свою защитительную речь словами: «Заявление об исповедании программы „Народной воли“ еще не означает признания террора».⁵⁷

Имеется, наконец, еще одно достаточно авторитетное изложение Липецкой программы. Сохранилась собственноручная запись объяснений, данных на суде по делу 20 народовольцев Михайловым. Запись эта, кем-то слегка отредактированная, была опубликована еще в 1882 г. в «Прибавлении к № 8—9 „Народной воли“»,⁵⁸ но среди сделанных при печати купюр есть одна немаловажная для историка. Говоря о себе в третьем лице, Михайлов писал о своих объяснениях на суде (в квадратные скобки мы заключаем пропущенное в печатном тексте начало фразы): «[Канвой ему служили его заметки о Липецком съезде, как и] вообще он говорил, руководствуясь предварительно намеченным планом».⁵⁹ Итак, записи Михайлова о Липецком съезде — результат не внезапной импровизации, а обдуманного размышления, сосредоточенной работы памяти. Память же у Михайлова была очень цепкой — он, например, с большой точностью изложил на следствии программу «Земли и воли» (точнее, первоначальную редакцию второй программы).⁶⁰ Получив во время суда записку Фроленко с критикой показаний о Липецком съезде, данных Гольденбергом, Михайлов заметил в этой критике неточность и под текстом Фроленко написал: «Надо по возможности держаться исторической правды».⁶¹ Сам Михайлов, очевидно, старался следовать этому

⁵⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 241.

⁵⁷ Там же, стр. 242, 247—248.

⁵⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 579—589.

⁵⁹ Копия С. Н. Валка. Ср.: Литература партии «Народной воли», стр. 583.

⁶⁰ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 107—108; ср.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 54—57.

⁶¹ Копия С. Н. Валка. Ср.: Литература партии «Народной воли», стр. 583.

совету. Тем более заслуживают внимания приводимые им сведения. Вот что сообщал Михайлов о Липецкой программе.

Вопреки позднейшим мемуарным заявлениям Морозова и О. С. Любатович о том, что Липецким съездом был принят морозовский прсект, а программа ИК, напечатанная в № 3 «Народной воли», отличается от него в выборе главных целей партии, А. Д. Михайлов, как до него Квятковский и Ширяев, никаких принципиальных различий между обеими программами не видел. Он считал, что на Липецком съезде была выработана программа партии «Народной воли», опубликованная впоследствии от имени Исполнительного комитета.⁶² Михайлов считал, очевидно, поэтому возможным, говоря о программе Липецкого съезда, приводить формулы программы ИК. Это касается, в частности, раздела о «главных средствах» деятельности партии, которые перечислены точно по пунктам программы ИК. И все же ряд приводимых Михайловым положений отсутствует в программе ИК, но подтверждается показаниями других участников съезда.

«Программа, начерченная здесь, определяла следующее: общая цель была поставлена — народоправление, переход верховной власти в руки народа. Задачи партии — способствовать переходу и упрочению верховной власти в руки народа. Что касается средств, то все собравшиеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напрягали они свои умственные силы, чтобы найти при существующем строе какую-либо возможность легальной деятельности, направленной к вышеозначенной цели». Таких путей, продолжал Михайлов, по их мнению, не оказалось. «Тогда, в силу неизбежной необходимости, избран был революционный путь, намечены революционные средства. Решено было начать борьбу с правительством, отрицающим идею народоправления безусловно и всецело. Борьба должна была вестись силами партии „Народной воли“ и ее организации, при желательном содействии народа и общества. В главные средства включено было и царубийство, но не как личная месть тому или другому императору, а непременно в связи с другими главными средствами. Другие главные средства определены следующие (перечислены по пунктам все средства программы Исполнительного комитета).⁶³ Революционный путь постановлено было оставить, как только откроется возможность приблизиться к цели

⁶² А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 136. Ср.: стр. 155, 167.

⁶³ Агитационная и пропагандистская деятельность, разрушительная террористическая организация тайных обществ и сплочение вокруг одного центра, приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе, организация и свершение переворота, избирательная агитация.

посредством свободной проповеди, свободных собраний, свободной печати».⁶⁴

В том же 1882 г., когда давал свои объяснения на суде А. Д. Михайлов, в Женеве от имени ИК был опубликован биографический очерк о Желябове. В нем, в частности, приводятся такие высказывания Желябова на Липецком съезде о задачах партии, которые весьма напоминают изложение программы. Вот что говорил на съезде Желябов: «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет „идейная борьба“. Ввиду этого мы должны остановиться как на ближайшей цели на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности».⁶⁵ Позже, на суде, он пояснял, имея в виду Липецкий съезд, что намеченные там задачи политической борьбы вовсе не были столь узки, как трактовал прокурор, ссылавшийся на Морозова и Гольденберга, которые действительно полагали, что «вся наша задача состоит в расширении пути через частые политические убийства». В Липецке, говорил Желябов, намечался «путь насильственного переворота путем заговора» и для этого «организация революционных сил в самом широком смысле».⁶⁶ По свидетельству Фроленко, Желябов на съезде развивал «стройную программу боевой организации», целой серии «фактов», которые «могли бы закончиться или переворотом, захватом радикалами власти, или, по крайней мере, хоть принуждением правительства пойти на уступки и дать конституцию». Говоря о захвате власти, добавляет Фроленко, Желябов всегда оговаривался, что захватывать власть «можно лишь с тем, чтоб передать ее в руки народа».⁶⁷ Желябов не преминул сделать на суде серьезную оговорку, обратив внимание на то, что по своим убеждениям он в период Липецкого съезда был готов отставить насильственную борьбу, если бы явилась возможность беспрепятственной дея-

⁶⁴ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 167.

⁶⁵ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112.

⁶⁶ Из речей на суде А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской. Былое, 1906, № 3, стр. 63, 66.

⁶⁷ М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды, стр. 72—73.

гельности партии. «Мирный путь возможен, — говорил он. — От террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия».⁶⁸ Памятуя о признании очень видной роли Желябова на съезде, можно полагать справедливым сообщение М. Ф. Фроленко о том, что «мнение, обычно ясно формулируемое Желябовым, быстро принималось».⁶⁹ Действительно, точка зрения Желябова, более широкая и близкая к традициям народничества, скорее, чем предложения Морозова, могла получить одобрение съезда.

Сопоставление всех приведенных нами свидетельств позволяет заключить, что в Липецке довольно согласно наметили цели партии — ниспровержение самодержавия и установление представительного строя и политических свобод. Все разделяли, видимо, и оговорки по поводу вооруженной борьбы и террора, от которых решили отказаться, «как только откроется возможность приближаться к цели посредством свободной проповеди» (Михайлов). Но участники съезда, обсуждая вопрос о средствах политической борьбы, не пришли как будто ко вполне согласованным выводам. Как же они предлагали бороться?

«По способу Вильгельма Телля» (Морозов).

«Вооруженная борьба с правительством» (Фигнер).

«Дезорганизация правительства посредством партизанской террористической борьбы» (Любатович).

«Заговор» «с помощью сильной боевой организации» (Фроленко).

«Пропаганда и агитация». «Народное восстание». Террор — «второстепенная, если не третьестепенная часть программы» (Квятковский).

«Террору вовсе не придавалось значение средства к достижению целей партии». «Работать для этой цели можно и должно на многих путях» (Ширяев).

«Силами партии „Народной воли“ и ее организаций при желательном содействии народа и общества. В главные средства включено было и царевубийство... и непременно в связи с другими главными средствами» (Михайлов).

«Путем заговора» и «организации революционных сил в самом широком смысле». «Путем восстания» (Желябов).

Это сопоставление позволяет заключить об отсутствии единомыслия на Липецком съезде, хотя для достижения этого единомыслия были предприняты еще до съезда некоторые меры. Так, Михайлов, по сообщению Фроленко, во время своего посещения Одессы незадолго до съезда, познакомил с проектом «северян» Желябова и других «южан».⁷⁰ Во всяком случае, по сообщению одного только Фроленко, «больших споров, длинных рассуждений

⁶⁸ Из речей на суде А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской, стр. 67.

⁶⁹ М. Фроленко. Начало народовольчества. Каторга и ссылка, 1926. № 3, стр. 23.

⁷⁰ М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды, стр. 73.

на съезде не было. Обо всем переговорили заранее. Здесь надо было лишь выработать и формулировать кратко то, что думали, с чем были согласны все».⁷¹

Фроленко преувеличивает степень согласия на Липецком съезде. Спустя 13 месяцев после съезда Ширяев припомнил, что, сходясь на почве народнических воззрений, его участники «значительно разнились друг с другом во взглядах на допущение политической борьбы». «Некоторые придавали этому элементу лишь временное и очень условное значение». Другие сожалели о том, что народническое движение с самого начала не придало серьезного значения политической борьбе. «Но так как большинство отстаивало первое мнение, то в этом смысле и была принята резолюция: пополнить народническую программу временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто социалистических требований».⁷²

Среди сторонников политической борьбы, таким образом, не было единства. Если Морозов хотел вынудить у правительства путем террора, а потом довести дело до революции, то Желябов и другие «политики» думали о государственном перевороте путем заговора, а террор тогда допускали как будто только в качестве мести Александру II за жестокие репрессии. Но всех участников съезда объединяла задача — «сломить деспотизм, и речь шла лишь о том, какими средствами это сделать. Все были согласны отставить путь вооруженной борьбы в случае, если бы явилась возможность мирной пропаганды. Морозову, очевидно, пришлось снять свою категорическую формулу «по способу В. Телля» и согласиться на идею заговора, но террор тем не менее был признан одним из главных средств борьбы. Видимо, Морозову пришлось согласиться и на лозунг созыва «народных представителей» — перспектива, которую он не одобрял в своей переписке 1880 г.⁷³ С другой стороны, выдвинутый им пункт о «принуждении правительства (путем террора, — С. В.)... дать конституцию» возможно был принят большинством.

Опираясь в основном на свидетельства Михайлова, Квятковского, Ширяева и Желябова, попытаемся восстановить предполагаемое построение и содержание Липецкой программы. Поскольку съезд в Липецке рассматривал свою программу прежде всего как дополнение к землевольческой, она была краткой. И все же в ней, очевидно, было заявление, подтверждавшее верность партии социалистическим идеалам и объяснявшее, какие условия вынудили вре-

⁷¹ Там же, стр. 75.

⁷² Автобиографическая записка и письма Степана Ширяева. Красный архив, 1924, т. 7, стр. 93.

⁷³ Н. А. Морозов — П. Н. Ткачеву, 5 мая 1880 г. (копия С. Н. Валка).

менно выдвинуть на первый план политическую борьбу. Далее, по всей вероятности, следовала политическая декларация, где объявлялась смертельная война самодержавию и полицейскому деспотизму и провозглашалось требование передачи власти народу, собранию народных представителей. Быть может, здесь вновь была оговорка о том, что достижение политических свобод не является конечной целью партии.

Вряд ли можно полностью согласиться с мнением о том, что «вопрос о целях и перспективах политической борьбы на съезде был утвержден в самой неопределенной форме». Сам автор этого мнения в следующем же абзаце своей статьи приходит к заключению, что «большинство участников съезда при обсуждении целей и перспектив политической борьбы склонялось к заговору, поддерживаемому народным восстанием, с последующим установлением народовластия».⁷⁴

Последний раздел, видимо, посвящался средствам, избранным партией для осуществления ее целей. Основной задачей было вести подготовку революционных сил к восстанию и заручиться поддержкой народа и общества. Среди главных средств дезорганизации правительства упоминался террор, но насильственные способы борьбы постановлено было прекратить, когда откроется возможность свободной политической деятельности.

Свидетельства о содержании принятой в Липецке программы, относящиеся к 1880—1882 гг., скорее говорят в пользу авторства Желябова, чем Морозова. И если даже верно сообщение Морозова о том, что составленный именно им черновик обсуждался и был принят «единогласно», то это случилось, по всей вероятности, лишь после того, как каждая фраза этого проекта была при одобрении съезда дополнена или переформулирована Желябовым заново. Некоторые другие наблюдения над свидетельствами по поводу Липецкой программы как будто подтверждают этот вывод. Формула Липецкого съезда о будущем государственном устройстве России была довольно расплывчата. Морозов говорил о «свободных народных представителях», Ширяев — о «представительных политических учреждениях», Квятковский — о «представительном народном собрании». Желябов упоминал «свободные учреждения» и допускал конституцию. Надо полагать, что вопрос этот действительно был решен «в довольно неопределенной форме», как об этом говорил в биографии Желябова Тихомиров, и только «несколько позднее» явилось «Учредительное собрание и принцип „Народной воли“».⁷⁵ Лишь в № 2 «Народной воли», вышедшем в конце ноября 1879 г., т. е. в момент разработки программы ИК, впервые

⁷⁴ В. А. Твардовская, ук. соч., стр. 72.

⁷⁵ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112.

разрабатывается идея Учредительного собрания.⁷⁶ В передовой же статье № 1 «Народной воли» перед партией ставится лишь цель добиться признания верховной власти народа⁷⁷ — формула очень общая, но соответствующая приведенным выше свидетельствам Квятковского и Ширяева, а также пояснению Михайловым содержания этого пункта в Липецкой программе: «Задачи партии — способствовать переходу и упрочению верховной власти в руках народа».⁷⁸

В отношении способа осуществления революционных замыслов на съезде обсуждались, утверждает Фроленко, как возможная тактика и заговор, и переворот, и захват власти с передачей ее народу.⁷⁹ По Тихомирову, и террор как почти единственное средство борьбы, и захват власти самой партией — все это были лишь необязательные мнения отдельных лиц.⁸⁰ Подобная широта мнения о тактике действий позволяла по-своему трактовать средства, избранные партией, людям самых различных тенденций. Нельзя полагаться ни на Морозова, ни на официальное обвинение, стремившееся доказать, что Липецкий съезд принял чисто террористическую программу. Предложение Морозова переходить к наступательным действиям против правительства «один на один» и «помимо народных масс»⁸¹ большинству революционеров казалось, конечно, полным разрывом с народническими традициями и не могло заслужить их одобрения. На Липецком съезде объединялись прежде всего не сторонники террористической борьбы как таковой, а сторонники борьбы политической, в которую террор входил только как одно из главных средств. Мало кто мог предвидеть тогда, что террористическая деятельность фатально приобретает значение основной деятельности партии.

Позиция Морозова и Гольденберга, которые провозглашали террор единственным методом борьбы, была, очевидно, исключением. Несостоятельно и прокурорское обвинение по процессу шестнадцати. Объявляя Липецкий съезд съездом террористов, оно основывалось на показаниях Гольденберга, который не присутствовал при решении вопроса о программе. Однако даже в признаниях Гольденберга можно найти следы иного понимания съездом террористической борьбы, чем об этом говорится в обвинительном заключении. В официальном отчете о процессе 16, например, было опущено очень показательное место из признаний Гольденберга.

⁷⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 81.

⁷⁷ Там же, стр. 10.

⁷⁸ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 167.

⁷⁹ М. Фроленко. Липецкий и Воронежский съезды, стр. 75.

⁸⁰ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 112.

⁸¹ Н. Морозов. Липецкий съезд. Историко-революционный альманах. СПб., 1907, стр. 17, 199.

Рассказывая о двух сходках харьковской молодежи в сентябре 1879 г., на которых выступали он, Гольденберг, и Желябов, Гольденберг пояснил: «Под террористическим движением, о котором я упоминаю во всем моем показании, не следует понимать одних лишь политических убийств, которые признавались одним из средств; террористическая же фракция стремилась к достижению цели путем широкой агитации в среде молодежи, войска и вообще в обществе. Это более чем кто-либо признает и понимает, эта в высшей степени развитая и гениальная личность — Желябов».⁸²

Решающим свидетельством служит также в данном случае одно из показаний Михайлова, который, ссылаясь на летние съезды 1879 г., заявил, что «средством борьбы должен был служить не один террор — как средства намечались многообразные действия».⁸³ Позднее эту точку зрения подтвердили и известные «показания» М. Н. Полонской. Под «политическим действием», к которому склонялась большая группа землевольцев, по свидетельству М. Н. Полонской, «вовсе не подразумевался исключительно террор, но вообще всякого рода агитаторские воздействия на общество, на народ и на правительство».⁸⁴

Но некоторыми участниками съезда террору придавалось серьезное значение. «Террор считался как одно из главных средств»,⁸⁵ — отмечал тот же Михайлов. По показаниям Ширяева, на съезде было решено организовать систематический террор как в виде мести за репрессивные меры, так и в виде уничтожения правительственных лиц, вредных для партии или смерть которых усилит значение партии.⁸⁶

Необходимо также отметить, что Липецкая программа, видимо, предусматривала возможность и мирного течения борьбы. Это подразумевается в тексте, приводимом Морозовым, об этом же более ясно и категорично говорили Желябов («Мирный путь возможен») и Михайлов. Нужно сказать также, что согласно свидетельствам Любатович и Фроленко (о Желябове) предусматривалась и тот случай, что правительство будет принуждено пойти на уступки и дать конституцию. Имеется, наконец, и показание ярого сторонника террористических действий Гольденберга, пропущенное в официальном отчете о процессе 16, как благоприятное для судившихся революционеров: «На съезде толковали и решили, что политические убийства могут иметь место и значение в смысле пользы, лишь при существовании неограниченной монархии, при измене-

⁸² ЦГВИА, ф. 545л, оп. 2, д. 525, прилож. к т. 3, л. 31.

⁸³ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 155.

⁸⁴ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской, стр. 3.

⁸⁵ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 155.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 545л, оп. 2, д. 525, прилож. к т. 3, л. 8, т. 5а, л. 84.

нии же порядка правления и при расширении политической свободы они будут и излишними (разрядка моя, — С. В.), ибо тогда всякий правительственный орган признавался неприкосновенным».⁸⁷

Среди участников съезда были, очевидно, и противники террора как орудия политики (они допускали его лишь как орудие мести и защиты) — Квятковский, Ширяев. Но сколько-нибудь твердой и принципиальной позиции они, по всей видимости, не занимали, допуская включение цареубийства в круг революционных действий.

Наиболее авторитетные участники съезда и прежде всего такие руководители «Народной воли», как Желябов и Михайлов, говорили о восстании, о широкой организации революционных сил при желательном содействии народа и общества. Цареубийство включалось в этот план лишь как одно из средств политической борьбы. Но последнее положение, судя по показаниям Квятковского и Ширяева об условном вынесении смертного приговора Александру II,⁸⁸ вряд ли было включено в программу, которая ставила гораздо более широкую задачу — свержение самодержавия.

По свидетельству Л. Тихомирова, подтверждаемому другими участниками съезда, «на Липецком съезде обсуждалась главным образом программа политического общества... что касается планов цареубийства, то они коллективно даже не обсуждались».⁸⁹ «Липецкому съезду пришлось заниматься разрешением теоретических вопросов и главным образом решением вопроса „политической борьбы“, т. е. борьбы с правительством», — показывал Н. Н. Колдкевич, возражая также против показаний Гольденберга как «пылкой фантазии психически больного человека, а может быть ренегата».⁹⁰ Протестовал против «узкого» толкования решений Липецкого съезда как «совершения удачного покушения во что бы то ни стало» и Желябов. Он утверждал, что в Липецке были намечены задачи политической борьбы, «путь насильственного переворота путем заговора, для этого организация революционных сил в самом широком смысле».⁹¹

⁸⁷ Там же, прилож. к т. 3, л. 28 об.

⁸⁸ О том, что Липецкий съезд решил вопрос о цареубийстве лишь между прочим и притом условно — в зависимости от предстоящих казней — сообщал в разное время и Тихомиров (Из архива Л. Тихомирова, стр. 179; Л. Тихомиров. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, стр. 121).

⁸⁹ Л. Тихомиров. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, стр. 121.

⁹⁰ С. Н. Валк. Из народолюбческих автобиографических документов. Красный архив, 1927, т. 1 (20), стр. 211.

⁹¹ Процесс 1-го марта 1881 г. СПб., 1906, стр. 223.

Нельзя объяснять условного допущения террора Квятковским и Ширяевым нахождением их под стражей. Оба они очень лояльно стремились изложить точку зрения партии. Сохранилась даже записка Квятковского, направленная им во время суда на волю к товарищам. Ознакомившись с программой ИК в № 3 «Народной воли», Квятковский запрашивал 30 октября 1880 г. инструкции к своей защитительной речи, что «там проводить, программу ли третьего номера газеты или что новое».⁹² Но, очевидно, товарищи не успели ему сообщить свои новые установки. По крайней мере в № 4 «Народной воли», в статье, посвященной процессу 16, выражалось несогласие с заявлениями Квятковского и Ширяева о терроре как не вполне соответствующими позднему представлению о нем как средстве для достижения задач партии. Газета объясняла, что новый взгляд на террор установился впоследствии, и его не могли знать товарищи, «оторванные от жизни стенами казематов». Газета нисколько не винила подсудимых за то, что они «выясняют задачу террора, как она ставилась многими в 1879 году, до их ареста».⁹³

Все вышесказанное заставляет усомниться в том, что в программе Липецкого съезда был сформулирован столь недвусмысленно и бескомпромиссно террористический принцип борьбы, который приводит Морозов: «Мы будем бороться по способу Вильгельма Телля». Никто из указанных нами свидетелей не напоминает, в частности, этой крылатой фразы, не настаивает на признании съездом террора единственным или универсальным средством борьбы.

Сравнительно легко решается вопрос об источниках Липецкой программы. Участники съезда исходили при обсуждении программы отнюдь не из каких-либо теоретических предпосылок, а из своего понимания политической обстановки в стране. В силу этого программа, видимо, носила эмпирический характер. Квятковский так рассказывал о возникновении новой программы: «Критическое отношение к своей деятельности, анализ фактов и наблюдений, почерпнутые из хождения в народ, послужили к выработке новой программы, основанной уже не на данных теоретического характера, а живых, почерпнутых из наблюдений над жизнью народа».⁹⁴

О том, что не литературные источники играли основную роль при выработке программы, говорят и другие свидетельства. В № 1 «Народной воли» программные положения вновь возникшей партии противопоставлялись старым «предвзятым» и «книжным» теориям, причем имелись в виду анархические теории, отвлекав-

⁹² Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 252.

⁹³ Литература партии «Народной воли», стр. 306—308.

⁹⁴ Там же, стр. 303—304.

шие внимание революционеров от вопроса о государственных отношениях.⁹⁵ В № 4 «Народной воли», в статье, где комментировались заявления Квятковского и Ширяева на суде, эта же мысль разъяснялась следующим образом: «Программа, выработанная на Липецком съезде в июне 1879 г., резюмирует предшествующий революционный опыт».⁹⁶

Рассматривая «политику» как неизбежное зло, отвлекающее их от задач социального освобождения народа, участники Липецкого съезда показали тем самым, что они не понимали действительного соотношения между политической и экономической борьбой, не отрешились полностью от бакунистских принципов. Однако само внесение «политики» в теоретические положения и практику народнического движения было большим шагом вперед. В этом смысле значение Липецкого съезда и принятой им программы весьма велико. «Вопрос об изменении программы — самый существенный вопрос, для которого и собрался съезд»,⁹⁷ — утверждал Ширяев. По свидетельству многих участников съезда в Липецке было положено начало ИК, который стал ядром будущей «Народной воли».⁹⁸ Как отмечал в своих объяснениях на суде А. Д. Михайлов, на заседаниях Липецкого съезда была выработана «программа нового направления», а «самый факт съезда санкционировал первый момент существования партии „Народной воли“».⁹⁹

Главным программным новшеством съезда было, по мнению его участников, выдвижение на первый план не борьбы экономической, как прежде, а «политической».¹⁰⁰ На таком понимании новаторского характера решений съезда настаивал тогда же и орган партии «Народная воля». «Итак, — отмечалось в № 4 «Народной воли», — политический переворот как первый необходимый шаг к осуществлению радикальных экономических реформ — вот положение, послужившее поводом к выделению фракции, сложившейся вскоре в партию „Народной воли“».¹⁰¹

Выработанная в Липецке программа или, скорее, декларация сторонников политической борьбы, судя по таким авторитетным для нас свидетельствам, как показания Михайлова, Квятковского, Ширяева, являлась не столько «поправкой» или «проектом изменения» старой землевольческой программы, сколько зачатком новой.

⁹⁵ Там же, стр. 10—11, 7.

⁹⁶ Там же, стр. 303.

⁹⁷ Процесс шестнадцати террористов, стр. 118.

⁹⁸ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской, стр. 5.

⁹⁹ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер, ук. соч., стр. 167.

¹⁰⁰ С. Н. Валк. Из народвольческих автобиографических документов, стр. 211 (показание Колодкевича).

¹⁰¹ Литература партии «Народной воли», стр. 305.

Хотя участники съезда еще имели надежду на то, что внесенные ими добавления в старую народническую программу будут приняты в Воронеже всей организацией, уже не исключалось мнение, как сообщал позднее в объяснениях на суде Ширяев, что «нам придется выступить как совершенно новая партия».¹⁰²

Достаточно расплывчатые формулировки Липецкой программы, видимо, сыграли большую роль в объединении тогдашних радикальных кружков вокруг новой революционной организации. Как бы вынужденное и притом лишь временное допущение противоправительственной борьбы казалось вполне приемлемым для многих народников, потрясенных суровыми расправами 1878—1879 гг. Недоверчивее всего они относились к заявленным новой партией целям борьбы — представительным учреждениям, демократическим свободам, конституции. Тут они видели измену народническим традициям. Слово «конституционалист» они считали символом либерала и чуть ли не изменника народному делу. Все, что защищал принципы политической борьбы, подозревались ими в конституционализме. «Да ведь он чистый конституционист», — говорили они с осуждением на Воронежском съезде о Желябове.¹⁰³

Все предусмотренные Липецкой программой оговорки не сделали ее, однако, приемлемой для правоверных народников. На Воронежском съезде, состоявшемся тотчас после Липецкого, попытка пересмотреть землевольческую программу не была поддержана большинством, которому казалось, что Желябов отодвигал на второй план социалистические задачи. Выдвинутая Желябовым программа политической революции слишком расходилась с традиционными воззрениями народников и не встретила понимания среди присутствовавших.¹⁰⁴ Отказ от постановки широких политических задач не мог удовлетворить сторонников нового направления. Видимо, поэтому они так и не выдвинули в качестве новой программы Липецкую декларацию, принятую негласно от остальных землевольцев. В Воронеже о Липецкой программе, видимо, и не упоминалось. Все же Воронежский съезд завершился компромиссом.

В дополнение к землевольческой программе единогласно было принято постановление об «особом развитии дезорганизационной группы в смысле борьбы с правительством, продолжая в то же время и работу в народе в смысле поселений и народной дезорганизации».¹⁰⁵ Однако, когда на голосование была поставлена резолюция о борьбе с произволом, «пока он существует», за нее голосовало из 19 присутствующих 16, а за «преобладание террора» —

¹⁰² Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 243.

¹⁰³ К биографиям А. И. Желябова и С. А. Перовской, стр. 114.

¹⁰⁴ См.: Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 105—107.

¹⁰⁵ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 150; ср.: К биографиям А. И. Желябова и С. А. Перовской, стр. 114—115.

только 13.¹⁰⁶ Плеханов, как известно, покинул из-за этого решения съезд.

Липецкая программа так и не была напечатана. Скорее всего, она не распространялась и в рукописных копиях, ибо сослужила свою службу прежде всего тем, что уяснила вопрос о значении политической борьбы самим авторам. Вследствие своей краткости и из-за отсутствия теоретического обоснования своих положений она, очевидно, не могла служить в качестве манифеста нового направления.

Нельзя забывать, что программу Липецкого съезда вообще следует рассматривать как переходную, ибо она еще не сформулировала четких принципов нового направления. Но именно поэтому она и была привлекательна для тех, кто еще не мог отойти от традиционных народнических взглядов. Созданная в переходное время, когда настроения революционеров в значительной мере определялись кризисом старой бунтарской и поселенческой практики, Липецкая программа сделала крупный шаг вперед по пути единственно возможной в то время ориентации революционной борьбы. Когда после Воронежского съезда новые репрессии и казни усилили склонность народников к политической борьбе, главные положения Липецкой программы явились основой для объединения революционных кружков вокруг только что возникшей «Народной воли». Примыкали к народовольцам в этот момент и те радикальные элементы, которые не считали себя убежденными социалистами, но считали первоочередной задачей общественного движения завоевание конституции и политических свобод.

Так, к «Народной воле» примкнул С. Златопольский, который признавал за социализмом лишь «значение вероисповедания партии», не более. Липецкая программа, о которой он узнал «в общих чертах» от Колодкевича, а затем в № 1 «Народной воли», показалась ему полностью соответствующей его убеждениям. Ведь раньше он не захотел сближаться с землевольцами именно вследствие их отчужденности от вопросов политического характера.¹⁰⁷

Постановка вопроса о политической борьбе выдвигала «Народную волю» как передовую общественную силу и тем самым привлекала к ней большинство революционно настроенной молодежи. Разъясняя ранней осенью 1879 г. новые программные положения, народовольческие эмиссары в провинции (Желябов — в Харькове, Колодкевич — в Одессе, Михайлов — в Москве,¹⁰⁸ и т. д.) в своей агитации за политическую борьбу приводили, когда это было необходимо, и те оговорки, которые, на наш взгляд, содержала в себе

¹⁰⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 151—152.

¹⁰⁷ С. Н. Валк. Из народвольческих автобиографических документов, стр. 229.

¹⁰⁸ Из автобиографии Веры Фигнер. Былое, 1917, № 3, стр. 186.

Липецкая программа. Именно благодаря этим оговоркам, компромиссному характеру выработанной в Липецке программы в первые же полтора-два месяца народовольцы привлекли под свое знамя наиболее энергичные и боевые революционные силы в столичных и провинциальных кружках.

Любопытное признание сделал в своих показаниях Гольденберг. Рассказывая о своем выступлении в начале сентября 1879 г. в харьковском народническом кружке, где он развивал идею «террористического движения», Гольденберг признал, что его «не вполне понимали». Но на второй сходке вслед за Гольденбергом говорил Желябов, который поставил вопрос также о «широкой агитации в среде молодежи, войска и вообще общества». Только тогда настроение кружка обратилось в пользу «Народной воли».¹⁰⁹

Победа нового направления отнюдь не была быстрой и повсеместной. Политическая борьба понималась народовольцами побланкистски, как заговор, ее главным выражением в условиях единоборства кучки революционеров с правительством стал террор. Агитации в народе, которой гордились прежде некоторые, и в частности Тихомиров, не придавали теперь никакого значения — так по крайней мере можно было судить по передовой № 1 «Народной воли». Разрыв со старыми симпатиями, призыв перестать «биться около народа как рыба об лед» и приступить к подготовке государственного переворота — все эти лозунги, выдвинутые № 1 «Народной воли» в почти категорическом виде, — несомненно поразили и озадачили значительную часть народнически настроенной молодежи. По словам В. Н. Фигнер, «общий ропот неудовольствия поднялся при выходе первого номера „Народной воли“». ¹¹⁰ Крайние выводы в отношении агитации в народе, сделанные бланкистки настроенным Тихомировым, очевидно, не вполне устраивали народовольцев. В последующем столь резких выражений избегали, а в программе ИК об агитации в народе, хотя и не очень определенно, но все-таки было сказано.

И чисто террористическая позиция Морозова и бланкистская точка зрения Тихомирова свидетельствуют о том, какие равнодействующие силы действовали на почве липецкого соглашения. И хотя Липецкая программа, без сомнения, включала в себя и террор и заговор, оба эти тактических элемента понимались достаточно широко. Необходимость многообразных средств революционной борьбы, в том числе и агитации в народе, Липецкой декларацией, очевидно, не исключалась. Вот почему, на наш взгляд, нельзя судить о положениях, принятых на Липецком съезде, главным образом по воспоминаниям Морозова или написанным Тихо-

¹⁰⁹ ЦГВИА, ф. 545л, оп. 2, л. 525, прилож. к т. 3, л. 31.

¹¹⁰ Из автобиографии Веры Фигнер, стр. 186.

мировым статьям в № 1 «Народной воли». Более надежное изложение Липецкой программы дают, на наш взгляд, свидетельства Михайлова, Квятковского, Ширяева, полагавших, что в существенных чертах она была тождественна или почти тождественна с позже созданной программой ИК. Липецкую программу следует рассматривать, таким образом, как своего рода протограф «Программы Исполнительного комитета».

Программа Исполнительного комитета

После того как на Петербургском съезде 15 августа 1879 г. окончательно решился вопрос о распаде общества «Земля и воля», вновь рожденная «Народная воля» должна была позаботиться о своей программе. Краткая декларация Липецкого съезда, намеченная как дополнение к землевольческой программе, не могла удовлетворить самостоятельную организацию, выдвинувшую широкие политические задачи.

По воспоминаниям Любатович, после того как состоялось решение направить первоначально все удары на Александра II (а мы знаем из прокламации ИК от 1 марта 1881 г., что смертный приговор последнему был вынесен ИК 26 августа 1879 г.¹¹¹), народо-вольцы перед разездом «на дело» (царь находился в то время на юге) предварительно посвятили «несколько дней на обсуждение основных положений программы Исполнительного комитета. К сожалению, у собравшихся не было достаточно свободного времени, чтобы окончательно закончить и оформить эту программу».¹¹² Как вспоминал потом А. И. Зунделевич, на первых собраниях, когда «конструировалась» «Народная воля», активно выступали со своими проектами Морозов и Желябов: как бы продолжалась полемика Липецкого съезда. «Спор долго шел о том, чей проект принять».¹¹³ Морозов, по рассказу Любатович, вновь пытался отстаивать свой липецкий проект, но «каждый параграф возбуждал прения». Основное разногласие происходило по вопросу о главных целях политической борьбы. Морозов считал, что необходимо путем террора вынудить правительство предоставить самому народу выразить свою волю, а Тихомиров и Ошанина доказывали, что необходимо путем заговора захватить власть, декретировать конституцию и уже тогда вручить народу власть.¹¹⁴ Обсуждался также не дошедший до нас проект Зунделевича, что подтверждается

¹¹¹ Литература партии «Народной воли», стр. 897.

¹¹² О. С. Любатович, ук. соч., стр. 63.

¹¹³ А. И. Зунделевич. Письма к Л. Дейчу (1922). Группа «Освобождение труда». Сборник № 3. М.—Л., 1925, стр. 205—206.

¹¹⁴ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 75.

также В. И. Иохельсоном,¹¹⁵ однако этот проект не встретил сочувствия и длинных прений не вызвал. Хотя и Фигнер,¹¹⁶ и Иохельсон называют Зунделевича одним из первых русских социал-демократов, в его взглядах как будто, судя по изложению мемуаристов, не было ничего марксистского. «Тихомиров же весьма мало интересовался программами и только говорил, что ему все равно, какой проект будет принят, так как любой из них можно защищать»,¹¹⁷ — свидетельствовал впоследствии Зунделевич. В конце концов во один проект не был принят, и было решено выпустить первый номер «Народной воли» без формулированной программы. Тихомирову было поручено написать новый проект.¹¹⁸

Фигнер, видимо, ошибается, когда рассказывает об обсуждении и принятии программы ИК как довольно быстром и почти непрерывном процессе. По всей вероятности, после первых заседаний, когда выяснилась необходимость создания нового проекта программы, большинство членов организации разъехалось, и последующий этап обсуждения нового проекта наступил лишь через полтора-два месяца. Ширяев на суде заявлял, что программа ИК была составлена в «середине октября» 1879 г.¹¹⁹ В своей автобиографической записке Ширяев вспомнил, что после покушения под Москвой 19 ноября 1879 г. он жил там еще с неделю, причем именно в это время был привезен в Москву второй номер газеты и «проект программы, назначавшейся к опубликованию в ближайшем номере „Народной воли“». ¹²⁰ Составление программы ИК относится к сентябрю—октябрю 1879 г., — подтверждалось в начале 1882 г. в так называемом «Письме ИК к заграничным товарищам». ¹²¹ Таким образом, время возникновения проекта программы устанавливается довольно точно — сентябрь—начало ноября 1879 г. Но можно ли одного Тихомирова считать автором этого проекта, как это большей частью делается. Сам Тихомиров писал только о своей «первенствующей роли в выработке» программы ИК,¹²² не более. Любатович добавляет второго автора формулировок его проекта — Ошанину,¹²³ а Иохельсон и третьего — Сергееву, жену Тихомирова, в прошлом участницу того же кружка «якобинцев» в Орле, в который входила и Ошанина.¹²⁴ Наконец, в письме

¹¹⁵ В. И. Иохельсон. Первые дни «Народной воли». Пб., 1922, стр. 17.

¹¹⁶ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 148.

¹¹⁷ А. И. Зунделевич, ук. соч., стр. 206.

¹¹⁸ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 144.

¹¹⁹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 246.

¹²⁰ Автобиографическая записка и письма Степана Ширяева, стр. 97.

¹²¹ Письмо ИК к заграничным товарищам. Группа «Освобождение труда».

Сборник № 3. М.—Л., 1925, стр. 146.

¹²² Из архива Л. Тихомирова, стр. 180.

¹²³ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 75.

¹²⁴ В. И. Иохельсон, ук. соч., стр. 17.

ИК к заграничным товарищам содержится заявление, что программа составлялась коллегиально.¹²⁵ По-видимому, прав был скорее Фроленко, когда указывал, что роль Тихомирова заключалась главным образом в «умении литературно выразить общую мысль»,¹²⁶ а не Морозов, который утверждал, что писания Тихомирова «никогда не выражали собою реального духа боевой организации „Народной воли“».¹²⁷

В период отсутствия в октябре—ноябре 1879 г. многих видных членов ИК редакция «Народной воли» организовала предварительные обсуждения проекта. Рассылался он и в другие города — «всюду, где мы имели зародыши своих кружков»,¹²⁸ — говорится в «Письме ИК к заграничным товарищам». На этих обсуждениях были внесены лишь незначительные поправки.¹²⁹ «Стало быть, она выразила общественное мнение партии в самый момент ее возникновения»,¹³⁰ — утверждает в только что цитированном письме ИК. Решающее голосование двух проектов — Морозова и Тихомирова — состоялось, видимо, лишь в начале декабря 1879 г., после возвращения в Петербург Михайлова и Желябова. Думается, что справедливо заподозренный в тенденциозности С. Н. Валком рассказ О. С. Любатович о победе Тихомирова при помощи «домашних» средств (собираания голосов в пользу своего проекта по домам)¹³¹ вряд ли может относиться к этому этапу обсуждения программы, когда требовалось принципиальное ее одобрение. Скорее, пожалуй, он мог относиться к завершающему этапу обсуждения — получению санкции ИК на ее опубликование с внесенными уже поправками. Любатович, в частности, сообщает, что она и Морозов пытались приостановить «самоуправство» Тихомирова, но было поздно, ибо программа была отдана в набор, а задержать выход очередного номера «Народной воли» было невозможно.¹³² Рассказ Морозова о голосовании обоих проектов, когда за его проект были поданы голоса Перовской, Любатович, Грачевского, С. Ивановой и др., а за проект Тихомирова — Желябова, Михайлова, Ошаниной, Фроленко и др.,¹³³ видимо, относится уже к тому времени, когда он, после того как программа была напечатана, потребовал балло-

¹²⁵ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146.

¹²⁶ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 31.

¹²⁷ Там же, стр. 28 (прим. Морозова).

¹²⁸ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146.

¹²⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 223 («Народная воля»,

№ 3).

¹³⁰ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146.

¹³¹ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 17 (предисловие С. Н. Валка).

¹³² Там же, стр. 75—76.

¹³³ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 27 (прим. Морозова).

тировки своего проекта.¹³⁴ Вообще же на программных заседаниях, как вспоминала Фигнер, при обсуждении проекта Тихомирова все были единомысленны, поэтому «прения шли быстро, гладко, без многословья».¹³⁵ Это сообщение в общем подтверждает и Фроленко, отмечавший, что на первых заседаниях больших возражений не было и только при окончательном чтении возражали Морозов и Любатович.¹³⁶

Победа тихомировского проекта объяснялась, конечно, не только личными качествами Тихомирова, на что жалуется Любатович. Главное было в том, что большинство членов ИК поддержало программу более широкую, чем программа действия по образу Вильгельма Телля, формулированную в Липецке Морозовым.

Очень немногое известно о самом содержании дискуссии по поводу программы. Так, Ширяев не сделал «почти никаких замечаний».¹³⁷ Фроленко сообщает, что Любатович упрекала программу за то, что в ней отсутствует пункт о работе в деревне: «Чтобы ее утешить, внесли какой-то параграф о деревне, но все знали заранее, что это мертворожденный параграф».¹³⁸

Было предложение, приписываемое иногда Желябову,¹³⁹ иногда Тихомирову,¹⁴⁰ о том, чтобы назвать себя в программе социал-демократами. Но одни возражали против названия, присущего германской рабочей партии, а другие настаивали на необходимости подчеркнуть преемственность революционных традиций и оставить определение «народники-социалисты».¹⁴¹

Любатович и Морозов упрекали Тихомирова (но тот якобы отмалчивался) в якобинстве и нечаевщине, указывая на недопустимость указания программы на захват власти и возможность декретирования сверху. Морозов и Любатович, однако, выступали в этом вопросе с анархо-индивидуалистических позиций, ибо заявляли, что революционеры должны быть противниками «всякого общественного, государственного или личного принуждения».¹⁴² Сходную позицию, сколько можно судить по изложению Йохельсона, зани-

¹³⁴ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 78—79.

¹³⁵ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 144.

¹³⁶ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 136 (прим. Фроленко).

¹³⁷ Автобиографическая записка и письма Степана Ширяева, стр. 97.

¹³⁸ О. С. Любатович, ук. соч., стр. 136 (прим. Фроленко).

¹³⁹ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 144.

¹⁴⁰ Н. А. Морозов (Повести моей жизни, т. IV, стр. 281) приписывает его Тихомирову, но свидетельства Г. В. Плеханова об отношении Тихомирова к немецкой социал-демократии явно противоречат этому утверждению (Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, М.—Л., 1926, стр. 31).

¹⁴¹ Позднейшее сообщение Н. Морозова о том, что он возражал против идеи социализма в программе, является, как уже говорилось выше, ретроспективным распространением либеральных взглядов Морозова начала 1900-х годов на период 1880—1881 гг.

¹⁴² О. С. Любатович, ук. соч., стр. 76, 78.

мал и Зунделевич. Морозов и Зунделевич считали самым подходящим средством революционной борьбы за свободу террор.¹⁴³

Инициаторами внесения ткачевских принципов в программу Иохельсон называет Ошанину и Сергееву. «Военный заговор понимался этой группой в смысле захвата власти для целей декретирования нового строя».¹⁴⁴ Среди сторонников бланкистской тактики можно назвать также мужа М. Н. Ошаниной — А. И. Баранникова, который при изложении программы партии на допросе 10 февраля 1881 г. заявил, что из двух возможных путей ниспровержения существующего правительства — «или путем заговора, силами партии, или же путем самостоятельного, широкого, народного, антиправительственного движения, к которому присоединится партия», — предпочтительнее первая форма, ибо «партия в этом случае, как в минуту борьбы, так и после победы будет пользоваться большим авторитетом».¹⁴⁵ Такое истолкование официальной программной формулы разделялось не всеми народовольцами. Более реальные политики, и в первую очередь Желябов, как мы увидим далее, все же стремились на случай переворота заручиться поддержкой масс.

Программа ИК была опубликована в № 3 «Народной воли», помеченном 1 января 1880 г.¹⁴⁶ Однако этому номеру не повезло. В ночь на 18 января 1880 г. подпольная типография в д. 10 по Саперному пер. после ожесточенного сопротивления была захвачена полицией, до прихода которой вынесено было не более 200 экз. третьего номера.¹⁴⁷ В связи с этим 22 марта 1880 г. программа ИК была выпущена отдельной листовкой в «Летучей типографии „Народной воли“». Ее перепечатка («2-е издание „Нар. воли“») не имеет даты, а «издание третье» вновь ее указывает — 15 августа 1881 г. По сведениям, имевшимся в «Календаре „Народной воли“», общий тираж трех отдельных изданий достигал 8 тыс. экз.¹⁴⁸ Впоследствии программа ИК несколько раз печаталась и гектографировалась в основном по тексту 3-го издания (существовали и рукописные копии).

Обратимся к особенностям текста газетного и первого отдельного изданий, ибо последующие каких-либо существенных изменений не имели. Прежде всего бросается в глаза то, что программа сначала была напечатана с важным пропуском, который остался и при последующих перепечатках. В разделе Д, часть п. 5, посвященного способом совершения переворота, была пропущена. Спе-

¹⁴³ В. И. Иохельсон, ук. соч., стр. 17—19.

¹⁴⁴ Там же, стр. 17.

¹⁴⁵ ЦГАОР, ф. 112и, 1881, оп. 1, д. 504, лл. 487—488.

¹⁴⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 162—166.

¹⁴⁷ Там же, стр. 228.

¹⁴⁸ Календарь «Народной воли» на 1883 г. Женева, 1883, стр. 163.

циальная оговорка в примечании гласила, что «эта часть 5-го пункта не подлежит опубликованию».¹⁴⁹ Хотя рукопись программы до нас не дошла и восстановить текст, выпущенный при печати, в точности нельзя, смысл его становится, на наш взгляд, ясным при сравнении с соответствующим местом в другом документе ИК, относящемся примерно к этому периоду и в то время не предназначенным для печати — в «Подготовительной работе партии». Здесь речь идет о возможных вариантах восстания, в частности подробно обсуждается способ совершения переворота в «наиболее неблагоприятных условиях», когда средством привести правительство в панику и в то же время возбудить народные массы будет служить «искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства».¹⁵⁰ Предупреждать правительство об этом возможном плане боевых действий в печатном органе, очевидно, считали неразумным.

В отдельном издании программы в марте 1880 г. добавлен раздел Е, посвященный руководящим принципам в отношениях к правительству, общественным группам и лицам. Если основной принцип этого раздела — «по отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства»¹⁵¹ явно заимствован из устава «Земли и воли»,¹⁵² то два других раздела (об оппозиционных и нейтральных элементах) весьма похожи не только по содержанию, но и по их фразеологии на заключительные абзацы липецкого проекта Морозова.¹⁵³

Публикуя в № 3 программу ИК, редакция «Народной воли» подчеркнула свою солидарность с ней и выражала надежду, что программа будет принята «всей партией».¹⁵⁴

Однако новая программа не всюду нашла должное понимание. С одной стороны, сильные, видимо, еще были традиционные народнические взгляды, не одобрявшие нового курса революционной деятельности, а с другой — не все сторонники политической борьбы

¹⁴⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 166.

¹⁵⁰ Литература партии «Народной воли», стр. 868—869. Пока известны лишь два сообщения о содержании этого пункта, исходящие из среды народо-вольцев. Близкий к В. Фигнер одесский народовец К. Маслов заявлял в показаниях, что ИК не считал возможным опубликовать пункт, где говорилось о том, что правительственные меры будут все увеличивать число недовольных и вызовут тем самым общий взрыв (ЦГАОР, ф. 102и, 7 делопр., 1886, д. 79, л. 192). Более заслуживает доверия, на наш взгляд, позднейшее свидетельство С. А. Иванова о том, что «один из последних» пунктов «Программы ИК» «очень кратко» трактовал «вопрос о захвате власти» (С. Иванов. Из воспоминаний о 1881 году. Былое, 1906, № 4, стр. 234).

¹⁵¹ Там же, стр. 166.

¹⁵² Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 65.

¹⁵³ См.: Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. IV, стр. 291—292.

¹⁵⁴ Литература партии «Народной воли», стр. 223.

соглашались с теми целями и особенно способами, которые рекомендовались ИК. Словом, недоуменных вопросов и возражений было, кажется, немало.

Как бы то ни было, первое отдельное издание программы пришлось сопроводить специальным примечанием (исчезнувшим при последующих перепечатках): «Редакция „Народной воли“ заявляет, что на запросы, обращенные к ней по поводу программы, даст свои разъяснения в скором времени на страницах органа по возобновлении его». Это обещание было дано в марте 1880 г., но следующий, четвертый, номер «Народной воли» удалось выпустить только 5 декабря 1880 г.

Во вступительной статье к четвертому номеру «Народной воли» отмечалось, что «гибель типографии помешала нам сделать своевременно разъяснения и дополнения программы. Отсюда ее неправильное толкование и одностороннее понимание многими по сей день».¹⁵⁵ Редакция обещала поместить заготовленный ею «ряд статей программного характера». Таким образом, редакция «Народной воли» считала само собой разумеющимися и полезными «разъяснения и дополнения программы». Однако, как мы увидим дальше, эти разъяснения не столько способствуют пониманию программы в момент ее возникновения, сколько уяснению того, как с течением времени и изменением обстоятельств менялось понимание некоторых основных формул и положений. Поэтому передовая статья в № 4 «Народной воли» служила не столько разъяснением программы, сколько дополнением и новым истолкованием некоторых ее принципиальных положений.

Подобный вывод, который детально будет доказываться в разделе, посвященном разбору программы для рабочих, приводит к заключению, что, строго говоря, соответствующие разъяснения к программе «Народной воли» можно искать лишь в №№ 2 и 3 «Народной воли», т. е. в номерах вышедших тогда, когда программа обсуждалась и утверждалась. Уже в последующем программном документе — «Подготовительной работе партии», отделенном от программы ИК тремя-четырьмя месяцами, некоторые положения и формулы излагаются несколько иначе.

При изучении всякого программного документа общественного движения неизбежно встают вопросы о том, насколько этот документ отвечал задачам момента, в какой степени он был оригинален и какие идейные влияния преломились в нем, как отразились в нем реальные тенденции движения — насколько соответствовал он духу и настроениям самих участников борьбы.

Как официальный документ «Народной воли» программа ИК представляла лишь дальнейшее развитие и теоретическое обосно-

¹⁵⁵ Там же, стр. 288.

вание лозунга политической борьбы, выдвинутого Липецким съездом. Утверждение Н. А. Морозова о том, что программа ИК была написана «совершенно в другом направлении, чем декларация Липецкого съезда»,¹⁵⁶ не может считаться убедительным. Почти единогласные свидетельства современников (Михайлова, Квятковского, Ширяева), приведенные нами выше, позволяют утверждать, что никакой принципиальной разницы между обоими документами не было. Новое революционное направление не могло, однако, выступить на арену общественного движения с несколькими весьма общими и краткими пунктами Липецкой декларации, которые могли служить дополнением к старой землевольческой программе, но не имели самостоятельного значения без соответствующего теоретического обоснования.

Проект программы ИК было поручено составить Тихомирову, довольно известному тогда в революционных кружках публицисту. Тихомиров, по отзывам многих своих товарищей по «Народной воле», не был сильным и самостоятельным мыслителем. Ответственное поручение было дано ему «не в смысле руководства, а в смысле способности к теоретическим обоснованиям как практических начинаний, так и принципиальных положений».¹⁵⁷ Михайлов, по словам Морозова, говорил, что Тихомиров «не имел определенного облика, как теоретик»,¹⁵⁸ а Плеханов, знавший его и по «Земле и воле», и по встречам в эмиграции, отзывался еще резче, заявляя, что в голове главного теоретика «Народной воли» царил «невероятная путаница понятий».¹⁵⁹ Эта «путаница понятий» не мешала ему подделываться под господствующие настроения и служить их литературным рупором. Поэтому программу ИК, в основную составленную Тихомировым, нельзя считать «простой компиляцией собранных им у различных теоретиков мнений»,¹⁶⁰ как полагал автор отвергнутого проекта Липецкой декларации Морозов.

Если программа ИК отразила различные идейные влияния, соединила несовместимые, казалось бы, взгляды, это объяснялось не только тем, что народovolьцы, по замечаниям Плеханова, «были довольно беззаботны насчет теории» или были «самой беспринципной из всех существующих у нас революционных партий»,¹⁶¹ но и тем, что «Народная воля» выдвигала довольно противоречивые задачи борьбы, объединяла разнородных по их направленности

¹⁵⁶ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 27 (прим. Морозова).

¹⁵⁷ М. Ф. Фроленко. Соч., т. II, М., 1932, стр. 48; ср.: Н. С. Русанов. В эмиграции. М., 1929, стр. 158.

¹⁵⁸ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 32 (прим. Н. А. Морозова).

¹⁵⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 29.

¹⁶⁰ М. Фроленко. Комментарий к статье Н. Морозова, стр. 28.

¹⁶¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 28, 32.

людей. Нельзя считать полностью справедливыми и обвинения программы «Народной воли» в эмпиризме, выдвинутые чернопеределцами. «На чем же строить теорию, как не на основании действительно существующих фактов?»,¹⁶² — возражал П. Б. Аксельроду Тихомиров.

В целом программу ИК нельзя рассматривать как искусственный или мертворожденный из-за своего эмпиризма или эклектизма документ. Выражая реальные тенденции движения и противоречивый характер его идей, программа ИК являлась общепризнанной программой действующей партии. Отсюда ее распространенность и даже авторитет в период революционной ситуации, ее продолжительное влияние на революционно-народнические кружки 80-х — начала 90-х годов. Программа ИК несомненно была разработана на основе положений Липецкой декларации, однако изложенных значительно распространеннее, более определенно сформулированных и получивших теоретическое обоснование в нескольких разделах, подразделявшихся на пункты.

Первый раздел программы (А) декларировал социалистические цели партии и объяснял ее название. Причем «Народная воля» толковалась здесь в смысле «народного желания» (а не «народной свободы» или «народной власти»), т. е. в обычном народническом духе. Народовольцы, как и землевольцы, считали, что «коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России».¹⁶³

Второй раздел (Б) анализировал положение в России. Тут заявлялось об «отсутствии народной санкции» «государственно-буржуазного нароста» — слоев эксплуататоров, создаваемых и защищаемых насильственной властью.

Третий раздел (В) объявлял войну «современному государству», провозглашая лозунг передачи власти народу. В отличие от Липецкой декларации была указана и конкретная форма этой власти — Учредительное собрание, которое должно было пересмотреть государственные и общественные учреждения «согласно инструкциям своих избирателей».

О содержании этих инструкций можно судить по четвертому разделу (Г), перечислявшему восемь программных требований партии. Здесь смешивались старые утопическо-народнические («экономическая независимость народа, широкое областное самоуправление», передача предприятий рабочим ассоциациям) и поли-

¹⁶² Литература партии «Народной воли», стр. 466; ср.: стр. 461, 494.

¹⁶³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 58; ср.: Литература партии «Народной воли», стр. 163.

тические требования (народное представительство, имеющее общегосударственную власть, свобода слова, собраний, всеобщее избирательное право, замена постоянной армии территориальной). Полностью сохранялась демократическая сущность программы — требование передачи земли народу.

В предпоследнем разделе (Д) излагались методы действий партии по подготовке политического переворота. Здесь так же, как и в программе Липецкого съезда, выдвигалась инициативная роль партии в организации заговора — «партия должна взять на себя почин самого переворота». В остальном же указывались достаточно многообразные средства. Но наиболее полно был изложен вопрос о терроре. Программа ИК без сомнения отразила положение партии осенью 1879 г., когда террор занял ведущее место в деятельности «Народной воли», превратился в универсальное средство агитации и борьбы. В отличие от Липецкой программы, которая рассматривала террор преимущественно как средство самозащиты и мести и только как одно из средств достижения целей партии, программа ИК выдвинула целую теорию террора. Здесь не только самозащита и месть, но также устранение наиболее вредных лиц администрации, подрыв авторитета правительства. Террор должен был «поднимать революционный дух народа и формировать привычные к бою силы». К январю 1881 г. С. Перовская, да и другие члены ИК возлагали также надежду на то, что террор принудит правительство к уступкам.¹⁶⁴

Хотя в программе ИК еще заметно кое-где стремление согласовать новые требования политической борьбы со старыми народническими принципами, землевольческая программа не служила единственным определяющим источником для народвольческой. Тем самым был сделан крупный шаг по пути преодоления бакунистского анархизма, свойственного «Земле и воле».

В середине 70-х годов все наиболее энергичные и выдающиеся люди среди народников были бакунистами, беспрекословно следовали указаниям непогрешимого в их глазах «апостола всеобщего разрушения».¹⁶⁵ Бунтари, среди которых были будущие народвольцы Михайлов, Перовская, Фигнер и др., верили заявлениям Бакунина о всегдашней склонности русского народа к бунту, соглашались с ним, что очень легко «возмутить любую деревню» и даже без критики принимали бакунинский совет смотреть на разбойника как «на народного протестанта» и самобытного революционера. Вместе с Бакуниным они полагали, что для мирозерцания народа характерны три убеждения, а именно: земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, распоряжаться ею должна об-

¹⁶⁴ С. Иванов. Из воспоминаний о 1881 годе, стр. 237.

¹⁶⁵ Л. Дейч. За полвека, т. 2. Берлин, 1923, стр. 209.

шина, а главное стремление общины — самая широкая автономия. И вслед за ним же они не придавали никакого значения политической борьбе, рассматривали республиканский и конституционный строй Запада как «буржуазный», у которого учиться нечему. Анархические идеи и тактические советы Бакунина были в основном отвергнуты народовольцами, но его вера в социалистические идеалы русского народа перешла и к ним. В проектах социалистической организации России Тихомиров, по отзыву Плеханова, был «бакунистом чистой воды».¹⁶⁶

Программа ИК начиналась фразой, в которой народovolьцы объявляли себя социалистами и народниками.¹⁶⁷ Как и большинство народников, народovolьцы идеализировали общину и общинный строй, осуждали развитие капитализма в России и хотели захватить власть, чтобы остановить этот процесс, содействовать переходу общинного быта в социализм. В № 7 «Народной воли» подтверждалось, что «основание народovolьству положило несомненно народничество».¹⁶⁸ Можно указать и немало других случаев, когда народovolьцы апеллировали к основным положениям народничества. Разумеется, особенно заметна зависимость программы ИК от программы общества «Земля и воля», из которого вышли народovolьцы.

Влияние землевольческой программы хотя и не было решающим, однако легко прослеживается в положениях программы ИК. Для более наглядного выявления зависимости автора программы ИК от своих землевольческих предшественников достаточно одного сопоставления:

Программа ИК

«Традиционные принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраниваться, как хочет, соответственно со своими собственными склонностями».¹⁶⁹

Программа «Земли и воли»

«Коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России».¹⁷⁰

«Традиционные принципы» народа народovolьцы точно так же, как и землевольцы, считали «социалистическими»: «Право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова».¹⁷¹ Вслед за землеволь-

¹⁶⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, М.—Пгр., 1923, стр. 318.

¹⁶⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 162.

¹⁶⁸ Там же, стр. 461.

¹⁶⁹ Там же, стр. 163.

¹⁷⁰ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 58.

¹⁷¹ Литература партии «Народной воли», стр. 163; ср.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 58—59.

цами, которые приписывали развитие капитализма протекции государства и «проникновение в народную жизнь разных язв буржуазной цивилизации» стараниям правительства, в программе ИК утверждалось, что «слои эксплуататоров» создаются и защищаются государством.¹⁷² Можно отметить и другие параллели. Так, например, из устава «Земли и воли» перешел в народовольческую программу и принцип: «По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства».¹⁷³

Однако в своем основном содержании обе программы хотя и являются едиными в смысле их социальной сущности, имеют серьезные различия по многим важным пунктам. Различия эти бросаются в глаза при сравнении первых же строчек обоих документов. В программе ИК отсутствовало указание на приверженность идеалу анархии, о чем объявляла в первой же фразе землевольческая программа. Землевольцы, как и другие бакунисты-бунтари, отрицали необходимость политической деятельности и считали, что во имя осуществления экономических требований масс нужно подготовить восстание одновременно и против эксплуатирующих классов и против охраняющего их государства. Народовольцы выдвинули лозунг борьбы против самодержавия и лишь затем намечали выступление против господствующих классов. Хотя в обеих программах говорится о перевороте, землевольцы имели в виду преимущественно социальный переворот, вместе с тем признавая необходимость предварительно «ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства».¹⁷⁴ Для них при перевороте государственная власть просто-напросто переставала существовать — для торжества полной автономии общин.

В программе ИК план будущих преобразований разработан в общем гораздо полнее. Землевольцы выдвинули всего четыре пункта. Первые два из них содержат в утопически-анархической оболочке демократические требования крестьянства:

1. Передача земли в руки крестьян и равномерное ее распределение.

2. Полное мирское самоуправление (в последнем варианте программы очень неясно говорилось о наибольшем ограничении полномочий правительства, создаваемого союзами общин).

Народовольцы дополнили первое требование предложением передать в руки рабочих заводы и фабрики, а второе — уточнением того, что самоуправление принадлежит только общинам и областям. В общегосударственных вопросах «Народная воля» считала нуж-

¹⁷² Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 60; ср.: Литература партии «Народной воли», стр. 162.

¹⁷³ Литература партии «Народной воли», стр. 166; ср.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 65.

¹⁷⁴ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 61.

ным передать полную власть постоянному народному правительству.¹⁷⁵

Только два требования у землевольцев носили общедемократический характер: свобода вероисповеданий и разделение Российской империи согласно национальных желаний (Украина, Польша, Кавказ).¹⁷⁶

Народовольческая программа значительно расширила общедемократические требования: кроме свободы совести, добавлено требование политических свобод — слова, печати, сходок и пр. Выдвинуто очень прогрессивное требование всеобщего избирательного права без всяких ограничений, а также замены постоянной армии территориальной (имелось в виду, очевидно, народное ополчение).¹⁷⁷ Однако в программе ИК каким-то образом выпал пункт о свободе национальностей, что вызвало потом обоснованную критику со стороны многих народников. ИК пришлось разъяснять, что он вовсе не имел в виду насильственного удержания наций.¹⁷⁸ Тем не менее летом 1880 г., судя по письму Желябова к Драгоманову, народовольцы считали возможным отложить решение национального вопроса до Учредительного собрания.

По сравнению с землевольческой программой (раздел А, часть организаторская) в пунктах программы ИК, посвященных пропаганде и организационной деятельности, гораздо более целеустремленно излагается мысль о пропаганде во всех слоях населения идеи восстания (политического переворота). В отличие от землевольческой программы, лишь в общих словах ставившей цели дезорганизации правительства, в программе ИК гораздо подробнее разработаны вопросы о террористической деятельности для подрыва правительственного авторитета и о способах совершения переворота.

Землевольческая программа в соответствии с уставом, выработанным еще в 1876 г., ставила задачу создать «широкую народную организацию всех враждебных правительству элементов» с целью осуществления народного восстания. Землевольцами не были забыты, правда, в отличие от программы ИК рабочие, но тут же в чисто бакунистском духе советовалось привлекать на свою сторону «разбойничьи шайки типа понизовой вольницы».¹⁷⁹ В программе ИК массы были оттеснены на второй план. Подчеркивалось, что для переворота «особенно важны администрация и войско», лишь затем следовала оговорка: «Не менее серьезное внимание партия должна обратить на народ». Заявление о том, что «партия должна взять на себя почин самого переворота» лишь оттеняло

¹⁷⁵ Литература партии «Народной воли», стр. 165—166.

¹⁷⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 59.

¹⁷⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 164.

¹⁷⁸ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 149.

¹⁷⁹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 60, 61, 64.

бланкистско-ткачевский характер планов народовольцев, в глазах которых вполне достаточным было «содействие» народа перевороту. В практической деятельности народовольцы оказались в непримиримом противоречии с теориями народников, считавших, что «освобождение народа должно быть делом самого народа»,¹⁸⁰ как заявляли в статье, направленной против Ткачева, видные землевольцы — Кравчинский, Засулич, Дейч, Стефанович. Когда землевольцы-политики убедились, что поднять массу ввиду ее придавленности на борьбу с самодержавием невозможно, задача освобождения народа в их глазах стала делом небольшой группы заговорщиков, а средством борьбы был избран террор. И хотя по основам своего мировоззрения они остались народниками и сами заявляли об этом, они отступали от традиций народничества его золотой поры — середины 70-х годов. Прав был Плеханов, когда говорил, что «народовольцы были народниками, изверившимися в народе».¹⁸¹

В 70-е годы существовала и целая народническая теория, считавшая, что в революционном перевороте можно вполне обойтись без народа. Теория эта, автором которой был П. Н. Ткачев с его газетой «Набат», вплоть до конца 70-х годов ни распространением, ни признанием революционных кружков не пользовалась. Но с торжеством народовольчества идеи Ткачева как бы получили признание в революционном движении. Заметил это и сам Ткачев, когда писал Морозову осенью 1880 г., что «ваша программа совершенно совпадает с моей».¹⁸² Он ошибался, но ошибался очень мало. Морозов также считал, что большая часть его петербургских товарищей склоняется к якобинству (т. е. ткачевизму или бланкизму), а меньшая — к бунтарству.¹⁸³

В теоретическом отношении зависимость народовольческой идеологии от Ткачева признавалась отчасти самой «Народной волей». В статье Н. И. Кибальчича «Политическая революция и экономический вопрос», опубликованной в № 5 «Народной воли» (5 II 1881 г.), народовольческие взгляды объявлялись синтезом «двух односторонних мнений» — ткачевского «Набата» и бакунинского «Черного передела».¹⁸¹ Нужно иметь в виду, что это писалось в период, когда сторонники Ткачева и бланкизма не имели столб

¹⁸⁰ Община, № 8—9, 20 октября 1878 г.

¹⁸¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 147.

¹⁸² ЦГАОР, ф. 1762и (П. Л. Лаврова). П. Н. Ткачев — Н. А. Морозову, получено 1/XI 1880 г.

¹⁸³ Там же. Н. А. Морозов — А. Д. Михайлову, черновик [1880]. Сам Морозов вошел в Париже в сношения с бланкистами и написал несколько заметок для их органа (ЦГАОР, ф. 1762и. Письмо Морозова в Петербург 4/I 1881 г.).

¹⁸⁴ Литература партии «Народной воли», стр. 338.

преобладающего влияния в ИК, как это было к концу 1881 г. Да и сам Кибальчич не считал себя ткачевцем. Пожалуй, точнее ту же самую мысль, что и Кибальчич, выразил Желябов, который не применяя слово «синтез», просто говорил (на собрании Морского кружка осенью 1880 г.), что «„Народная воля“ занимает среднее место, а „Черный передел“ и „Набат“, — два крайние».¹⁸⁵ Таким образом, влияние идей Ткачева на народовольцев проследить не так просто. Но воздействие этих идей на общую атмосферу революционных настроений того времени несомненно. В. И. Ленин отмечал, что попытка захватить власть путем террора была подготовлена проповедью Ткачева.¹⁸⁶

В основных взглядах на социально-экономическое и политическое положение России Ткачев почти сходил с Бакуниным, расходясь с ним лишь по вопросу о приемах практической борьбы и значении государства. В частности, он не верил в возможность массовых бунтов и считал необходимым сохранение государства после революции. Но определявшие в его воззрениях были бланкистские идеи, которые развивались им в журнале «Набат» (1875—1881). Единственным средством революции был признан захват государственной власти при помощи заговора и установление революционной диктатуры для перестройки жизни на социалистических началах. Определяя степень возможного, желательного участия народа в революции, Ткачев приходил к выводу, что «народ не может себя спасти», что «революцию делает меньшинство».¹⁸⁷ В 1879 г. Ткачев заявил в «Набате»: «Наша ближайшая и в настоящее время наша единственная задача — задача терроризировать и дезорганизовать правительственную власть». На втором этапе революции, когда основанием революционно-устроительной деятельности признается «народная воля», революционное государство «должно окружить себя органами народного представительства, Народной думой».¹⁸⁸

Данных о прямом воздействии «Набата», повторяем, не так много. В своих мемуарах Фигнер заявляла, что Ткачев напрасно приписывал себе влияние на «Народную волю» и указывала, что распространение «Набата» в России было «ничтожно».¹⁸⁹ По признанию Морозова в письме к самому Ткачеву, он даже не видел в Петербурге изданий последнего.¹⁹⁰ И все же отрицать полностью

¹⁸⁵ К истории военной организации «Народной воли» (Показания Ф. И. Завалишина). Каторга и ссылка, 1925, № 5, стр. 219.

¹⁸⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 477.

¹⁸⁷ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. III. [М.], 1933, стр. 262, 268, 247.

¹⁸⁸ Там же, стр. 447, 226.

¹⁸⁹ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 147—148.

¹⁹⁰ Н. А. Морозов — П. Н. Ткачеву, 8 мая 1880 г.

влияние идей Ткачева нельзя. О них, несомненно, были осведомлены Желябов и Кибальчич. Как уже указывалось, Ошанина и Сергеева были «якобинками», т. е. сторонницами заговорщических методов борьбы. Плеханов поэтому не без оснований говорил о «посредственном» влиянии идей Ткачева.¹⁹¹

Пункты программы ИК, касающиеся практической организации переворота (раздел Д, пп. 2—5), порою кажутся переписанными со статей Ткачева в «Набате». Если народовольцев не устраивало неодобрение Ткачевым конституции, то это были второстепенные расхождения. Не склонны были они прислушаться и к предупреждению Ткачева об опасности увлечения террором: «Для развития революционного дела в России будет в высшей степени вредно, если и это средство будет возведено в цель, как раньше были возведены в цель распространение запрещенных книжек, хождение в народ, местные бунты и другие более или менее частные революционные средства».¹⁹²

Вопреки заявлениям Фигнер о том, что с набатчиками никогда не стремились завязывать сношений,¹⁹³ с «Набатом» пытались связаться и о сущности его взглядов народовольцы были прекрасно осведомлены, свидетельством чему является статья Н. И. Кибальчича в № 5 «Народной воли». Морозов утверждал, что вел переговоры с Ткачевым и Турским по соглашению с Михайловым.¹⁹⁴ По воспоминаниям Плеханова, Михайлов, относившийся к «Набату» предубежденно в эпоху поселений, в последующий период, когда увлекся «дезорганизацией», стал находить это предубеждение против ткачевства неосновательным.¹⁹⁵ Прервав переговоры с Ткачевым, ИК выражал не столько неодобрение взглядам «набатчиков», сколько недоверие к репутации, к личности самого Ткачева.

В своих статьях и письмах Плеханов не раз подчеркивал ткачевскую сущность народовольческой публицистики и подчеркивал, в частности, что через Тихомирова и Ошанину народовольцы восприняли ткачевскую идею «захвата власти». «С появлением партии „Народной воли“ вообще восторжествовало у нас остававшееся до тех пор чрезвычайно слабым якобинское направление Ткачева»,¹⁹⁶ — отмечал он. «Народовольство . . . было самым обыкновенным ткачевством (я говорю о печатной программе: теоретик

¹⁹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 155.

¹⁹² П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. III, стр. 432.

¹⁹³ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 148.

¹⁹⁴ Н. А. Морозов. Перед старыми письмами. Рукопись статьи, лл. 56—57 (копия С. Н. Валка).

¹⁹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 155.

¹⁹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX. М.—Пгр., б. г., стр. 20.

«Народной воли» Л. Тихомиров просто переписывал статьи Ткачева),¹⁹⁷ — писал Плеханов Энгельсу.

В совершенном согласии с ткачевскими взглядами писалось в «Народной воле» и о русском самодержавном государстве, якобы отличающемся тем от государств Запада, что оно, не представляя ни одного общественного класса, создано лишь для эксплуатации целого народа одной семьей, что оно изолировано и ненавистно всем, что в силу этого очень нетруден государственный переворот. Подобные рассуждения можно найти, например, в передовой статье в № 2 «Народной воли». «Сегодня наше государство — фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней», — писал в «Набате» Ткачев, обращаясь к революционерам с призывом: «Пользуйтесь минутой. Такие минуты не часты в истории. Пропустить их — значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, быть может, навсегда».¹⁹⁸ Точно такой же ход рассуждений был и в передовой в № 2 «Народной воли», где осуждалось «допотопное государство», а революционерам рекомендовалось не терять времени с передачей власти в руки народа, «пока есть шансы на то, что власть перейдет действительно к нему. Теперь или никогда, вот наша дилемма».¹⁹⁹

Можно было бы найти и другие совпадения в высказываниях «Народной воли» и «Набата». И все же Плеханов был не так уж прав, когда говорил о переписывании статей Ткачева. Близость народолюбцев к последнему, во-первых, не исключала ряда расхождений, а, во-вторых, определялась не столько прямым заимствованием, сколько стихийно возникшим сходством взглядов идеологов народничества в условиях определенной ситуации. Это последнее обстоятельство сыграло несомненную роль и в сближении Лаврова с «Народной волей».

Обычно антагонистом Ткачева называют Лаврова. И все же Лавров при всей его антипатии к бланкизму, не видел других, кроме заговора, путей революционной борьбы. За отсутствием всякой легальной почвы в России революционеры могут действовать, писал он в своем сочинении «Государственный элемент в будущем обществе» (1875—1876), «исключительно тайным заговором», путем создания тайной централизованной организации во главе с «Распорядительным комитетом», хотя такая форма и «будет несколько антипатична русской молодежи».²⁰⁰

¹⁹⁷ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 930.

¹⁹⁸ Набат, 1875, № 1.

¹⁹⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 83.

²⁰⁰ П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. IV. М., 1935, стр. 348, 350.

Народовольцы первоначально полагали, что Лавров не одобряет их действий. Ошанина вспоминала: «Об отношении Петра Лавровича к „Народной воле“ долго ничего не знали и считали его скорее противником нашего способа действий».²⁰¹ Действительно, Лавров не одобрял террористических действий «Народной воли», и все же принципы народовольческой программы, за исключением террора, были ему близки. Именно поэтому он в конце концов — это произошло в 1882 г. — присоединился к «Народной воле», приняв участие в издании «Вестника „Народной воли“».

Значительным влиянием в народнической публицистике конца 70-х годов пользовался Н. К. Михайловский. Его политические идеи, выраженные им в нелегальном «Летучем листке», № 1, в апреле 1878 г., очень сблизили его в следующем году с народовольцами. Михайловский выдвинул в этом листке политические задачи освободительного движения — требование конституции и Земского собора, предсказывал, что если правительство не уступит, в стране возникнет «тайный комитет общественной безопасности».²⁰² Не разделяя полностью взглядов народовольцев на роль террора, Михайловский тем не менее одобрял его. Сближали Михайловского и народовольцев также их взгляды на роль интеллигенции как ведущей силы общественного развития. В этих взглядах не было принципиального отличия и от повлиявшего на всех народников апофеоза «критически мыслящей личности» в «Исторических письмах» Лаврова. Представления Михайловского о роли «индивидуальности», взаимоотношении активного и сознательного меньшинства революционеров и народа, способствовали усвоению ткачевско-бланкистских идей. Сам Михайловский не только сочувствовал, но и участвовал в народовольческой публицистике.²⁰³ В «Народной воле», №№ 2 и 3, он напечатал свою программную статью «Политические письма социалиста», в которой солидаризировался по вопросу о политической борьбе с народовольцами, разъяснял ошибочность и вред народнического аполитизма, а также заявлял о своем неверии в возможность народного восстания.

Помимо влияния Бланки (через посредство Ткачева), весьма заметно влияние на народовольчество философии Дюринга. Когда «Народная воля» выступила против предубеждения большинства народников против «политики», ее понимание необходимости по-

²⁰¹ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской. стр. 9.

²⁰² Революционная журналистика 70-х годов. Paris, 1905, стр. 113.

²⁰³ А. И. Иванчин-Писарев. 1) Из воспоминаний о Н. К. Михайловском. Заветы, 1914, январь. 2) Хождение в народ. М.—Л., 1929; Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, стр. 88.

антической борьбы не было марксистским. Среди интеллигенции того времени распространялось ошибочное мнение о том, что, согласно марксистскому учению, «экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве».²⁰⁴ В связи с этим большой интерес вызывал Дюринг с его упором на политическую борьбу и обоснованием ее в «теории насилия». Сторонником Дюринга был, в частности, Михайловский, проводивший в своих статьях взгляды о доминирующем значении «политики».²⁰⁵ Под влиянием Дюринга несомненно находился и виднейший публицист народолюбчества Тихомиров, который защищал дюрингианство против марксизма в статье «К вопросу об экономике и политике», подписанной в легальном журнале «Дело» псевдонимом И. Кольцов. В этой статье Тихомиров утверждал, что «факт насилия между людьми — элемент более важный, чем производство».²⁰⁶

«Скажите, почему вы хвалите Дюринга и порицаете Маркса? — спросил весною 1882 г. Плеханов приехавшего в Женеву Тихомирова. — Неужели вы не видите, что Маркс гораздо основательнее Дюринга?»

— Мы, собственно говоря, ничего не имеем против Маркса, — ответил тот, — но мы думаем, что наша программа больше подходит к учению Дюринга».²⁰⁷

Действительно в самой программе ИК можно обнаружить близкую Дюрингу мысль о том, что в России «государственно-буржуазный парост держится исключительно голым насилием».²⁰⁸ Хотя народолюбческая газета прямо имени Дюринга не упоминала, Плеханов не без основания в 1882 г. писал П. Л. Лаврову, что «„Народная воля“ в каждой передовой статье силится доказать какую-то Sewalts-theorie, по которой в России не политика родилась из экономики, а наоборот».²⁰⁹ Лавров полностью был согласен с этим наблюдением, ибо в следующем году публично отметил склонность «Народной воли» «к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента общественного строя на экономический».²¹⁰

Очерченный нами круг идейных влияний вовсе не означает, что программные построения народсвольцев представляли хаотическую смесь различных воззрений, но отрицать известного эклектизма программы ИК нельзя. Она пыталась учесть весь

²⁰⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 48.

²⁰⁵ См., например, Отечественные записки, 1881, декабрь; 1882, январь.

²⁰⁶ Дело, 1881, май, стр. 33.

²⁰⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 28.

²⁰⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 163.

²⁰⁹ Копия С. Н. Валка.

²¹⁰ П. Лавров. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма. Календарь «Народной воли» на 1883 г. Женевы, 1883, стр. 191.

опыт и все теории народнического движения 70-х годов. Именно поэтому к ней присоединились или готовы были присоединиться на известных условиях такие весьма отличающиеся друг от друга публицисты 70-х годов, как Ткачев, Михайловский, Лавров. Даже Плеханов одно время питал иллюзии, что не так трудно, ввиду некоторой неопределенности программы народолюбчества, передвинуть его на рельсы социал-демократии и марксизма. Но здесь Плеханов ошибался. Если народолюбцы иногда и ссылались на Маркса, то принимали его положения только в очень узкой сфере, преимущественно экономической, а теории марксизма не понимали вовсе, хотя как теоретика-революционера Маркса они очень уважали.

Признавая известный эклектизм программы ИК, нельзя, на наш взгляд, забывать и о том, что в качестве документа живой борющейся партии, эта программа в первую очередь отражала реальные тенденции движения, столкновения разнородных мнений внутри самой организации. Об этих разногласиях сохранилось не так уж много свидетельств, но и имеющиеся достаточно характерны.

В какой степени оправдались надежды на то, что программа ИК делается общепартийной, о чем мечтала редакция «Народной воли»? Провинциальные революционные кружки с различными оговорками, как это явствует из многих источников, присоединялись к ней.²¹¹ Но здесь нас интересуют прежде всего политические настроения членов самого ИК.

Уже упоминалось о солидарности С. Златопольского с программой Липецкого съезда. Однако его «полная солидарность» с народолюбцами была нарушена с получением программы ИК. Златопольский не нашел в ней прямого заявления о том, что политический переворот не будет обязательно связан с «насильственным осуществлением социалистических идеалов». По мнению Златопольского, особенно к народническим иллюзиям не склонного, революционная партия не должна упразднить «ни государства, ни религии, ни собственности». Исходя «из существующего политического и общественного строя», она должна «все силы направить к введению в России представительных народных учреждений».²¹²

По другим мотивам находилась в оппозиции к народолюбческой программе Перовская. Она «мало верила в возможность добиться политической свободы силами партии».²¹³ Лишь в де-

²¹¹ Случалось, что это присоединение сопровождалось появлением собственного варианта программы, как, например, это произошло в Нижнем Новгороде.

²¹² С. Н. Валк. Из народолюбческих автобиографических документов. стр. 229—230.

²¹³ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской, стр. 127.

кабре 1879 г. Перовская примкнула формально к «Народной воле». Но это не означает, что она целиком одобрила программу ИК. Тихомиров вспоминает, что «она очень серьезно вдумывалась в план переворота, поставленный партией, и всегда утверждала, что без широкого участия рабочих и без поддержки войска, переворот немислим».²¹⁴ Есть и другое свидетельство того, что Перовская, очевидно, до конца была противницей идеи заговора, «захвата власти», которая легла в основу политических планов партии и так ясно была изложена в программе ИК, — в январе 1881 г. она не придавала этому пункту программы «никакого практического значения», как утверждал в своих воспоминаниях С. Иванов.²¹⁵ Зато произошли изменения в ее взглядах на террор. Еще осенью 1879 г. Перовская видела в нем лишь средство самозащиты. Но полтора года участия в подготовке покушений изменили ее настроения. В январе 1881 г. она очень убежденно доказывала С. Иванову, что как «систематический прием борьбы» террор является могучим способом агитации, наиболее действительным способом дезорганизовать правительство.²¹⁶

В своих первоначальных сомнениях по поводу террора Перовская не была одинока. На процессе шестнадцати Н. К. Бух, заявив о том, что он одобряет программу № 3 «Народной воли», оговаривался затем, что он разделяет ее не вполне, ибо не признает террористической деятельности.²¹⁷ Бух также не был в этом отношении исключением. По существу и Квятковский, и Ширяев оставались на позиции Липецкого съезда, когда признавали в терроре лишь второстепенное средство борьбы. Известно также, что подобной же позиции придерживался другой видный народовец — П. А. Теллалов, который, как и Перовская, не сразу присоединился к ИК.²¹⁸

«Не все народовольцы — террористы, и, в свою очередь, не все террористы — народовольцы»,²¹⁹ признавал на следствии Златопольский. Фигнер в своих показаниях в начале 1883 г. также возражала против именованя партии террористической: «Главное внимание партии должно было направиться на организацию заговора, на работу организационную, она одна обеспечивала возможность переворота и захвата политической власти в руки партии для передачи народу, и силы партии были достаточно обращены в эту сторону; тем более странно было название террористической

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ С. Иванов. Из воспоминаний о 1881 годе, стр. 235.

²¹⁶ Там же, стр. 237.

²¹⁷ Процесс шестнадцати террористов, стр. 222.

²¹⁸ ЦГБИА, ф. 545л, оп. 2, д. 525, т. 5а, л. 107 (показания Гольденберга).

²¹⁹ С. Н. Валк. Из народовольческих автобиографических документов, стр. 228.

которое она получила впоследствии; ее окрестили этим именем по внешнему направлению одного рода ее деятельности. Террор никогда сам по себе не был целью партии. Он был средством обороны, самозащиты, считался и считается могучим орудием агитации и употреблялся лишь постольку, поскольку посредством его имелось в виду достижение целей организационных. Цареубийство же входило в этот отдел как частность».²²⁰

Если Фигнер недоумевала, как «Народная воля» могла получить название террористической партии, то была среди народо-вольцев и группа, которая такого именования прямо-таки домогалась. Она была весьма немногочисленна — кроме Морозова и Любатович, можно назвать лишь Г. Г. Романенко (сходен с ними был, впрочем, и рано арестованный Гольденберг). Морозов и Любатович отказывались смотреть на террор только как на месть или средство возбуждения общества.²²¹ Морозов развивал настолько крайние взгляды на возможности террора, что разошелся во взглядах с большинством ИК. Статьи его для «Народной воли» осенью 1879 г., по его признанию, систематически отклонялись редакцией. Свою оппозиционную брошюру «Террористическая борьба» он издал лишь в эмиграции. Уехав вместе с Любатович за границу, Морозов вступает в переговоры и с «набатчиками» и с чернопередельцами, продолжая вести агитацию за метод террористической борьбы. Находит он, однако, лишь одного сподвижника — Романенко. По возвращении в Россию Морозов и Любатович задумали даже «создать новую организацию террористов», свою собственную «партию» или «особую фракцию, которая проводила бы свои революционные тенденции исключительно путем систематического террора, что не согласовалось в то время со взглядами большинства членов Исполнительного Комитета» (показания Любатович в изложении прокурора).²²²

Не надеялся «привить нашу идею террора к питерской компании»²²³ и Романенко. Хотя по возвращении в Россию он примкнул к «Народной воле» и сразу же вошел в состав ИК, он значительно отличался от других членов организации в подходе к текущим событиям, и в частности в оценке террора. По меткому замечанию С. Н. Валка, «он оставался террористом, а не стал народовольцем».²²⁴

Морозов в брошюре «Террористическая борьба» и Романенко в брошюре «Терроризм и рутина» выдвигали идею «террористи-

²²⁰ Из автобиографии Веры Фигнер, стр. 186.

²²¹ Н. А. Морозов — П. Л. Лаврову, май 1880 (копия С. Н. Валка).

²²² См.: С. Н. Валк. Г. Г. Романенко, Каторга и ссылка, 1928, № 11, стр. 47; Дознание о дочери инженера О. Любатович. Былое, 1907, № 8, стр. 295—296.

²²³ С. Н. Валк. Г. Г. Романенко, стр. 56.

²²⁴ Там же.

ческой революции». Заявляя себя противником массовой революции, в результате которой якобы гибнут лучшие силы народа, Романенко не соглашался и с теми формулировками насчет народной поддержки, которые имелись в программе ИК.²²⁵ По его взгляду, революцию должна совершить одна только интеллигенция, обязанная «вынести на своих плечах политическую свободу в России, пользуясь террором как средством».²²⁶

Взгляды Морозова на террор не были приняты «Народной волей». Об этом заявляли на суде Желябов и Перовская. Подтверждением этого служит, в частности, и заявление ИК от 10 сентября 1881 г. по поводу смерти президента США Джеймса Гарфильда в результате покушения Гито. Выражая сожаление американскому народу, ИК заявлял свой протест против подобных насильственных действий в стране, где есть возможность «честной идейной борьбы». «Политическое убийство как средство борьбы, — говорилось в заявлении, — имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия».²²⁷

Хотя «Народная воля» возвела террор, цареубийство в средство политической борьбы, однако ничего похожего на проповедуемую идею Морозова — «политическое убийство — это осуществление революции в настоящем»²²⁸ — в программных документах «Народной воли» не было. Ни в программе ИК, ни в других официальных заявлениях народовольцев террору никогда не придавалось роли исключительного или решающего средства борьбы. И все же, по наблюдению Плеханова, террористическая деятельность при тех ограниченных силах, которыми она велась, настолько отнимала время и силы у виднейших руководителей организации, что террор, вернее, охота за царем стала главнейшим и всепоглощающим средством борьбы.²²⁹ Сыграли тут свою роль и тогдашние настроения «радикальных кругов», о чем свидетельствует даже такой непримиримый противник терроризма, как Плеханов. «Высказываться против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно: интеллигенция верила в террор, как в бога».²³⁰ Несомненно поэтому, что была доля истины в позднейшем замечании Морозова по поводу победы тихомировского варианта программы в конце 1879 г. Не забывший своего поражения и тогдашней обиды Морозов не без удовольствия отметил много лет спустя, что «на практике» «Народная

²²⁵ Г. Романенко — Н. А. Морозову, 19 октября 1880 г. (копия С. Н. Валка).

²²⁶ В. Тарновский [Г. Романенко]. Терроризм и рутина. Лондон, стр. 18 и сл.

²²⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 401 (Народная воля, № 6).

²²⁸ Революционная журналистика 70-х годов, стр. 498.

²²⁹ См.: Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 145.

²³⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 350.

воля» выполняла его, морозовскую, т. е. террористическую, программу.²³¹

Разочарование народников в силах и способностях народа к революции привело их к увлечению террором. Революционная деятельность сужалась до подготовки цареубийства, политическая борьба заменялась единоборством кучки интеллигентов с правительством. В условиях, когда в России не было готовности масс к перевороту, попытка свергнуть правительство при помощи террора и заговора, организованных кучкой интеллигентов, являлась иллюзией, но иллюзией отчасти оправданной тогдашним кризисом «верхов».

Невозможность какой-либо общественной деятельности без гарантий гражданских свобод, о чем говорили участники Липецкого съезда, преждевременно отчаявшиеся в агитации в народе, была ими осознана как необходимость постоянного народного представительства, имеющего полную власть в общегосударственных вопросах. Программа ИК выдвинула уже конкретный лозунг свободно избранного путем всеобщего голосования Учредительного собрания. Это требование сопровождалось оговоркой, что «это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике». Однако именно Учредительное собрание должно было перестроить согласно инструкциям избирателей все государственные и общественные отношения и учреждения.²³²

В среде народовольцев не было большого согласия по поводу того, каким образом после политического переворота власть будет передана Учредительному собранию, каковы будут результаты выборов в это собрание и какие задачи предстоит ему разрешить. Большинство полагало, что первоначально возникнет «Временное революционное правительство», которое и организует в стране выборы в Учредительное собрание и передаст ему свои права. На эту тему писались даже специальные рефераты. Так, при аресте видного пропагандиста рабочей организации народовольцев Судакова у него была найдена написанная им «Программа народного правительства при переходе к нему власти».²³³ На Учредительное же собрание (иногда речь шла о Земском соборе)²³⁴ возлагалось «начертание основных принципов нового общественного устройства».^{2,55} Считалось, что именно Учредительное собра-

²³¹ Н. А. Морозов. Над старыми письмами, л. 42.

²³² Литература партии «Народной воли», стр. 81, 163—164.

²³³ ЦГАОР, ф. 102и, оп. 127, д. 3323, лл. 7—7 об.

²³⁴ С. Н. Валк. Из народовольческих автобиографических документов, стр. 215—216 (показания Ю. Н. Богдановича).

²³⁵ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 1, д. 504, л. 487 об. (показания А. И. Баранникова от 10 февраля 1881 г.).

ние будет способствовать «проведению социалистических идей в массу», а также «осуществлению и воплощению этих идей».²³⁶

Среди народовольцев были, однако, люди, которые прямо-таки фетишизировали роль Учредительного собрания. Однако патетический рассказ А. П. Корбы о дискуссии в ИК по поводу роли Учредительного собрания в предстоящей революции, на наш взгляд, может быть заподозрен в известной тенденциозности. Рассказ А. П. Корбы, помеченный 8 декабря 1917 года, т. е. кануном созыва Учредительного собрания, пронизан лирическим тоном. «Это было весной 1880 года, на пасхе . . . Я помню незабвенное время, когда несколько дней подряд не снимался с очереди вопрос об Учредительном собрании». Из других источников об этих заседаниях ИК как будто ничего неизвестно. Между тем А. П. Корба даже приводит «единогласное» решение членов Комитета на тот случай, если «Учредительное собрание вновь восстановит свергнутое партией самодержавие»: «В видах избежания анархии в стране ни в каком случае не нарушать и не умалять верховной власти Учредительного собрания, а следовательно, признать даже царское правительство в случае, если оно будет восстановлено Учредительным собранием, но сохранить за партией право пропаганды республиканской идеи и это право отстаивать всеми доступными партии средствами».²³⁷

Хотя записи Михайлова как будто подтверждают в принципе такое решение,²³⁸ но готовность принять любое волеизъявление Учредительного собрания вовсе не была столь единодушной. Возможность того, что Учредительное собрание вотировало бы возвращение самодержавия, допускалась некоторыми народовольцами. Но А. И. Зунделевич, например, говорил, что если бы Учредительное собрание санкционировало царизм, то «идейное меньшинство вправе было бы вести революционную борьбу против воли большинства».²³⁹

Были, наконец, и такие народовольцы, которые не придавали большого значения Учредительному собранию. Таким, по показаниям Аполлона Тимофеева, был Теллалов, который считал, что не Учредительное собрание, а городское восстание послужит импульсом «для движения массового создания соответствующей народному идеалу общественной формы».²⁴⁰ В этом взгляде сказа-

²³⁶ Там же, д. 529, л. 254 (показания А. Тимофеева о мнении Ст. Михайлова).

²³⁷ А. П. Прибылева-Корба. «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880 гг. М., 1926, стр. 55—56.

²³⁸ Объяснения на суде (черновик, копия С. Н. Валка).

²³⁹ В. И. Иохельсон, ук. соч., стр. 18. Эту идею, очевидно, разделяли и другие — см.: Литература партии «Народной воли», стр. 908; В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 146.

²⁴⁰ ЦГАОР, ф. 112и, оп. 1, д. 529, л. 255.

лась отчасти верность народнически-бунтарским представлениям о восстании, отчасти установка «Программы для рабочих», о которой речь пойдет впереди. Опасался созыва Земского собора (Учредительного собрания) и Морозов, полагавший, что «при теперешних условиях народной жизни он приведет только к санкционированию самодержавия».²⁴¹

Сами народovolьцы, очевидно, поняли в конце концов, что невозможно поднять в России революцию во имя непонятного массе принципа Земского собора, пришлось расстаться и с надеждами на сознательность крестьянско-трудового состава будущего Учредительного собрания. В передовой в № 8—9 «Народной воли» утверждается, что не будущая русская конституанта, а сам народ или, в крайнем случае, временное революционное правительство произведет экономический (социальный) переворот. Лишь в таком перевороте явится гарантия того, что «на созданный Земский собор явятся истинные представители народа».²⁴²

Усомнился в реальности проектов, связанных с Учредительным собранием, и П. Лавров. Выражая в начале 1882 г. готовность примкнуть к «Народной воле», он указал на свои сомнения в возможности передачи производительных сил трудящимся с «помощью Земского собора помещиков, чиновников, городских лавочников и деревенских кулаков».²⁴³

Подразумевавшаяся в программе ИК и открыто высказанная в № 2 «Народной воли» надежда на то, что тотчас после переворота 90% депутатов Учредительного собрания будут представлять народovolьческую партию, была лишь наивной иллюзией. Даже спустя четверть века, как было отмечено В. И. Лениным, большинство крестьянских депутатов в I и II Думе встало не на сторону левонародников, а на сторону мелкобуржуазных радикалов.²⁴⁴

Пример с различными суждениями по поводу Учредительного собрания — не единственный. Дискуссии при обсуждении программы ИК, расхождение в понимании многих существенных ее принципов, свидетельствовали в какой-то мере о компромиссном характере этого документа. Подтверждением этому служит объединение вокруг нее довольно различных самих по себе сторонников политической борьбы. О том, что понимание текущих задач борьбы, отраженное в программе ИК, не было постоянным или общепринятым, свидетельствует появление в самом непродолжи-

²⁴¹ Н. А. Морозов — П. Н. Ткачеву, 8 мая (июня?) 1880 г. (копия С. Н. Валка).

²⁴² Литература партии «Народной воли», стр. 495.

²⁴³ П. Л. Лавров — Исполнительному комитету (копия С. Н. Валка).

²⁴⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 252.

тельном времени нового документа ИК — «Подготовительной работы партии».

Тем не менее значение программы ИК как основного документа народовольческого периода революционного движения огромно. Документ этот получил известность и за границей. Боевой дух народовольческой программы привлек к ней симпатии Карла Маркса. Оценивая общую революционную обстановку в Европе, К. Маркс в письме к Зорге 5 ноября 1880 г. с несомненным одобрением отзывался о «революционной политической деятельности» «Народной воли», провозглашенной программой ИК и не соглашался с ее критикой чернопередельцами.²⁴⁵

«Подготовительная работа партии»

Как уже говорилось, программа ИК при самом своем появлении вызвала ряд вопросов и недоумений, «неправильное толкование и одностороннее понимание».²⁴⁶ Требовалось пояснить даже название партии. Видимо, для лучшего уяснения этих вопросов себе и членам революционных кружков в начале 1880 г. по инициативе Исполнительного комитета был составлен первоначальный набросок инструкции под названием «Подготовительная работа партии». Авторство этого документа потом приписывал себе Тихомиров.²⁴⁷ И хотя, по отзыву Плеханова, последний «всегда отличался значительной гибкостью суждений», сомнительно, чтобы ему одному принадлежали дополнения и пояснения программы ИК, которые вносят в нее порою существенные уточнения и изменения. Как и программа ИК, «Подготовительная работа партии» — документ не только официальный, но и коллективный. Проект Тихомирова был разослан по всем народовольческим группам «для обсуждения и поправок». Через два месяца, т. е. примерно в марте—апреле 1880 г., по получении отзывов и замечаний этот проект был исправлен и получил окончательную редакцию.

Инструкция эта, принятая центром и всеми группами, рассматривалась как «общее руководство», как «официальная литературная работа».²⁴⁸ Как сообщали в 1883 г. издатели «Календаря „Народной воли“», печатая там «Подготовительную работу партии», эта «брошюра» первоначально не предназначалась для

²⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 100.

²⁴⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 288 (передовая статья в № 4 «Народной воли»).

²⁴⁷ Из архива Л. Тихомирова, стр. 180.

²⁴⁸ Календарь «Народной воли» на 1883 год, стр. 120; Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146.

опубликования. Она «имела целью лишь установить в среде организации общую, одинаковую точку зрения на деятельность»²⁴⁹ и распространялась только среди «своих людей».

Рукописные копии «Подготовительной работы» были найдены у Г. И. Исаева при задержании его на улице и при обыске на квартире Перовской на Первой линии Измайловского полка.²⁵⁰ Редакция «Календаря „Народной воли“» знала и о других вариантах рукописи, но опубликовала документ по наиболее достоверному, доставленному из редакции «Народной воли». Однако при публикации было выпущено одно немаловажное место. Редакция «Календаря „Народной воли“» исключила несколько слов «касающихся технической стороны воздействия на солдат», так как это могло помешать еще действовавшей военной организации. Судя по контексту, содержание этих слов скорее всего совпадало с тем примечанием к «Программе военно-революционной организации», которое рекомендовало пропаганду между солдатами вести не офицером, а членом «союза рабочих», которым военная организация должна оказывать поддержку.²⁵¹

Не сохранились к сожалению и отзывы групп, обсуждавших «Подготовительную работу партии». Нет и следов тех «устных толкований», которыми она, по свидетельству издателей «Календаря „Народной воли“», всегда пояснялась. Однако и без этих сведений несомненно, что «Подготовительная работа партии» разрабатывалась не менее обстоятельно, чем программа ИК. Не менее серьезное значение придавалось ей как документу, определяющему действия партии. В этом смысле она явилась как бы вновь выработанной практической частью программы партии.

О содержании ее сразу же сообщили, видимо, и заграничным членам организации. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Морозова в Петербург от 1 июля 1880 г. Сообщая о том, что он живет с Гартманом «душа в душу» (а Гартман был доверенным лицом ИК за границей), Морозов между прочим отмечал:

²⁴⁹ Календарь «Народной воли» на 1883 год, стр. 151. Название «брошюры» этот документ, до того нигде не напечатанный, получил, видимо, по внешнему виду рукописи, имевшейся в редакции «Календаря „Народной воли“». В виде небольшой брошюры «Подготовительная работа» была гектографирована и в 1885 г., и в 1886 г. Эти издания имели подзаголовок, указывающий на источник: «Из календаря „Народной воли“».

²⁵⁰ Рукопись на двух почтовых листках, обнаруженная на квартире Желябова и Перовской, до нас не дошла. Отрывки же из нее, помещенные в жандармском дознании, свидетельствуют о большой близости или даже полном совпадении ее текста с печатным. Отдельные восхождения, пожалуй, объясняются небрежностью при переписке (ЦГАОР, ф. 112и, 1881, д. 522, лл. 15—15 об.).

²⁵¹ Литература партии «Народной воли», стр. 876 (прим. издателей), 888.

«Новая программа ваша более понравилась мне, чем первая». Если в первой он видел отзвуки социал-демократизма, то во второй его отталкивал лишь принцип строгого централизма («Если бы тут не ставился так определенно централизм, то я был бы готов согласиться»).²⁵² Судя по этому замечанию, Морозов имел в виду именно «Подготовительную работу партии», где целый раздел посвящался обоснованию централизованного руководства революционной партией.

Действительно ряд положений этого документа расходится с тезисами программы ИК, а другие существенно расширяют сферу действий партии. Лишь на первый взгляд «Подготовительная работа» поясняет три-четыре пункта в том разделе программы, который определял практическую работу. В действительности содержание ее, как увидим, гораздо шире. Она создавалась в переломный для «Народной воли» момент. Внешнее положение организации после покушения 5 февраля в Зимнем дворце выглядело как будто блестяще. Тактика террора начала приобретать известную популярность среди интеллигенции и рабочих. Большинство революционных кружков заявило о своей полной или частичной солидарности с программой ИК. Чернопеределъческая организация с выездом ее руководителей за границу большим влиянием не пользовалась. Однако сами члены ИК понимали, что их расчеты на динамит как безотказное средство казни царя-деспота не оправдались. Перспективы следующих покушений были пока неопределенны. К своей главной цели — организации политического переворота партия собственно еще не приступала, ибо все наличные силы почти ничем, кроме организации покушений и привлечения на свою сторону народнических кружков, еще не занимались. Позднее в «Письме к заграничным товарищам» о периоде, наступившем после 5 февраля, говорилось: «Только с того момента мы получили некоторую возможность действовать согласно со своими стремлениями».²⁵³

Попытка придать всем сферам революционной деятельности пропорции, соответствующие задачам подготовки государственного переворота, к чему уже приступили в области организации, создавая рабочие, молодежные, военные кружки, в теоретическом плане отразилась в «Подготовительной работе партии». В этом документе намечался продуманный и широкий план деятельности. Хотя при этом инструкция получила довольно эмпирический характер, в ней полнее, на наш взгляд, чем в программе ИК, отразились народофильские представления о тактике и средствах

²⁵² ИГАОР. ф. 1762и. Письмо Морозова от 1 июля 1880 г.

²⁵³ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 147.

революционной борьбы. Нельзя не обратить внимания и на то, что программа создавалась в отсутствие виднейших руководителей партии — Михайлова и Желябова. В период же создания брошюры «Подготовительная работа партии» они были в центре борьбы, событий и не могли не повлиять на содержание этого документа, даже если не считать, что прямо они в написании его и не участвовали.

В инструкции как бы подводится первый итог большой организационной работы, проделанной членами ИК для создания и расширения новой революционной партии осенью и зимой 1879—1880 гг. Неудивительно, что в первом же разделе после общего вступления были основательно изложены задачи центральной организации, лишь мельком упомянутой в программе. Весьма подробно были определены и задачи местных групп.²⁵⁴ В программе по традиции, идущей еще от «Земли и воли», говорилось о «федеральном союзе» «мелких тайных обществ»,²⁵⁵ по инструкции же местные группы сохранили очень небольшую самостоятельность, ибо центр брал на себя право быть выразителем стремлений всей партии.

Наиболее серьезные изменения по сравнению с программой претерпели положения об организации восстания и о роли масс в революции. Если в программе ИК очень расплывчато и неопределенно толковалось о «приобретении влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе», причем под последним имелось в виду исключительно крестьянство, то «Подготовительная работа» посвящает специальные параграфы «городским рабочим», о которых прежде не было и речи, а также войску и интеллигенции. Появляется в ней впервые и раздел «Европа», где партии рекомендуется завоевать сочувствие зарубежной общественности.²⁵⁶

В программе ИК вопрос о восстании решался почти прямолинейно, по-бланкистски: «Партия должна взять на себя почин переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее».²⁵⁷ «Подготовительная работа», как бы отвечая каким-то неведомым нам критикам, допускает различные формы переворота: «Уничтожение ныне существующей правительственной системы может произойти, конечно, весьма различными путями». Предусматривается, в частности, «естественная смерть старого порядка», когда «одряхлевшее правительство, не

²⁵⁴ Литература партии «Народной воли», стр. 870—874.

²⁵⁵ Там же, стр. 165; ср.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 71.

²⁵⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 165, 874—878.

²⁵⁷ Там же, стр. 166.

дожидаясь восстания», вынуждено будет решиться пойти на уступки народу и дать конституцию.²⁵⁸

Слово «конституция» прозвучало здесь впервые. Когда на Воронежском съезде 1879 г. Желябова называли «конституционалистом», то это звучало в устах правоверных народников ругательно. Отношение народников-бунтарей к политическим реформам определялось бакунистским анархическим пренебрежением к формам государственного правления. В этом же документе «Народная воля» впервые прямо заявляла о том, что она положительно смотрит на конституцию и политические свободы, вырванные у самодержавия. Это разумное положение исходило, очевидно, не только из партийной линии, но также из изменения обстановки. Назначение Верховной распорядительной комиссии и либеральные жесты Лорис-Меликова давали известное основание надеяться, что у царизма удастся вырвать существенные уступки. «Народная воля» не могла не учитывать этой возможности, казавшейся тогда довольно реальной.

Однако главные свои надежды партия по-прежнему возлагала на вооруженное свержение самодержавия путем подготовленного ею переворота. Как бы отвечая оппонентам, неудовлетворенным категорическим решением вопроса о восстании в программе, «Подготовительная работа» заявляла: «Что касается самого восстания, то для него, по всей вероятности, можно будет выбрать благоприятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков». Авторы инструкции невольно подошли к фактическому признанию необходимости революционной ситуации (ими, конечно, неосознанной как понятие), когда говорили, что «такие благоприятные условия создаются народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, разными усложнениями европейской политики и пр.».

Однако ткачевско-бланкистские идеи отнюдь не были преодолены: партии, может быть, придется «самой начинать восстание, а не присоединиться к народному движению, и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение». Очень свойственное народникам волюнтаристское понимание исторических явлений приводит авторов «Подготовительной работы» к тезису: «Партия должна иметь или создать себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца». Удобный момент для нападения предполагалось создать одновременным устранением 10—15 столпов правительства, что якобы приведет его в панику и в то же время возбудит народные массы. В этот момент «центральная боевая организация» должна будет начать восстание, а если на помощь

²⁵⁸ Там же, стр. 868.

первым застрельщикам партия двинет «сколько-нибудь значительные массы рабочих», такое нападение «легко может увенчаться успехом».²⁵⁹

Этот документ на процессе первоапрельцев прокурор Н. В. Муравьев назвал «рукописью весьма замечательного содержания».²⁶⁰ В обвинительном акте по делу 20 в 1882 г. было определено, что эта рукопись трактует о «средствах приготовления в России всеобщего восстания».²⁶¹ Придя к выводу, что «успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска», «Подготовительная работа» впервые наметила задачи пропаганды и организации революционных кружков среди рабочих с тем, чтобы в момент восстания закрыть фабрики и заводы и двинуть на улицы «самую обширную массу рабочих».²⁶²

В программе упоминание о массах звучит как туманная абстракция. О роли народа в революции в программе «социалистов-народников» нужно было упомянуть обязательно, но зачем и как — об этом никто как-то не задумывался. О народе в целом говорилось как о некоей второстепенной величине. Партия должна только «подготовить его содействие перевороту».²⁶³ В инструкции ИК предлагал конкретное и более или менее ясное решение: реальная народная сила в революции, на которую может опереться партия, — это не крестьяне, а рабочие, о которых в программе ИК даже не упоминалось. Рабочие как-то неожиданно приобрели в глазах народо-вольцев значение одной из главных ударных сил революции.

Налицо несомненная переориентировка революционных планов. Более ясной становится перспектива участия народных масс в борьбе. Хотя по-прежнему им отводится подчиненная роль, но партия признает обязательным условием успеха восстания привлечение к нему «сколько-нибудь значительных масс рабочих», привлечение или хотя бы нейтрализацию войска, наконец, сочувствие и содействие интеллигенции.²⁶⁴ Правда, о крестьянстве говорилось по-прежнему невнятно. «Не ведя массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии». Рекомендовалось также «старательно намечать народных вожаков, сходясь с ними возможно теснее».²⁶⁵ И это все! К тому же этот рецепт просто повторял бакунинский совет, не более.²⁶⁶

²⁵⁹ Там же, стр. 858—869, 874.

²⁶⁰ Процесс 1-го марта 1831 года, стр. 165.

²⁶¹ Процесс 20-ти народо-вольцев в 1882 году. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 48.

²⁶² Литература партии «Народной воли», стр. 874—875.

²⁶³ Там же, стр. 165—166.

²⁶⁴ Там же, стр. 859.

²⁶⁵ Там же, стр. 873—874.

²⁶⁶ Ср.: М. Бакунин. Государственность и анархия. Собр. соч., т. II. СПб., 1906, стр. 257, 261—262.

В целом, однако, представление о роли народных масс в революции получило большую определенность. Фигнер в письме к Э. А. Корольчук от 20 января 1927 г. так объясняла позицию народолюбцев в этом вопросе, противопоставляя ее прежней установке землевольческой организации в отношении государственного переворота: «То, что в „Земле и воле“ ставилось как довершение народного восстания, в „Народной воле“ было при перевернутой программе исходным пунктом, как средство развязать (как тогда говорили) силы народа (т. е. поднять его на восстание)».²⁶⁷

Это позднейшее свидетельство может быть подтверждено и гораздо более ранними. Как представляли себе руководители ИК перспективы революционной борьбы весной 1880 г., т. е. в момент, когда была выработана «Подготовительная работа партии», мы можем судить по письму Тихомирова к Сергею Кравчинскому от 13 мая 1880 г. В этом письме, написанном «за всех товарищей» (есть в нем приписка и Михайлова), Тихомиров как раз касается происходившего тогда в среде членов ИК переосмысления вопроса о роли масс в революции. Как бы продолжая мысли инструкции, в первой же фразе которой заявлялось, что задача партии — «развить количество силы, необходимое для осуществления ее целей»,²⁶⁸ Тихомиров писал: «Мы считаем нужным повести свои дела вообще на более широкую ногу. В России — энергично взяться за организацию сил, с целью в возможно ближайшем времени атаковать правительство вплотную, давить на него, насколько хватит сил, и вести дело прямо к восстанию». В конце письма прямо выражается надежда, что при энергичной работе социалистов «через год—два затрещала бы Россия по всем швам, и массы народные могли бы выступить на сцену».²⁶⁹

Как документ, в котором достаточно широко ставился вопрос о роли народных масс в революции, «Подготовительная работа партии» несколько отступала от бланкистских выводов программы ИК. Она как бы развивала в другом направлении едва намеченный в Липецке план многообразных действий партии. Сходство с этим планом, а также с предложениями Желябова в Липецке об объединении всех элементов, способных к политической активности, свидетельствует в пользу предположения об участии Желябова в разработке инструкции. Скорее всего им был написан раздел о рабочих, к организации которых в Петербурге Желябов приступил в это время.

Думается, что можно найти и черты компромиссного характера в этом документе. Если программа ИК создавалась в условиях

²⁶⁷ Архив Э. А. Корольчук.

²⁶⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 867.

²⁶⁹ ЦГАОР, ф. 1762и, Л. А. Тихомиров — С. Кравчинскому, 13 мая 1880 г.

дискуссии «чистого террориста» Морозова и сторонника заговорщической тактики Тихомирова, то «Подготовительная работа партии» отразила тот период деятельности ИК, когда на «чистого заговорщика» Тихомирова оказали давление сторонники более широкого участия масс в предстоящей революции, когда в нем впервые заговорили о необходимости организации сил для государственного переворота.

«Программа рабочих членов партии „Народная воля“»

Четвертый номер «Черного передела» в сентябре 1881 г. обратил внимание на то, что между первыми и последующими изданиями народовольческой печати «существует довольно значительное теоретическое разногласие». ²⁷⁰ Это же наблюдение сделали тогда и чернопредельцы-эмигранты, которым казалось, что «Народная воля» уже «разочаровалась в своих расчетах на одну интеллигентную часть нации», ²⁷¹ что «у народвольтцев произошла перемена во взглядах, в смысле большего, чем прежде, напирания на рабочую среду». ²⁷²

Главным документом, отразившим эти новые веяния среди народвольтцев, была «Программа рабочих членов партии „Народная воля“», составленная петербургским центральным рабочим кружком по соглашению с ИК. Непосредственными авторами этой программы, напечатанной 5 ноября 1880 г. в типографии «Рабочей газеты», были Желябов и видный пропагандист И. П. Коковский. ²⁷³ Тем не менее она являлась коллективным документом, так как была выпущена от имени редакции «Народной воли», хотя, как будет показано далее, один из редакторов — Тихомиров, видимо, со многим в этой программе не был согласен. Второе издание вышло в августе 1881 г. Известны также гектографированные перепечатки в провинции. ²⁷⁴

«Программа рабочих членов партии „Народная воля“» получила, однако, большее значение, чем предназначенное ей самим заглавием. В революционных кругах на нее смотрели как на дополнение к программе ИК. Во всяком случае в письме к заграничным товарищам ИК дважды ссылался на нее как на официальный документ всей народвольтческой идеологии. ²⁷⁵ Это значение про-

²⁷⁰ Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел, стр. 290.

²⁷¹ Историко-революционный сборник, т. II, стр. 76 (письмо П. Аксельрода в № 19 «Вольного слова»).

²⁷² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. I. М., 1940, стр. 223 (письмо Л. Дейча).

²⁷³ Существовала также не дошедшая до нас «Объяснительная записка» к этой программе.

²⁷⁴ См.: Красные веки, вып. 1, 1925, стр. 17.

²⁷⁵ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146, 149.

граммы уловил и прокурор Муравьев, который на процессе по делу 1 марта цитировал ее как документ, в котором изложены политические идеалы «Народной воли» «в новейшем, исправленном, по-видимому, в самом последнем его издании».²⁷⁶ И Желябов, который отверг попытку прокурора приписать всем обвиняемым взгляды Морозова, полемизировал с прокурором по поводу воззрений партии, ссылаясь именно на «Программу рабочих членов партии».²⁷⁷

В каких же условиях создавалась программа рабочих-народовольцев? Осенью 1880 г. вследствие неурожая в ряде губерний начался голод. В городах как предвестие промышленного кризиса росла безработица. К этому времени после нескольких неудачных покушений вера народовольцев во всемогущество «центрального» террора — покушения на царя — была несколько поколеблена. Путь этот оказался не столь эффективным и быстрым, как они надеялись. Никто из них не подозревал, что неудача будет следовать за неудачей, что «охота на царя» затянется на целый год, что она поглотит чуть ли не все силы ИК в ущерб другим сферам деятельности. Серьезные сомнения охватывали тех, кто старался предоставить себе последствия увлечения террором.

Желябов, который, по словам одного из мемуаристов, в начале деятельности «Народной воли» убежденно и твердо говорил, что партия должна выполнить «строго и последовательно весь план политических казней»,²⁷⁸ с осени 1880 г. вплотную занялся организацией рабочих, офицерских и студенческих кружков, а в канун 1 марта начал даже признавать «пагубную сторону террора, затягивающего помимо их воли людей».²⁷⁹ «Мы затерроризировались, — говорил он Ошаниной, — нам теперь нужно бы налечь на организацию революционных сил в стране; но пока мы не можем отступить, не довершив начатого»²⁸⁰ (т. е. цареубийства). В народовольческих кружках заговорили о перенесении сил в народ, об организации деревенского и городского террора, который должен был явиться предвестием массовых выступлений. В безработных, в крестьянах, нуждой брошенных нищенствовать в Петербург, видели порох, ждущий только искры.

Энергичная агитация среди рабочих Петербурга и в провинции, начатая весной 1880 г., уже к осени принесла первые плоды. В одном Петербурге среди рабочих, по данным самого ИК, работало около 30 интеллигентов, а народовольческие кружки

²⁷⁶ Процесс 1-го марта 1881 года, стр. 184.

²⁷⁷ Там же, стр. 216.

²⁷⁸ В. А. Анзимиров. Крамольники. М., 1907, стр. 122.

²⁷⁹ К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской, стр. 7.

²⁸⁰ Н. С. Русанов. Идеи основы «Народной воли», стр. 76.

и группы объединяли несколько сот рабочих.²⁸¹ К «Народной воле» примкнули в это время и многие рабочие из разгромленного в 1879—1880 гг. Северного союза русских рабочих во главе с С. Н. Халтуриным.

Мысли о восстании, о баррикадах занимали многих народовольцев.²⁸² В ИК не могли не прислушиваться к биению пульса народной жизни, к настроениям рядовых членов революционных кружков. В «Народной воле» появились статьи, в которых указывалось, что «народному терпению приходит конец», что «под неотразимым стихийным давлением голода возможно массовое движение целых областей».²⁸³

В листовке «От рабочих членов партии „Народной воли“», выпущенной по поводу казни Квятковского и Преснякова (помечена 5 ноября 1880 г., т. е. днем выхода в свет программы рабочих-народовольцев), заявлялось: «Пора русскому народу взять управление делами в свои руки». Террористические действия объявлялись лишь предвещением будущей борьбы: «Это тебе, царь батюшка, цветики; погода колыхнется море народное, познаешь ты ягодки».²⁸⁴ В этом же плане велась и агитация среди петербургских рабочих. В найденной при аресте у студента Ивановского весной 1881 г. рукописи «Картина современного экономического положения народа» утверждалось, что народ вскоре восстанет и «явится перед царем и его правительством грозной силой, руководимой русской революционной партией».²⁸⁵

В программе рабочих-народовольцев, в передовых статьях 4-го и 5-го номеров своего органа народовольцы ближе всего подошли к прежней идее революционеров 70-х годов о том, что освобождение народа должно быть делом самого народа. Бланкизм отступал здесь на шаг назад.

Новая ориентация народовольчества не могла остаться незамеченной и другими сторонниками прежнего народничества. В № 4 «Народной воли» было опубликовано «Заявление группы народников» от 15 ноября 1880 г. о своем согласии с деятельностью «Народной воли» и о присоединении к ней. Фигнер сообщила, что это был кружок саратовских деревенских деятелей — Троицкий, Новицкий, Майнов, Поливанов.²⁸⁶ Члены этой группы прежде стремились, как и другие «деревенщики» создать массовую революционную организацию и вызвать народное восстание. Теперь

²⁸¹ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 147.

²⁸² Из показаний Н. И. Рысакова. Красный архив, 1926, т. 6 (19), стр. 188—194.

²⁸³ Литература партии «Народной воли», стр. 289; ср.: стр. 301.

²⁸⁴ Там же, стр. 896—897.

²⁸⁵ ЦИИАЛ, ф. 1405 (МЮ), 1881, д. 8710, л. 40 об.

²⁸⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», стр. 114.

они пришли к выводу, что массовая организация пока невозможна, а для возбуждения в народе движения необходим сильный толчок, вроде политического переворота. В заключение саратовцы признавали, что «постановка дела» «Народной воли» «верна и охватывает все отрасли революционной деятельности».²⁸⁷

Народовольцы, которые усиленно повели в это время работу на заводах, действовали несогласованно с чернопередельцами. По рассказу Н. М. Саловой, бывали случаи, когда «на одной и той же фабрике сталкивались народовольцы и чернопередельцы, причем между ними пачинались пререкания и споры, которые, разумеется, производили на рабочих печальное впечатление». Старания народовольцев «слить все силы на рабочем деле» привели к мысли выработать такую «программу по рабочему делу», которая могла бы встретить одобрение и у чернопередельцев. Составлена она была, по свидетельству И. Г. Орлова, в сентябре, а обсуждение на совместном с чернопередельцами собрании состоялось в октябре 1880 г. Но собрание не дало никаких результатов, ибо сторонники «Черного передела», в особенности М. Решко, не видели в программе никаких «уступок». Соглашение в этот раз так и не состоялось, ибо «народовольцы и не обещали никаких уступок, а только выражали надежду, что на их программе деятельности среди рабочих могут сойтись и чернопередельцы».²⁸⁸ С этой же, очевидно, целью «Программа рабочих членов партии „Народная воля“» была напечатана вторично в августе 1881 г., в момент, когда переговоры о слиянии обеих революционных организаций возобновились.²⁸⁹

Программа произвела благоприятное впечатление на революционные группы. По мнению некоторых революционеров, «программа эта значительно отличалась от прежней программы партии „Народная воля“». Так считал, например, участник пропаганды среди рабочих И. Г. Орлов, только после ее появления решивший примкнуть к «Народной воле», оговорив, впрочем, свое особое мнение по нескольким пунктам (он считал, что переворот должен быть не только политическим, но одновременно и экономическим и проведен не силами партии, а народа).²⁹⁰

Новая установка партии — программа рабочих-народовольцев была сообщена и в провинцию. Теллалов, как можно судить по

²⁸⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 293—294.

²⁸⁸ Л. Тихомиров. Из давнего разговора. Вестник «Народной воли», № 4. Женева, 1885, стр. 99—100.

²⁸⁹ Второе издание вышло с несколькими дополнениями и изменениями, впрочем не столь существенными. Было прибавлено лишь слово «детей» в пункт о необходимости регламентации труда мужчин и женщин, а пункт о том, что кружки рабочих должны быть тайными, дополнен словами о необходимости их связи между собою.

²⁹⁰ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 1, д. 507, л. 365 и сл.

показаниям Тимофеева, доказывал в феврале 1881 г., что всего «удобнее и успешнее» можно вести пропаганду между городским фабричным элементом, а затем начать восстание, которое послужит «импульсом для движения массового». Учредительному собранию он не придавал никакого значения.²⁹¹

Более определенны на этот счет сведения одного из привлеченных по делу киевских революционных кружков Ивана Саранчева. В своем показании от 5 октября 1882 г. Саранчев вспомнил, как в январе 1881 г. в Киев приезжал уполномоченный ИК «Владимир Львович» (С. Златопольский) с целью реорганизовать местную организацию и «сообщить о новых задачах партии». В изложении Саранчева слова Златопольского очень напоминают соответствующее место из программы рабочих-народовольцев. «Переворот должен быть произведен распропагандированными рабочими, при помощи войск», «в столицах и главных административных центрах». Временное правительство «должно путем декретов преобразовать экономический строй...». На вопрос Саранчева, примет ли народ это преобразование «сверху», Златопольский ответил, что «перемена будет соответствовать сокровенным желаниям русского народа, а потому принятие ее народом несомненно». Далее Златопольский пояснил: «Экономический переворот всего более желателен сверху, помимо парламентаризма, потому, что в последнем случае войдут те слои общества, для коих экономические реформы народа слишком далеки и могут быть нежелательны».²⁹²

Каковы же особенности и отличия «Программы рабочих членов партии „Народная воля“» от программы ИК? В чем сходство и расхождение с программой Северного союза русских рабочих, составленной Халтуриным и его товарищами? На первый взгляд оба народовольческих документа почти тождественны. Они разбиты на шесть разделов и сходны по содержанию. Однако явственны черты различия. Прежде всего, программа для рабочих доступнее по изложению. Вместо общих фраз о «рабстве экономическом и политическом» эта программа ссылалась на общеизвестные тогда факты: «Поглядите: в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекулянтов; в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в большую кабалу к фабриканту». Если в программе ИК о конечных целях партии сказано в весьма сжатой форме, то рабочим о социально-утопических идеалах говорилось достаточно подробно. Тогдашнему рабочему, впрочем, было понятнее и ближе простое и ясное положение о том, что при социализме каждый будет работать, «не попадая

²⁹¹ Там же, д. 529, л. 255.

²⁹² Там же, д. 532, лл. 793 об.—794.

в кабалу к помещику, фабриканту, потому что этих тунеядцев не будет и в помине».

Программа рабочих-народовольцев создана, несомненно, под влиянием традиционных народнических взглядов. Это же, впрочем, относится и к программе Северного союза. В центре будущего общества, согласно обеим программам, — община, общинное землевладение. Работа на фабриках производится ассоциациями. «Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин».²⁹³ Нужно сказать, что в последующих разделах эти обычные народнические формулы подчас отступают на второй план. Наряду с социально-утопическими требованиями, народовольцы выдвигают прежде всего пункты о ближайших политических задачах. Признав, что «сразу невозможно осуществить социалистические идеалы», народовольцы звали рабочих к борьбе за широкую программу демократических преобразований. «Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства — постепенное завоевание гражданских прав».²⁹⁴

Раздел Г по своему содержанию является важнейшим. По продуманности и широте заявленных в нем требований он выгодно отличается от программы ИК и не уступает программе Северного союза русских рабочих, в которой ощутимы бакунистские влияния. Если программа ИК требовала «постоянного народного представительства, имеющего полную власть во всех общегосударственных вопросах», то народовольческая рабочая программа, кроме народного представительства, упоминает также о «союзном правительстве». Народовольцы от анархического отрицания центральной власти пришли к признанию необходимости представительной-демократической системы правления. Однако, так же как и народники-бакунисты середины 70-х годов, основой общерусского союза они признавали общину (села, заводские артели), а сам союз должен был состоять из федерации самостоятельных во внутренних делах областей.

Обе народовольческие программы требовали всеобщего избирательного права. В программе Северного союза этого пункта, как известно, нет. Пункты о демократических свободах и ближайших реформах в общем сходны. Однако руководители Северного союза не забыли потребовать уничтожения сословных преимуществ, а также установления подоходного налога. Они, правда, не упомянули о свободе совести и религии, но зато настаивали на уничтожении паспортной системы и дел по политическим преступлениям.

Весьма важный пункт народовольческой рабочей программы, касающийся прав угнетенных народов России на самоопределение

²⁹³ Литература партии «Народной воли», стр. 878—880.

²⁹⁴ Там же, стр. 879; ср.: Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих. Л., 1946, стр. 249 (программа Северного союза).

и не имеющий аналогов в двух других документах, являлся признаком большой зрелости политической мысли Желябова.²⁹⁵ Быть может, появление его следует объяснить советом М. П. Драгоманова, к которому в мае 1880 г. обратился Желябов с просьбой дать критический отзыв о народофильской программе. Посланцу Желябова Драгоманов заявил, что основные разногласия с «Народной волей» он видит в отсутствии в официальной партийной программе «признания федеративного начала», без которого невозможно основать «действительную политическую свободу в России».²⁹⁶ После этого Желябов, видимо, счел необходимым пересмотреть централистскую точку зрения программы ИК.

Гораздо определеннее, чем в документах ИК и Северного союза, в программе рабочих-народофильцев говорится о замене армии народным ополчением. Большое культурное значение имело предложение о даровом и доступном образовании народа во всех низших и высших школах. Это требование, пропущенное почему-то программой ИК, Северным союзом однако формулировалось лучше, так как прибавлялось слово «обязательное». Требования программы рабочих-народофильцев о законодательном регулировании труда женщин и детей, правда, не имеют аналогии в программе ИК, зато Северный союз редактировал этот пункт более четко, выделив запрещение детского труда.²⁹⁷

Предложение Желябова об объявлении земли и фабрик «народной собственностью», т. е. на первый взгляд национализации, не является более последовательным или более зрелым, чем в других программах. Хотя речь идет о передаче этих средств «в пользование» общин, фактически средства производства полностью передавались общинам, артелям, ассоциациям. Вряд ли этот, а также два последующих пункта могут быть названы пролетарскими по своему характеру. Ничего специфически классового в них нет. Наконец, пункт об учреждении государственного банка для кредитования общин, артелей и союзов по существу однозначен с ласальянским требованием дарового кредита, выдвинутым Северным союзом.

Раздел о практической деятельности рабочей организации в отличие от программы ИК не имеет пунктов о террористической деятельности и о приобретении влияния и связей в различных слоях населения, но ставит перед рабочими другие обширные задачи. Наиболее сознательные из них должны составлять «неболь-

²⁹⁵ Литература партии «Народной воли», стр. 882—833; ср.: Э. А. Корольчук, ук. соч., стр. 249—250.

²⁹⁶ М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений, т. II Paris, 1906, стр. 417.

²⁹⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 883; ср.: Э. А. Корольчук, ук. соч., стр. 249—250.

шие, но дружные кружки», готовящиеся к перевороту. «Кружки должны быть связаны между собою, но в то же время должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов». Главнейшая задача кружков — поддерживать «бунтовской дух в рабочей среде». С этой целью члены кружков размещаются по заводам и фабрикам и заводят под разными предлогами (организация касс, библиотек и т. д.) новые кружки. Члены кружков «устраивают, где нужно, стачки».²⁹⁸

Гораздо большее значение рабочему классу и рабочему движению придавалось в рукописном варианте программы, отобранном при аресте деятеля пегербургской рабочей организации Петра Орлова. Орлов полагал, что «рабочие должны постоянно принимать энергичное участие во всех движениях, чтобы и правительство и все другие классы общества привыкли смотреть на рабочих как на серьезную политическую силу». Орлов выбросил определение о рабочей организации как части социально-революционной партии и вставил пожелание о том, чтобы «масса рабочих слилась с партией» и «силы партии состояли главным образом из рабочих».²⁹⁹ До представления о необходимости создания самостоятельной рабочей партии Орлов, однако, еще не поднялся.

Раздел Е — единственный раздел, совершенно отличный по содержанию от одноименного раздела программы ИК. В программе рабочих-народовольцев в этом разделе говорилось не об отношении партии к врагам и союзникам, а об общем плане деятельности партии во время переворота и о задачах рабочей организации в период восстания. Хотя в этом разделе вновь подчеркивалось, что рабочая организация только часть социально-революционной партии, на силу и сознательность рабочих народовольцы возлагали большие надежды. «Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собою», — подчеркивалось в программе.³⁰⁰ Развивая эту идею в передовой в № 4 «Народной воли», Тихомиров заявлял, что именно крупным городам придется дать «сильный толчок» и «вынести на плечах всю тяжесть борьбы».³⁰¹

Особо примечательны те абзацы, где рекомендовалось для успеха борьбы после очищения города от врага избрать «Временное правительство из рабочих»³⁰² или «лиц, известных своей пре-

²⁹⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 883; ср.: Э. А. Корольчук, ук. соч., стр. 249—250.

²⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1, д. 611, лл. 12—20.

³⁰⁰ Литература партии «Народной воли», стр. 885.

³⁰¹ Там же, стр. 292.

³⁰² В «Подготовительной работе» туманно говорилось лишь о «более или менее активном отношении» рабочих к «составлению временного правительства» (Литература партии «Народной воли», стр. 874).

данностью народному делу». Читая о том, как Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от «врагов», а «рабочие зорко следят за Временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа»,³⁰³ как-то невольно вспоминается Коммуна 1871 г., подвиги парижских рабочих в борьбе с версальцами. Хотя рабочая программа народолюбцев и не ссылается непосредственно на опыт коммунаров в случае захвата власти, этот опыт, как увидим ниже, вероятно, в ней отражен. Ни в одном другом документе народолюбчества не провозглашается столь определенно право самих рабочих создать Временное революционное правительство. По всей вероятности, когда Желябов составлял этот параграф, он учитывал опыт Коммуны.

Чернопередельцы отметили разницу в постановке вопроса о перевороте в программе ИК и программе рабочих-народолюбцев. По программе ИК политический переворот должен передать власть Учредительному собранию и только оно пересмотрит и перестроит государственные и общественные учреждения. По программе рабочих-народолюбцев захват политической власти и экономический переворот (передача земли, фабрик, заводов в руки народа) должны происходить одновременно. Союзное правительство (или Учредительное собрание) только утверждает завоевания народа. Именно в связи с этим последним положением в № 4 «Черного передела» отмечено, что по вопросу о практических задачах предстоящего переворота в изданиях народолюбцев «существует довольно значительное теоретическое разногласие».³⁰⁴

Программа рабочих-народолюбцев в вопросе о том, что делать вслед за победой революции, расходилась и с Ткачевым, и с официальной программой партии «Народная воля». По Ткачеву, захватившая власть заговорщическая организация устанавливает свою диктатуру и проводит перестройку жизни на социалистических началах сверху, без активного участия народа. Точка зрения официальной программы, как бы развивая старое народническое (землеулюбческое в частности) представление о «народных идеалах», передоверяла устройство будущего общества Учредительному собранию.

Желябов же и Кибальчич стояли на совершенно другой точке зрения. В отличие от Ткачева они признавали участие народа в переустройстве общества, в отличие от Тихомирова — не откладывали проведение реформ до Учредительного собрания. Ведь по отношению к старому строю Учредительное собрание для Желябова (письмо к М. П. Драгоманову) «только ликвидационная

³⁰³ Литература партии «Народной воли», стр. 885—886.

³⁰⁴ Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел, стр. 291—292.

комиссия».³⁰⁵ Точка зрения Желябова была поддержана в № 5 «Народной воли» Кибальчицем, который с видимым сочувствием ссылался на совет Лаврова «деятелям будущих революций»: «В минуту, когда исторические комбинации позволят рабочим какой-либо страны, хотя бы временно, побороть врагов и овладеть течением событий, рабочие должны теми средствами, которые будут целесообразны, каковы бы ни были эти средства, совершить экономический переворот».³⁰⁶ Кроме брошюры о Коммуне Лаврова, только что изданной тогда в Женеве, Кибальчицем цитируется и книга К. Маркса «Гражданская война во Франции», выпущенная на русском языке в Женеве еще в 1871 г. Точно неизвестно, какой именно из указанных источников принимали во внимание авторы программы рабочих-народовольцев, но вероятнее всего брошюру Лаврова, более близкую им по духу. В письме к Морозову от 24 ноября 1880 г. Фигнер сообщала: «„Коммуна“ Лаврова приводит в пафос, а всего 2 экземпляра».³⁰⁷ Она настоятельно требовала прислать в Петербург еще несколько экземпляров.

Нельзя не упомянуть, что в рукописном варианте программы рабочих-народовольцев, составленном П. Орловым, имелась и прямая ссылка на Коммуну. Орлов предупреждал, что при тесном союзе рабочих с крестьянством «никогда не явится та отчужденность городских рабочих от деревенских, которая погубила Парижскую Коммуну».³⁰⁸ Предложение Орлова направить в случае успеха восстания специальных эмиссаров от рабочих в провинцию как будто свидетельствует о его знакомстве с соответствующей практикой Коммуны, описанной в книге Лаврова.

О том, что у народовольцев «считалось необходимым» знакомить рабочих с Парижской Коммуной сообщал и И. И. Майнов.³⁰⁹ У рабочего Тимофея Михайлова при аресте была обнаружена какая-то гектографированная рукопись о Парижской Коммуне.³¹⁰ Известно также, что как-то в начале 1881 г. сам Желябов и морские офицеры, собравшиеся на квартире Суханова, «жарко спорили о французской Коммуне».³¹¹

Допуская другой ход событий, когда правительство из боязни общего бунта решилось бы дать конституцию, народовольцы полагали, что и тогда «рабочие должны составлять силу, способную

³⁰⁵ М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений, т. II, стр. 417.

³⁰⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 339.

³⁰⁷ Копия С. Н. Валка.

³⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1, д. 611.

³⁰⁹ Н. Волков. Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. Былое, 1905, № 2, стр. 181.

³¹⁰ Процесс 1-го марта 1881 года, стр. 114.

³¹¹ ЦГАОР, ф. 102и (ДП). Ежеднев. записки, 1884, т. I, л. 332 (показание А. Карабановича).

напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требования с оружием в руках». Они должны требовать крупных уступок,³¹² вводить своих представителей в парламент, в случае надобности, угрожая массовыми возмущениями.³¹³

До появления группы «Освобождение труда» и марксистской группы Благоева, это была наиболее тщательно разработанная революционная программа. Она выгодно отличалась и от программы ИК, о чем говорилось выше, а также и от обеих чернопердельческих программ (1880 и 1881 гг.), считавших агитацию в рабочей среде лишь «дополнением к революционной деятельности в деревне»³¹⁴ и сводивших все практические рекомендации лишь к применению фабричного террора.³¹⁵ Как известно, эти анархические тенденции доводились до крайности в программе Южно-русского рабочего союза (1880—1881), которая взамен стачек и массовых протестов предлагала поджоги фабрик и убийства фабричного начальства.³¹⁶ Туманные рассуждения чернопердельцев об отсутствии в народе «определенного политического идеала»³¹⁷ также не содействовали развитию политических интересов рабочих, вели стихийное рабочее недовольство по пути анархизма. Подчеркивая политические задачи борьбы рабочих, народо-вольцы способствовали пробуждению самосознания у передовых групп рабочих.

Основной недостаток народовольческой программы заключался, однако, в том, что она не выдвигала задачи организации самостоятельной рабочей партии даже в той наивной форме, как это делала программа Северного союза. Вообще трудно заметить какую-либо непосредственную зависимость программы Желябова—Коковского от программы Халтурина—Обнорского. Несколько более или менее совпадающих пунктов не позволяют сделать подобного вывода. В отличие от программы Северного союза³¹⁸ в программе рабочих-народо-вольцев незаметно и влияние Готской или Эйзенахской про-

³¹² В рукописном варианте программы, отобранном при аресте у П. Орлова, эти уступки разделяются на две группы. Экономические уступки сводятся к определению условий труда на предприятиях, введению рабочих советов, регулирующих зарплату, передаче крестьянам свободных земель и т. д. Политические требования — это введение демократических свобод, всеобщего избирательного права и т. д. (ЦГИАЛ, ф. 1410, оп. 1, д. 611, лл. 12—20).

³¹³ Литература партии «Народной воли», стр. 836.

³¹⁴ Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел, стр. 198 (программа северно-русского общества «Земля и воля»).

³¹⁵ Программа Народной партии. Историко-революционный сборник, т. III. М.—Л., 1926, стр. 186.

³¹⁶ Программа Южного рабочего союза. В кн.: М. Балабанов. К истории рабочего движения на Украине. 1925, стр. 156.

³¹⁷ Программа Народной партии, стр. 185.

³¹⁸ Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих, стр. 211, 228.

грамм. Нет в ней поэтому и заявления о том, что сознательные русские рабочие примыкают к социал-демократии Запада.

Совершенно иначе решается вопрос о соотношении обеих народно-вольческих программ. Несмотря на кое-какие идейные сдвиги, программа для рабочих находилась в прямой зависимости от общей программы партии, ее теоретических взглядов. Сказалось это, в частности, и на нечетком определении самого термина «рабочие». Когда Желябов говорил, что «рабочий народ должен рассчитывать на свои силы», это не был четкий классовый вывод: далее утверждалось, что делами страны должно править «рабочее сословие», т. е. «крестьянство и городские рабочие». ³¹⁹ Подобное унаследование от лучшей поры народничества понимания термина «рабочее сословие» характерно для программы рабочих-народовольцев, хотя она, несомненно, имела в виду, говоря о рабочих, прежде всего фабрично-заводской пролетариат. Но роль его явно недооценивалась. Обращаясь к рабочим, народовольцы разъясняли, что «главная народная сила не в них, а в крестьянстве» и призывали их «постоянно ставить себя рядом с крестьянством». ³²⁰

Хотя авторы программы рабочих-народовольцев избегали термина «народники», постоянно прибегая к словосочетанию «социалисты-работники», по своему идейному характеру эта программа являлась документом не рабочего, а народнического движения. Не выявление специфически классовых задач пролетарской борьбы, а подчинение ее целям общедемократического движения — такова рабочая программа народовольчества, считавшего, что революция — дело революционной партии, опирающейся на рабочих, а не дело самих рабочих. Как подметил еще в «Наших разногласиях» Плеханов, не такова была точка зрения марксистов, убежденных в том, что «не рабочие нужны для революции, а революция нужна для рабочих». ³²¹ Несмотря на это, народно-вольческая программа имела большое практическое значение. Нужно помнить, что в это время уже не существовало Северного союза, а некоторые из бывших его участников влились в кружки «Народной воли». И хотя рабочая программа «Народной воли» не в полном смысле этого слова была рабочей, пролетарской, ее значение нельзя недооценивать.

Большинство передовых рабочих Петербурга после разгрома Северного союза готовы были поддержать «Народную волю», так как она выдвинула ту же главную задачу освободительной борьбы, которую выдвигал и Северный союз — свержение самодержавия. К тому же в условиях начавшегося кризиса промышленности при еще малочисленном и малоорганизованном пролетариате даже не-

³¹⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 881.

³²⁰ Там же, стр. 883, 884.

³²¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 342.

редовые рабочие были поколеблены в своем убеждении о возможности самостоятельной успешной борьбы рабочего класса. Поднявшаяся в этот период волна терроризма отвлекала слабые еще теоретические кадры в сторону от зарождавшегося пролетарского движения. Даже передовые рабочие увлекались иллюзией, что с Александром II погибнет и абсолютизм.³²² Мысль о взрыве в Зимнем дворце возникла в одном из рабочих кружков.³²³

Не один только Халтурин отказался от пропагандистски-организаторской деятельности и отдал свои силы террористической борьбе в рядах народовольцев. «Народная воля» объединяла вокруг себя наиболее энергичных революционных рабочих того времени, многие из которых посвятили себя террору. Тем не менее в программе для рабочих о терроре даже не упоминается. Это является свидетельством того, что рабочим предназначалась другая роль в революции — роль массовой силы восстания. Однако признание этой роли вовсе не означало, что народовольцы правильно представляли себе всемирно-историческую роль пролетариата. Лозунги «Народной воли» не были научными, в ее пропаганде нет классовой пролетарской точки зрения.

Хотя народовольцы и смотрели на рабочих как на главную массовую силу революции, среди членов ИК никто не видел в пролетариате будущего руководителя, гегемона революции. В нем видели прежде всего надежный ударный отряд для государственного переворота.

Тем не менее революционизирующее значение народовольческой пропаганды несомненно. Эта пропаганда колебала предрасудки, пробуждала ум рабочего, будила в нем искры самосознания. Большую роль в этой пропаганде играла и программа для рабочих, созданная народовольцами. Хотя намеченные ею широкие задачи организации революционных кружков среди рабочих так и не были реализованы, народовольцы гордились этой программой. Она была послана К. Марксу, который внимательно ее прочитал.³²⁴

³²² Г. В. Плеханов, Соч., т. III. М.—Пгр., 1923, стр. 202.

³²³ П. Аксельрод. Рабочий класс и революционное движение в России. СПб., 1907, стр. 19—20.

³²⁴ В свое время В. Бурцев опубликовал пометы Маркса на посланном ему экземпляре программы рабочих-народовольцев (первого издания). Однако эта публикация выполнена настолько небрежно, что пользоваться ею почти не представляется возможным (см.: Былое, вып. 1. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 159—167). В то время этот документ, по утверждению Бурцева, хранился в библиотеке социал-демократической партии в Берлине. В Центральном партийном архиве в Москве, а также в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине этого документа сейчас нет. На имевшейся в Москве фотокопии 2-го издания пометы были незаметны. В ноябре 1962 г. экземпляр второго издания программы с пометами и подчеркиваниями Маркса (не всегда соответствующими названной публикации) был передан Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

«Программа рабочих членов партии „Народная воля“» без сомнения была крупнейшим достижением теоретической мысли народовольчества. Вместе с тем она является важнейшим историческим документом, отражающим тот этап деятельности «Народной воли», когда под руководством Желябова партия попыталась приступить к организации рабочих масс. Для этого пришлось не только внести новые коррективы в программу ИК, но и создать особую программу. Однако порожденная в основном теми же идеями, что и программа ИК, новая программа оказалась в тесной родственной связи со старой. Дочерняя программа не смогла выйти за пределы народнических теорий.

«Письмо Исполнительного комитета к Александру III»

Наступило 1 марта — долгожданный «толчок», которого ожидали народовольцы. Однако к удивлению многих рядовых членов партии никаких указаний ИК о революционных действиях не последовало. Более того, выпущенные в этот момент листовки и обращения ИК вообще ни к каким решительным действиям не призывали. В решительный час, которого так долго ждали и на который возлагали так много надежд, партия не дала сигнала к восстанию. к захвату власти.

Совещание, созванное ИК в первой половине февраля 1881 г. по вопросу о возможности вооруженного выступления, показало, что силы народовольцев «слишком малочисленны», чтобы уличное выступление могло носить серьезный характер.³²⁵ Подсчитав силы в столице и в провинции, члены ИК, по воспоминаниям Фигнер, «единодушно признали, что для вооруженного выступления эти силы недостаточны».³²⁶

Уже в извещении о смерти Александра II, составленном Тихомировым³²⁷ и одобренном вечером 1 марта, ИК обратился к новому царю Александру III с напоминанием о том, что «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации... не может жить так далее». ИК очень неопределенно просил у русских граждан поддержки в случае, если Александр III «вынудит революционеров вести борьбу с ним».³²⁸

Не имея серьезных надежд на поддержку масс ИК решил использовать произведенный им «толчок» хотя бы для предъявления правительству своеобразного ультиматума. Здесь, конечно, сказалась разделяемая в канун 1 марта почти всеми народовольцами, в том числе и Перовской, мысль о том, что террором можно

³²⁵ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 201.

³²⁶ Л. Т. Дэйч и «Народная воля». Былое, 1924, № 25, стр. 281.

³²⁷ А. П. Прибылева-Корба. Народная воля, стр. 57.

³²⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 898.

вырвать у самодержавия крупные уступки. Надо сказать, что эти уступки понимались, видимо, очень неодинаково.

При ликвидации полицией второй народовольческой типографии в мае 1881 г. был найден черновой набросок «Манифеста ИК к голодающему крестьянскому люду». Документ этот, так и не увидевший в то время света, не имеет ни даты, ни подписи. Очевидно, это был проект Грачевского, не получивший тогда одобрения ИК. По своему содержанию он близок к выпущенным 2 марта прокламациям к рабочим и крестьянам, однако многим от них и отличается. «Манифест», в частности, настаивал на выполнении правительством чуть ли не полностью народовольческой программы, и крестьянам рекомендовались следующие «требования»: «Передел всей земли поровну между всеми, кто ее обрабатывает своим, а не наемным трудом»,³²⁹ отмена постоянной армии, податей, созыв законодательного Земского собора, самостоятельность крестьянского мира. В прокламациях же наиболее решительные экономические требования о переделе земли, об отмене податей были заменены более умеренными — о новой нарезке земли без выкупа, об уменьшении податей. Вопрос об отмене постоянной армии просто выпал. Вместо «Земского собора» в них шла речь о призыве выборных людей в Сенат. Как известно, в XIX в. Сенат был весьма авторитетным учреждением в глазах крестьян, в то время как о «Земских соборах» память в народе почти исчезла. Правда, Сенату придавались не совещательные, но законодательные права — «пусть без совета этих выборных царь ничего не делает — ни податей не назначает, ни ведет войн».³³⁰ Таким образом, если экономические требования были значительно пересмотрены в сторону уменьшения, то главное политическое требование — созыв народных представителей — по существу осталось неизменным (перемена термина существовавшей роли тут не играет). Наконец, и «Манифест», и обе прокламации обращались к массам, крестьянству, рабочим, ждали от них «прошений» и «заявлений» на имя царя. Но темный забитый народ просто не понял тогда происшедших событий, в общем покорно принес присягу новому царю и никаких особых прошений не подавал.

В ИК возник был вопрос о воззвании к обществу, но ни на какую организованную поддержку большой надежды не было. Так возникла мысль самим выступить от имени всего общества, всей страны с обращением к новому царю. Это обращение, по словам А. П. Корбы, должно было дать правительству ясное

³²⁹ Неизданный «Манифест» Исполнительного комитета «Народной воли». Красный архив, 1924, т. 7, стр. 249.

³³⁰ 1 марта 1881 года. Прокламации и воззвания, изданные после царей-убийства. Пгр., 1920, стр. 9.

представление об ошибочности прежних действий и открыть Александру III путь для перемены политики. Хотя никто из членов ИК не имел уверенности, что предложения революционеров будут приняты, обратиться к правительству все же решили.

На собрании 7 или 8 марта на конспиративной квартире Корбы и Златопольского в Коломне обсуждались представленные проекты. Обращение к правительству, обстоятельно написанное Грачевским, не получило одобрения. За основу приняты «Письмо к Александру III», составленное Тихомировым. Были указаны некоторые поправки, а также сделаны возражения по поводу требований в конце письма, но содержание этих поправок и возражений, исходивших в основном от С. Л. Перовской и Н. Е. Суханова, к сожалению, почти неизвестно.³³¹ ИК поручил Тихомирову прочесть письмо Н. К. Михайловскому, как одному из редакторов «Народной воли». Михайловский сделал лишь одну-две стилистические поправки, которые были приняты при втором чтении письма на квартире Г. Исаева и В. Фигнер. Окончательно принятый текст был напечатан Грачевским в типографии на Подольской улице. Экземпляр, отпечатанный на веленовой бумаге, был вложен в конверт, адресованный Александру III, который был опущен в почтовый ящик, находившийся у здания Городской думы на Невском проспекте.

«Письмо к Александру III», по данным «Календаря „Народной воли“», выдержало три издания общим тиражом в 13 тыс. экз.³³² и разошлось широко по стране. Летом 1881 г. полиция находила его повсеместно.³³³ Письмо, указывая, что правительство довело массы до полной нищеты и разорения, грозило царю неизбежным ростом движения, предрекало «страшный взрыв, кровавую перетасовку, судорожное потрясение всей России». Пугая царя «страшной» перспективой кровавых схваток и разрушения, ИК подчеркивал, что он и сам считает «печальной необходимостью кровавой борьбы». Царю был предложен выбор: революция или добровольная уступка народу. В интересах страны, во избежание «страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию», ИК рекомендовал «добровольное обращение Верховной власти к народу». Довольно наивно царю советовали прогнать шпионов и сжечь виселицы. Тогда, обещали народовольцы, они посвятят себя «мирной, идейной борьбе», «культурной работе». В письме к Александру III народовольцы совершенно отказались от экономических требований. Их сочли «неполитичными и бесполез-

³³¹ А. П. Прибылева - Корба. Народная воля, стр. 58.

³³² Календарь «Народной воли» на 1883 г., стр. 163.

³³³ Ср.: С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Прибой, 1929, стр. 128—129.

ными», ибо «вовсе не желали пугать умеренных». ³³⁴ Поэтому народовольцы не предлагали царю от имени крестьянства увеличить наделы, уменьшить подати, прекратить вмешательство полиции в дела общины. Остались только два политических требования — политическая амнистия и всеобщие выборы в Народное собрание при установлении политических свобод. Решению Народного собрания народовольцы обещали безусловно подчиниться. Они простодушно надеялись, что оно должно будет пересмотреть существующие формы государственной и общественной жизни и переделать их «сообразно с народными желаниями». ³³⁵

Таким образом, письмо, хотя и приглушенно, но все же рассматривало достижение политической свободы как первый шаг к дальнейшей борьбе за проведение экономических преобразований. Покинув путь вооруженной борьбы, народовольцы, как заявлялось в № 6 «Народной воли», надеялись обратиться к мирной агитации «для приготовления социальной революции». ³³⁶

Выдвинутая в письме к Александру III «надежда на мирное торжество демократической идеи» (так оценивала это письмо передовая в № 6 «Народной воли») ³³⁷ не являлась отступлением от общей позиции партии, предложением мира во что бы то ни стало. «Вы думаете, что партия уступает? — говорил в мартовские дни Суханов своим товарищам, полагавшим, что обращение к царю свидетельствует лишь о слабости партии. — По-моему, для него действительно существует одно условие: забрать котомку, да и вон». На вопрос одного из моряков, что намерена сделать партия, если Александр III не примет условий, Суханов ответил: «Если он не примет условий и сохранит политику отца, то его, вероятно, оставят покуда в покое. Если же он пойдет по следам деда, то его через пять дней не будет». ³³⁸ Даже марксистский противник народовольчества Плеханов впоследствии отмечал, что ИК «в спокойной, полной достоинства форме» объявил, что он отнюдь не намерен сложить оружие, «если новый царь сохранит самодержавную форму правления». ³³⁹

Народовольцы и не думали об отказе от революционной борьбы. ³⁴⁰ И вместе с тем для этой борьбы у них не было сил. Они невольно отказывались в этом письме от утопии — переско-

³³⁴ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 149.

³³⁵ Литература партии «Народной воли», стр. 903—908.

³³⁶ Там же, стр. 490.

³³⁷ Там же, стр. 418.

³³⁸ N. N. [Э. А. Серебряков]. Воспоминания о Н. Е. Суханове. Вестник «Народной воли», № 5, Женева, 1881, стр. 74—75.

³³⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 161.

³⁴⁰ См.: Р. В. Филиппов. В. И. Ленин о письме Исполнительного комитета «Народной воли» от 10 марта 1881 г. Вопросы истории, вып. 1. Петрозаводск, 1961, стр. 5 и сл.

чить прямо от самодержавия к социалистической революции и ставили вполне трезвые общедемократические цели. Если трудно действительно назвать эту программу социалистической даже в утопическом смысле, политически она была в тот момент достаточно реальна. Достаточно вспомнить, что Лорис-Меликов и Александр II сами в канун 1 марта пришли к мысли о необходимости уступок общественному мнению и готовили проект, который при известных условиях мог бы послужить шагом к конституции. Народовольческие кружки довольно единодушно одобрили обращение ИК к царю с требованием реформ. После марта 1881 г. «Письмо к Александру III» становится одним из самых популярных среди народовольцев документов.

Весьма характерно, однако, что более охотно ссылались на него не действующие члены партии, а те, кто уже находился под следствием или судом. В 1882 г. на процессе 20 «Письмо к Александру III», по требованию Исаева, было прочитано первоприсутствующим сенатором П. А. Дейером. В одном из писем к товарищам на волю Михайлов, ранее незнакомый с этим документом (он был арестован осенью 1880 г.), сообщил, что «подсудимые пришли от него в восторг. Вообще сенсация была громадна от этого чтения».³⁴¹ В другом письме Михайлов с большим одобрением отозвался «о верности мысли и тона» письма: «Это венец Исполнительного комитета, венец и в литературном, и в практически-программном смысле». Михайлов хорошо осознал и целеустремленность письма в решении главной задачи — достижении политической свободы: «Условия жизни и революционная деятельность привели Россию к такому моменту, когда всеми здравомыслящими и честными гражданами должны быть признаны и выдвинуты насущнейшие вопросы дальнейшего гражданского прогресса России... Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего».³⁴² Мысли Михайлова разделялись и другими участниками процесса 20. Исаев, например, изложил в своей защитительной речи ближайшие задачи партии по «Письму к Александру III».³⁴³ Л. Д. Терентьева коротко заявила о своем сочувствии целям партии, изложенным всего лучше в письме к Александру III.³⁴⁴

Нужно сказать, что выделение «Письма к Александру III» из ряда других документов ИК было выгодно прежде всего по так-

³⁴¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, стр. 195.

³⁴² Там же, стр. 216—217.

³⁴³ Гектогр. издание речи Г. П. Исаева. На суде ему как будто не удалось произнести этой речи. См.: Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году, стр. 120.

³⁴⁴ Там же, стр. 99.

тическим соображениям — оно облегчало защиту подсудимым, рисуя их сторонниками мирных и общепризнанных на Западе демократических реформ. Однако некоторые народовольцы, применяя подобную тактику, выходили, на наш взгляд, за пределы допустимого истолкования письма и представляли себя сторонниками компромисса с самодержавием. Получила даже право гражданства мысль о том, что «цели партии совершенно миролюбивы»³⁴⁵ и что народоправление можно совместить с монархией. На следствии подтверждали эту мысль в качестве мнения партии Богданович и Златопольский,³⁴⁶ а на процессе 17 открыто заявляла об этом, ссылаясь на письмо к Александру III, Корба. В ответ на обвинение со стороны «Вестника „Народной воли“» в отступничестве Корба указывала впоследствии на то, что и программа ИК допускала возможность уступок со стороны правительства, и само письмо ИК к Александру III исходило из предпосылки о возможности политической свободы при монархии. Корба забывала при этом, что главные надежды народо-вольцы возлагали все же не на добрые помыслы царя, а на волю Народного собрания. Сама она на суде говорила о необходимости «реформ искренних, полных, жизненных».³⁴⁷

Выражая первоначально «общие настроения» петербургских членов партии, о чем свидетельствовала в своих показаниях в 1883 г. Фигнер,³⁴⁸ «Письмо к Александру III» вызвало одобрение в передовых кругах русского общества, прежде всего среди интеллигенции. В качестве довольно умеренной (что, конечно, являлось следствием слабости народо-вольческой партии в тот момент) программы-минимум это письмо могло служить объединяющей платформой и для более широких оппозиционных сил. Характерно сообщение Э. А. Серебрякова, слышавшего и от гвардейских офицеров и от высокопоставленных людей судебного и других ведомств, что «они обеими руками подписались бы под условиями, заключавшимися в этом письме».³⁴⁹ Таким образом своим содержанием письмо приобрело характер успешного политического маневра, завоевавшего этому выступлению партии сравнительно широкие симпатии. Вместе с тем «Народная воля» несомненно отражала в первую очередь настроения передовых слоев общества, надеявшихся тогда на установление конституции и демократических свобод.

³⁴⁵ А. П. Прибылева-Корба. Народная воля, стр. 12.

³⁴⁶ С. Н. Валк. Из народо-вольческих автобиографических документов, стр. 216, 227.

³⁴⁷ А. П. Прибылева-Корба. Народная воля, стр. 12, 16—17.

³⁴⁸ Из автобиографии Веры Фигнер. Былое, 1917, № 4, стр. 72.

³⁴⁹ Н. Н. Воспоминания о Н. Е. Суханове, стр. 75.

По-иному смотрели на ближайшие задачи борьбы в марте 1881 г. более близкие к традиционному народничеству организации. В изданном 14 марта 1881 г. петербургскими чернопередельцами воззвании «Земля и воля» народ призывался к немедленному восстанию, ибо «от нового царя не дожидаться ничего хорошего»: «Первое дело — забрать свою землю, податей царю не платить и рекрутов не давать».³⁵⁰ Народники из южнорусского «Тайного братства „Земли и воли“» в своей прокламации от 4 марта 1881 г. призывали народ «одностайне стати», чтобы добиться принадлежности земли, фабрик и заводов тем, кто на них трудится, общинной работы и общинного управления.³⁵¹ Своеобразно перемешаны отдельные общедемократические и частные требования, выдвинутые народническим «Южно-Русским рабочим союзом», основанным в 1880 г. чернопередельцами Н. Щедриным и Е. Ковальской. В прокламации от 14 марта среди шестнадцати требований есть пункты об уничтожении подушной подати, издании законов, защищающих рабочих от произвола хозяев, а также целый ряд второстепенных предложений: об устройстве приютов для сирот, издании закона о нищих, установлении таксы на квартиры и продовольствие и т. д.³⁵² Однако важнейших общеполитических требований в этой прокламации нет. Бунтарски-народнические листовки этих дней ни большого распространения, ни сочувствия не получили.

Провозглашение в качестве первоочередных целей борьбы краткой, но радикальной политической программы резко выделяло «Народную волю» из других народнических организаций, которые высказывались против политической деятельности и полагали, по словам К. Маркса, сказанным о чернопередельцах, что «Россия должна одним махом перескочить в анархистски-коммунистически-атеистический рай!».³⁵³ «С точки зрения старого русского народничества... разграничение программы-максимум и программы-минимум не нужно и непонятно»,³⁵⁴ — писал В. И. Ленин.

Весенние надежды 1881 г. на конституционные и другие уступки царя, на мирное проведение реформ не оправдались. После казни первомартовцев ИК выпустил листовку, в которой констатировал, что Александр III отказался вести Россию по пути «правильного и мирного развития», что им выбран путь казней и реакции.³⁵⁵

³⁵⁰ 1 марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после царевубийства, стр. 16.

³⁵¹ Там же, стр. 19.

³⁵² Там же, стр. 19—20.

³⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 100.

³⁵⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 171.

³⁵⁵ 1 марта 1881 года. Прокламации и воззвания, изданные после царевубийства, стр. 17.

Когда же обнаружилось, что в довольно широких общественных кругах на «Письмо к Александру III» смотрят как на «документ, который после своего появления заслонил собою программу ИК»,³⁵⁶ народовольцы решили подчеркнуть верность избранному ими знамени, отмежеваться от либералов, которые готовы были прийти к соглашению с «Народной волей», при условии, что «Письмо к Александру III» заменит программу ИК.³⁵⁷ Всего спустя четыре месяца после появления письма к царю в передовой в № 1 «Листка „Народной воли“», выпущенного 22 июля 1881 г., отмечалось, что в последнее время укрепились уверенность в правильной постановке революционного дела, в правильности «основных положений нашей программы, как с научной, теоретической стороны, так и на основании русской жизни и истории».³⁵⁸ Верность прежнему революционному знамени подтверждали изданные в конце лета 1881 г. прокламации. Третьим изданием 15 августа 1881 г. печатается программа ИК, вторым изданием — «Программа рабочих членов партии „Народная воля“».

«Письмо к Александру III» отходило на второй план, но оно не сразу стало достоянием истории. Когда в 1882 г. «Священная дружина» с целью предупреждения народовольческих покушений во время предстоящей коронации попыталась прийти к соглашению с ИК, то находившиеся за границей члены последнего предложили за основание переговоров принять письмо ИК к Александру III. В проекте «Манифеста», привезенном агентом «Священной дружины» Э. И. Нивинским в Петербург, заявлялось, что временное прекращение террора ИК — это «последняя попытка добиться мирным путем условий, изложенных в его манифесте (письме к Александру III, — С. В.) от 10-го марта 1881 года».³⁵⁹ В промежуточном варианте этого «Манифеста» ИК заявлял, что «и до сих пор он не отрекается ни от одной строки из того, что сказано в письме к Александру III от 10 марта».³⁶⁰

³⁵⁶ С. Н. Волк. Из народовольческих автобиографических документов, стр. 207.

³⁵⁷ Спустя четверть века в дни первой русской революции кадеты вспомнили о письме народовольцев к Александру III. Порицая «несбыточные мечтания» большевиков о «диктатуре пролетариата», либеральный историк И. М. Гревс напоминал «назидательный» пример 1881 г., когда народовольцы обещали «отказаться от насилий для работы и борьбы за идеалы в стенах парламента». Призывая большевиков отбросить «революционный авантюризм», кадеты звали, цитируя «Письмо ИК к Александру III», к «мирной культурной работе на благо родного народа» (И. Гревс. Из политических расстройств четверть века назад. Свобода и культура, 1906, № 7, стр. 495—497).

³⁵⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 380.

³⁵⁹ ЦГАОР, ф. 1463и, оп. 2, д. 1415, лл. 204—205.

³⁶⁰ Документы и материалы к истории переговоров Исполнительного комитета с Священной дружиной. Былое, 1907, № 9, стр. 211.

«Письмо к Александру III», представлявшее попытку выработать общедемократическую программу-минимум, не означало какого-либо изменения теоретических положений партии. Строго говоря, в нем и не было изложения теоретических взглядов самой партии. Документ этот являлся для партии прежде всего политическим и тактическим маневром. Нагляднее, чем когда-либо уяснил он самим членам ИК ближайшие цели борьбы, вызвал большой резонанс в России, привлек симпатии зарубежного общественного мнения к делу русской освободительной борьбы.

Уверенная постановка политических целей борьбы — эта главная черта «Письма к Александру III» произвела положительное впечатление на К. Маркса и Ф. Энгельса. Своей дочери Женни Лонге Маркс писал 11 апреля 1881 г.: «Петербургский Исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно „сдержанном тоне“. Они очень далеки от мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов, проповедующих цареубийство как „теорию“ и „панацею“». ³⁶¹ Г. А. Лопатин так передавал сказанные ему в 1883 г. Ф. Энгельсом слова: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума». ³⁶²

«Народная воля» в дни мартовского кризиса стояла перед трудным выбором, по какому пути борьбы идти. Но реальным оказался только путь объявления ультиматума правительству, что вполне соответствовало и соотношению общественных сил, которое наметилось в период второй революционной ситуации, и наличным силам народовольческой организации. Эту позицию признал, очевидно, правильной в канун первой русской революции В. И. Ленин, когда писал, что «деятели „Народной воли“ в самом начале царствования Александра III „преподнесли“ правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия». ³⁶³

Программа Военно-революционной организации

В посвященной «Народной воле» исторической литературе почти нет сведений о программе ее военной организации. Нет их, в частности, и в книге В. Я. Богучарского, который очень глухо упоминает о выработке Центральным военным кружком устава и

³⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 128.

³⁶² Письма Лопатина к Энгельсу. Летописи марксизма, кн. VII—VIII. М.—Л., 1928, стр. 55—56.

³⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 51.

программы.³⁶⁴ Никаких комментариев по поводу программы военных организаций нет и в первых ее публикациях.³⁶⁵ Объясняется это, видимо, тем, что сами народовольцы эту программу не печатали, хранили в тайне.

Программа Военно-революционной организации осталась в тени и в период следствия, когда основные нити офицерского заговора были уже раскрыты. По крайней мере в обзорах дознания, производившегося в 1883 г., о ней не упомянуто, хотя два устава военных кружков приводятся полностью.³⁶⁶ Однако М. Ю. Ашенбреннер, один из руководителей Военно-революционной организации, вспоминает, что об этой программе его спрашивал прокурор Добржинский³⁶⁷

Надо полагать, что программа Военно-революционной организации считалась еще более конфиденциальным документом, чем «Подготовительная работа партии», и Центральной военной кружок, получивший затем наименование Военно-революционного центра, не считал возможным широко ее распространять. Каким-то образом рукопись этой программы, быть может и единственная, оказалась затем за границей. Она могла попасть туда с Тихомировым, Ошаниной или с членом Центрального военного кружка Серебряковым. В «Календаре „Народной воли“» в 1883 г. ее не напечатали по той же, очевидно, причине, почему при публикации «Подготовительной работы партии» выпустили несколько слов, касающихся пропаганды среди солдат. «Мы не решились опубликовать такие частности, разоблачение которых может мешать действующим в военной среде»,³⁶⁸ — гласит примечание издателей «Календаря» к пропущенному месту. Это соображение было основательно. В момент составления «Календаря» военная организация, хотя уже и ослабленная арестами, все еще действовала. Впервые программа Военно-революционной организации была напечатана лишь в 1898 г. в бурцевском сборнике «За сто лет».

Необходимость привлечения армии на сторону революции осознавалось народовольцами с самого начала их деятельности. Первые встречи членов ИК с кронштадтскими офицерами относятся

³⁶⁴ В. Я. Богучарский, ук. соч., стр. 145.

³⁶⁵ В. Бурцев. За сто лет. Женева, 1898, стр. 163—168; Сборник программ и программных статей партии «Народной воли». Женева, 1903, стр. 29—34.

³⁶⁶ К истории народовольческого движения среди военных в начале 80-х годов. Былое, 1906, № 8, стр. 160, 180.

³⁶⁷ М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860—1904). М., 1924, стр. 107.

³⁶⁸ Литература партии «Народной воли», стр. 877. Нужно сказать, что и уставы военных кружков не печатались именно в виду их важности. Об этом говорил на следствии член Центрального военного кружка Похитонов (ЦГВИА ф. 545л., оп. 3, д. 51, т. XXVII, л. 121).

еще к осени 1879 г. В «Подготовительной работе партии» было заявлено, что «значение армии при перевороте — огромное. Можно сказать, что, имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа».³⁶⁹ Но от теоретического признания важности борьбы за армию, до практического начала работы среди военных все же прошло некоторое время. К пропаганде в офицерских кругах приступили довольно поздно.

Начало Центральному военному кружку (или группе, как еще первоначально называли этот кружок) было положено лишь в декабре 1880—январе 1881 г., когда в него вошли морские офицеры Н. Е. Суханов и А. П. Штромберг, артиллерист Н. М. Рогачев, а от ИК — А. И. Желябов и Н. Н. Колодкевич. По показанию Рогачева Желябов на учредительном заседании на квартире Суханова предложил немедленно приступить к выработке устава и «программы практических действий».³⁷⁰ Участие Желябова не было, надо полагать, столь решающим, как при составлении программы для рабочих. Во всяком случае черновик писался Рогачевым. Однако в конце заседания Желябов зашифровал и взял с собой и устав и программу. Судьба этих документов неизвестна. Главные пункты программы Военной организации, подтверждает Фигнер, были выработаны на совещаниях, в которых участвовали Желябов, Колодкевич и Баранников — от ИК, а Суханов, Штромберг и Рогачев — от военных. Затем этот проект рассматривался при участии других офицеров — Н. Д. Похитонова, А. В. Буцевича, Э. А. Серебрякова, Ф. И. Завалишина и других.³⁷¹

В этот период было решено, как сообщает Серебряков в своих воспоминаниях, что Центральный военный кружок «не будет окончательным военным центром партии, а послужит только временным объединительным центром, пока не разовьется военная организация, и что затем уже, сообразно силам и составу организации, будет создан соответствующий центр, которому и уступит свое место центральный кружок».³⁷² Месяца через два-три, т. е. к марту—апрелю 1881 г. в Петербурге и его окрестностях было организовано 7 офицерских кружков. Но общероссийского распространения военная организация к этому времени еще не полу-

³⁶⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 875.

³⁷⁰ ЦГВИА, ф. 545л, оп. 3, д. 51, т. XXVII, л. 82. Здесь в показаниях Рогачева какая-то неувязка. Он признает сначала, что «черновой набросок программы Центральной военной группы» написан его рукой, но тут же поясняет, что предъявленный ему черновой набросок был только частью выработанного в группе «устава».

³⁷¹ В. Н. Фигнер. Запечатленный труд, т. I, стр. 182—183.

³⁷² Э. А. Серебряков. Революционеры во флоте. Былое, 1907, № 4, стр. 111.

чила. После 1 марта ИК возлагал на военную организацию особые надежды. Деятельность Центрального военного кружка оживилась. В конце марта или начале апреля по предложению Суханова «кружок решил вести дело к подготовке инсurreкционного движения». ³⁷³ После его ареста о подготовке восстания в ближайшем будущем временно говорить перестали, а занялись организацией новых кружков.

Летом и особенно осенью 1881 г. ИК вновь взял курс на соби- рание сил, необходимых для переворота. Как передавал в своих показаниях Д. Петров, Фигнер объясняла тогда южным наро- довольцам, что партия в данный момент стремится «привлечь лиц, годных как боевые единицы, обращая, по возможности, внимание на лиц военной среды». ³⁷⁴ Возникновение новых и объединение старых военных кружков особенно успешно проходило во второй половине 1881 г. и начале 1882 г. К этому времени обрисовались контуры всероссийской военной организации — кружки, группы сочувствующих были во многих городах и воинских частях. «В конце 1881 года, — свидетельствовал Рогачев, — было решено распространить действие Центральной военной группы на все части войска, расположенные в Европейской России». ³⁷⁵ С этого момента можно считать и было положено начало существованию Военно-революционной организации. По словам Ашенбреннера, приехавший в декабре 1881 г. из Петербурга лейтенант А. В. Буцевич присоединил кружки Одессы и Николаева к партии «Народной воли», и они приняли программу Центрального военного кружка (в другом случае он говорит о «программе военно-центральной группы»). ³⁷⁶ Столь же успешной была миссия Рогачева в январе 1882 г. в городах Прибалтики и Белоруссии, имевшая целью объединение военных кружков на почве единой программы.

Надо полагать, что именно в этот период программа Центрального военного кружка превращается в программу Военно-революционной организации. Во всяком случае проект «Программы Военно-революционной организации» обсуждался, как можно догадаться по показаниям В. Н. Фигнер, специально тогда вызванной для этого с Юга, в октябре 1881 г. на совещаниях членов ИК

³⁷³ К истории военной организации «Народной воли» (Показания Ф. И. Завалишина), стр. 222—223.

³⁷⁴ Показания Д. Петрова (копия С. Н. Валка).

³⁷⁵ ЦГАОР, ф. 102и, 4-е делопроизводство, 1884, д. 747, ч. 12, л. 32.

³⁷⁶ М. Ю. Ашенбреннер, ук. соч., стр. 89, 94. Показания Н. С. Талапидова о содержании принятой николаевским кружком «Конституции» в общем подтверждают воспоминания Ашенбреннера (ЦГВИА, ф. 545л, оп. 3, д. 51, т. XXII, лл. 20б—228). Весной 1882 г. в Тифлисе среди офицеров 16 гренадерского Мингрельского полка излагал программу военного кружка Дегаев. Между тем Корба, которая была в Тифлисе в августе 1881 г., познакомила офицеров лишь с программой ИК (там же, т. XXXIII, лл. 53—58).

в Москве. Вносились ли при этом изменения в этот документ? Ряд моментов в его содержании говорит о том, что перед нами редакция не начала 1881 г., когда возник Центральный военный кружок, а конца 1881 г. или начала 1882 г., когда существовала уже целая сеть офицерских кружков.³⁷⁷ Здесь прежде всего часто применяются термины «Военно-революционный центр», «Центр». Положение о том, что «в каждой местности может возникнуть только одна центральная группа», могло скорее всего появиться только в период значительного роста местных кружков. Согласно показанию Рогачева, «в начале 1882 г.» «возникла впервые» и осуществилась мысль об организации «окружных центральных групп». Только после этого могли появиться в программе Военно-революционной организации пункты о «местных центральных группах».³⁷⁸ Однако практически вопрос о создании областных центров был поставлен и в Петербурге,³⁷⁹ и в Одессе³⁸⁰ лишь в конце 1882 г.³⁸¹ Пункт о том, что члены кружков должны быть готовы к продолжительным командировкам по требованию Центра, так же вряд ли мог появиться до успешных командировок Буцевича, Рогачева, Дружинина в 1881—1882 гг.

Наконец, и тактические положения программы Военно-революционной организации более соответствуют тем установкам ИК, которые проводились зимой 1881/82 г., чем тем, которые характерны для зимы 1880/81 г. Тактические установки партии во второй половине 1881 г. толковались несколько иначе, чем это было в канун 1 марта в период, когда они в значительной мере определялись «Программой рабочих членов партии „Народная воля“». Силы ИК к этому моменту были подорваны. Рабочая организация в Петербурге, проваленная Рысаковым, уже не могла достичь в своей деятельности прежнего размаха. Вместе с тем в правительственных кругах еще колебались, страшились новых

³⁷⁷ ЦГАОР, ф. 102и, 4-е делопроизводство, 1884, д. 747, ч. 12, лл. 92—94; ЦГВИА, ф. 545л, оп. 3, д. 51, т. XXVII, лл. 369—370 об.

³⁷⁸ Доизданием было установлено, что Центральный военный кружок выработал образцовый устав местного (частного) офицерского кружка в феврале 1882 г. (К истории народолюбивого движения среди военных в начале 80-х годов, стр. 180).

³⁷⁹ М. Ю. Ашенбреннер, ук. соч., стр. 98.

³⁸⁰ ЦГВИА, ф. 545л, оп. 3, д. 51, т. XXII, лл. 225—226 (показание Н. С. Талапиндова).

³⁸¹ По воспоминаниям Серебрякова, вопрос, какую форму придать центральной военной организации в связи с расширением числа кружков на местах, также обсуждался лишь в декабре 1882 г., когда и было решено, что каждый район будет иметь свой центральный кружок, состоящий из делегатов местных кружков. Сообщение Серебрякова о принятом тогда предложении, чтобы центр знал только общие цифры участников кружков, но не их имена, совпадает с пунктом 16 программы Военно-революционной организации (Э. Серебряков. Революционеры во флоте, стр. 128; ср.: Литература партии «Народной воли», стр. 889).

покушений ИК. В определенных придворных кругах готовы были даже пойти на соглашение с ним. В этих условиях бланкистская идея «захвата власти» получала известное, хотя и очень непрочное, основание.

Заговорщическая тактика, с которой прежде главным образом теоретически соглашалось выбывшее теперь из строя большинство организации, в этот период открыто провозглашается основой всех действий партии. «При своем образовании все члены Комитета (за исключением меня) были народниками, — вспоминала Ошанина. — Под конец все стали более или менее якобинцами». В конце 1881 года народовольцы мало верили, продолжает Ошанина, «в способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значения инициативе революционеров. Отсюда и изменение взгляда на захват власти. Под конец деятельности Комитета я не припомню ни одного человека, кто относился бы к захвату власти отрицательно, и в № 9 „Народной воли“ должна быть статья, где на этот счет высказывались совсем недвусмысленно».³⁸²

Если упоминаемая статья — передовая № 8—9 «Народной воли» — и не была написана самой Ошаниной, что на основании некоторых свидетельств доказывается Е. Колосовым,³⁸³ то она, возможно, была ею инспирирована. Во всяком случае она отражала бланкистские взгляды того узкого кружка народовольцев, который в 1881—1882 гг. считался партийным центром и преемственно называл себя ИК. Официальное подтверждение высказанная в этой статье теория захвата власти нашла в недостаточно еще изученном исследователями так называемом «Письме ИК к заграничным товарищам» — Лаврову, Кравчинскому, Плеханову и другим эмигрантам.³⁸⁴ Письмо это несколько раз ссылается на программу ИК, на «Программу рабочих членов партии» но, сильно выпячивая идею «захвата власти», отличается резкой постановкой этого вопроса от всех предшествующих документов «Народной воли».

Хотя письмо ИК к заграничным товарищам при своей публикации в 1925 г. вызвало протесты со стороны некоторых старых народовольцев — членов ИК, отвергавших самую возможность применения ИК термина «захват власти» нет оснований считать его «фальшивым» или «мнимым», как это предлагали Фигнер и Прибылева-Корба.³⁸⁵ Последняя, действительно, могла о нем не знать,

³⁸² К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н. Полонской. стр. 6.

³⁸³ Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика, стр. 114—118.

³⁸⁴ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 143—151.

³⁸⁵ Л. Г. Дейч и «Народная воля», стр. 281; А. П. Прибылева-Корба. Народная воля, стр. 211 и сл.

ибо была в конце 1881 г. «в опале», как писал тогда в одном из писем за границу Я. В. Стефанович.³⁸⁶ Фигнер же сама употребляла этот термин.³⁸⁷ Он был принят и революционной народнической эмиграцией как официальное изложение тогдашней позиции ИК. По крайней мере в одном из рефератов Плеханова, относящемся, по-видимому, к 1883 г. утверждалось, что «захват власти» — «это главный, кардинальный пункт программы «Народной» В[оли] в настоящее время со времени появления № 8—9 Н[ародной] В[оли]».³⁸⁸ Идею захвата власти опровергали тогда в своих ответных письмах к ИК чернопеределъцы (коллективно) и Кравчинский, ее подверг уничтожающей критике в своей брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов.³⁸⁹

Главную идею «Письма ИК к заграничным товарищам» — «захват власти» нельзя рассматривать как какой-то случайный или инородный для «Народной воли» элемент, как это иногда считали.³⁹⁰ Отправленное из Петербурга революционерам-эмигрантам в середине декабря 1881 г., почти одновременно с № 7 «Народной воли», оно имеет много общего с передовой этого номера, написанной Тихомировым. Подлинность письма ИК удостоверилась отдельной запиской. Первая подпись под ней — неизвестный в историко-революционной литературе псевдоним «Василий Кондратович» (нет его и в словаре «Деятели революционного движения в России») — подтверждалась второй подписью «Дмитро», т. е. очень хорошо знакомого чернопеределъцам Стефановича. Мнение старых народовольцев о том, что Стефанович и был автором послания за границу, совершенно несостоятельно, так как идею «захвата власти», изложенную в этом ставшем широко известным среди эмигрантов письме, горячо защищал несколько месяцев спустя по приезде за границу Тихомиров.³⁹¹ Кстати, Тихомиров примерно в это же время не только не отмежевывался от Ткачева, но даже настаивал на приглашении редакторов «Набата» Ткачева

³⁸⁶ Дом Плеханова, № 4/263.14.

³⁸⁷ Из автобиографии Веры Фигнер, стр. 184. Фигнер в своих мемуарах впоследствии пояснила, что захват власти появляется в записке «Подготовительная работа партии». документе позднейшего происхождения (Запечатленный труд, т. I, стр. 146). Здесь все неверно: в «Подготовительной работе» нет этого термина, а сам документ, как это показано выше, раннего, а не позднего происхождения.

³⁸⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, Сб. I. М., 1934, стр. 142.

³⁸⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 73, 76, 81. См. также объявление «Об издании „Библиотеки Современного социализма“», где Плеханов заявлял, что слияние «Черного передела» с «Народной волей» затрудняется прежде всего разногласием по вопросу о «захвате власти» (Соч., т. II, стр. 22).

³⁹⁰ Ю. Невзоров. Отказываемся ли мы от наследства? 1902, стр. 51—52.

³⁹¹ Л. Тихомиров. Чего нам ждать от революции? Вестник «Народной воли», № 2, Женева, 1884, стр. 255.

и Турского — сторонников идеи «захвата власти» — в члены редакции зарубежного органа «Народной воли».³⁹²

Быть может, неосведомленность об этом важном документе Фигнер и других объясняется тем, что в московский период деятельности народовольческого центра Тихомиров и Ошанина нередко действовали весьма самостоятельно, даже «генеральски», как это засвидетельствовано, например, тем же Стефановичем, который, говоря об Ошаниной, писал, что состав ИК «после 1 марта третирувался ею самым непочтительным образом».³⁹³

Хотя представляется очевидным, казалось бы, позднейшее замечание Фигнер о том, что проектов захвата власти у ИК зимой 1881/82 г. «не было и не могло быть»,³⁹⁴ эта цель все же была тогда провозглашена. Вопреки позднейшим заявлениям Фигнер, она сама, как показывал на дознании Д. Петров, осенью 1881 г. советовала «приступить к набору сил» по возможности из военной среды для «попыток восстания», «одновременно как в столицах, так и во всех городах».³⁹⁵ Другой одесский народовец, С. Росси на следствии свидетельствовал, что народовольцы после 1 марта разработали «новый способ действий»: «Задумали организовать в главных центрах несколько тысяч готовых на самопожертвование людей, и совершив одновременно несколько террористических актов, при поддержке военных попытаться вызвать уличное восстание».³⁹⁶

Мысли о возможности подобного восстания увлекли в то время и присоединившегося с некоторыми оговорками к «Народной воле» Стефановича. Из письма Дейча к Лаврову осенью 1881 г. можно узнать, что он просил «в строжайшей тайне» собрать сведения о книгах, «тракующих о постройке баррикад, о ведении партизанской войны».³⁹⁷ В письме ИК заграничным товарищам утверждалось: «Мы считаем революцию подготовленной и полагаем, что теперь остается подготовить только самый переворот, который и будет началом революции».³⁹⁸

«Задача политического переворота» совершенно открыто включалась в число «ближайших целей»³⁹⁹ и вышедшими тогда же

³⁹² Л. Дейч, Я. В. Стефанович среди народовольцев. Группа «Освобождение труда». Сборник № 3, стр. 110; Я. В. Стефанович. Дневник партийца. СПб., 1906, стр. 59. По воспоминаниям Н. А. Морозова, он вел еще в 1880 г. за границей переговоры с «набатчиками» по соглашению с Михайловым (Н. А. Морозов. Перед старыми письмами, лл. 56—67).

³⁹³ Я. В. Стефанович, ук. соч., стр. 74; ср.: стр. 60, 63, 162—163.

³⁹⁴ Л. Г. Дейч и «Народная воля», стр. 281.

³⁹⁵ Копия С. Н. Валка.

³⁹⁶ Копия С. Н. Валка.

³⁹⁷ ЦГАОР, ф. 1762и, Л. Дейч — П. Лаврову, 4 октября 1881 г.

³⁹⁸ Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 144.

³⁹⁹ Литература партии «Народной воли», стр. 462, 493.

№№ 7 и 8—9 «Народной воли». «Наши действия остаются строго согласованными с программой Исполнительного комитета. Теперь наша непосредственная задача — организация заговора, с целью ниспровержения существующего государственного строя»,⁴⁰⁰ — заявлялось, например, в передовой в № 8—9. Новая ориентация ИК была замечена народовольцами в столице и в провинции. На суде П. Якубович подтверждал, что в № 8—9 своего органа «партия заявила, что цель ее — захват власти».⁴⁰¹

В записке неустановленного автора, но несомненно народо-вольца, «1-е марта и последующее время» (1883) отмечалось, что после 1 марта разочарование революционного центра «в обществе и конституционном пути» повело к тому, что программой ИК «стало путем заговора захватить власть». «Все силы сообразно с новой программой направлены были на заговорную организацию наиболее пригодных для совершения переворота элементов».⁴⁰²

Таким образом, если в первый год существования «Народной воли» программу ИК иногда пытались прочесть, принимая во внимание народнические традиции, уделяя сравнительно большое внимание роли народных масс («Подготовительная работа партии» и, особенно, программа рабочих-народовольцев), то новое истолкование программы ИК в конце 1881—1882 г. выявляло бланкистско-ткачевские или, как тогда говорили, «якобинские» установки небольшой группы оставшихся на свободе руководителей «центра», в первую очередь Тихомирова и Ошаниной. Их направление, хотя и преобладало, как свидетельствовал современник, «по-видимому в самом Исполнительном комитете разделялось не всеми».⁴⁰³ Поэтому на вопрос о том, представляло ли это письмо, названное Дейчем «коллективным», коллективное мнение ИК, отражало ли взгляды всей народо-вольческой организации, ответить следует скорее отрицательно.

⁴⁰⁰ Там же, стр. 493. Даже «Рабочая газета» изменила в этот период свою ориентировку. Если в № 1 (декабрь 1880 г.) конечные надежды революционеров возлагались на «народное движение», то № 3, вышедший в Москве в декабре 1881 г., довольно уверенно говорит о времени, «когда партия вступит в последний бой с русским правительством, когда она разобьет его наголову». Ссылки на программу ИК в передовой статье в № 8—9 лишь оттеняли тот факт, что «непосредственная задача — организация заговора» ставится, собственно говоря, только «теперь», что в течение двух с лишним лет она оставалась нереализованной. По собственному заявлению народо-вольцев в письме за границу, силы ИК до 1 марта в огромной степени поглощались «задачей, хотя и частной, но неизбежной» (Письмо ИК к заграничным товарищам, стр. 146).

⁴⁰¹ Процесс 21-го. Женева, 1888, стр. 21.

⁴⁰² Рукописный отдел ГПБ, ф. 473, оп. 1, д. 52, л. 4.

⁴⁰³ Там же.

Как бы то ни было во второй половине 1881 г. и начале 1882 г. ИК вновь ставит вопрос об организации заговора, поставленный еще Липецким съездом. Предпринимается и ряд практических действий для осуществления идеи «захвата власти». На этот раз организационная работа сосредоточилась в основном в среде военных, точнее, среди офицерства. Нельзя не вспомнить, что во главе народовольческого «центра», наряду с Тихомировым, зимой 1881/82 г. стояла Ошанина, которая еще при образовании «Народной воли» доказывала, что «сто решительных офицеров, при условии нахождения среди них начальника дворцового караула, могли бы арестовать царскую семью и захватить в свои руки власть».⁴⁰⁴

Разработанная в то время военным центром программа Военно-революционной организации несомненно отражала получившие в ИК значительное влияние во второй половине 1881—начале 1882 г. взгляды Тихомирова—Ошаниной. Это единственная дошедшая до нас народовольческая программа, которая содержит пресловутый термин «захват власти». Вступительные положения программы исходят из общих теоретических представлений народовольцев. Утверждается, например, что существующий государственный строй «держится в России исключительно грубой силой». Наиболее важный раздел—«Роль военной организации в общем революционном движении» очень краток. Если в § 2 заявляется, что военная организация согласна «в случае народного восстания, принять в нем участие», то § 3 допускает иную возможность: «Члены организации согласны на исключительно военное восстание с целью захвата верховной власти, для устройства народного представительства».⁴⁰⁵

О том, что Военно-революционная организация рассчитывала по преимуществу на офицерский заговор, на чисто военный переворот, свидетельствует деятельность едва ли не наиболее авторитетного в 1881—1882 гг. члена ее Центра лейтенанта А. В. Буцевича. Разъясняя в декабре 1881 г. в Николаеве и Одессе задачи офицерских кружков, он доказывал, что «одна рота под руководством решительного человека может оказать великие услуги революционному движению, например, в городе рота может захватить арсенал и передать народу оружие». Вообще же Буцевич «советовал не рассчитывать на близость крупных выступлений крестьянских или рабочих масс, которые, конечно, очень желательны и для успеха военного движения, но ведь и самостоятельное военное движение может вызвать народное движение, и от перестановки множителей произведение не изменится». «Двести или

⁴⁰⁴ В. И. Иохельсон, ук. соч., стр. 17.

⁴⁰⁵ Литература партии «Народной воли», стр. 887.

около того офицеров — достаточная сила для крупного предприятия, может быть, для переворота», — заключал Буцевич. У него были и совершенно конкретные планы «захвата власти» — восстание в Кронштадте или арест царя в день парада.⁴⁰⁶ Видимо, мнение Буцевича отражало господствовавшие тогда в руководстве народовольческой организации настроения. О подобных планах без сомнения знали в ИК и, видимо, одобряли их.

Нужно сказать, что по сравнению с весной 1881 г., когда Суханов считал возможным захватить власть хотя бы на один день с помощью выступления по сигналу партии 70—80 тыс. рабочих, замыслы Военно-революционного центра зимой 1881/1882 г. являлись в гораздо большей мере авантюристическими, бланкистскими. Близость их к тогдашним «якобинским» установкам Тихомирова—Ошаниной, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Программа Военно-революционной организации и в другом отношении отходит от взглядов Суханова, а также Желябова. Выдвигая идею «захвата власти для устройства народного представительства»,⁴⁰⁷ авторы этой программы, следуя Тихомирову, расходились с Желябовым, который оставлял Учредительному собранию функции «ликвидационной комиссии» после политического и социального переворота, совершенного народом. Не соответствовала идея первоочередного устройства народного представительства и взглядам основателей Центрального военного кружка — Суханова и Похитонова. Главной задачей после захвата власти эти офицеры считали рассылку декретов об аграрной реформе для привлечения народных масс к восстанию.⁴⁰⁸ Похитонов в своем показании разъяснял, что вряд ли в результате переворота удастся созвать Земский собор, ибо народ не поверит в неизвестную ему власть.⁴⁰⁹

Указанные расхождения с позицией Желябова и Суханова и, наоборот, близость к взглядам Тихомирова—Ошаниной свидетельствуют лишний раз о том, что программа Военно-революционной организации в своей дошедшей до нас редакции является документом того периода деятельности «Народной воли», который наступил во второй половине 1881 года и который характеризуется выдвинутым тогда лозунгом «захвата власти». Конец этого периода можно было бы отнести к лету 1882 г., когда ИК по существу перестал существовать после ареста в июне Грачевского.

⁴⁰⁶ М. Ю. Ашенбреннер, ук соч., стр. 95—96, 97.

⁴⁰⁷ Литература партии «Народной воли», стр. 887.

⁴⁰⁸ К истории военной организации «Народной воли» (Показания Ф. И. Завалишина), стр. 223.

⁴⁰⁹ ЦГВИА, ф. 545л, 1885, оп. 3, д. 51, т. XXIII, л. 101 об.

отъезда за границу Тихомирова и Ошаниной. Кто же в Военном центре разделял взгляды Тихомирова—Ошаниной?

Уже было названо имя Буцевича. Мнение о том, что офицерская организация может, «не дожидаясь общенародного восстания, вырвать власть из рук правительства»,⁴¹⁰ разделялось Серебряковым, ссылавшимся на успешные заговоры в русской истории и видевшего ошибку декабристов в их нерешительности и отсутствии продуманного плана действий. Для Серебрякова проблемы переворота сводились в основном к захвату власти и передаче ее Учредительному собранию.⁴¹¹ Убежденным сторонником последнего был и Златопольский, который во второй половине 1881 г. входил в Военно-революционный центр на правах представителя ИК.

Отметим, наконец, пункт военной программы об участии в террористических действиях партии, который соответствовал взглядам, пожалуй, одного Суханова, в последний период своей жизни ставшего приверженцем террора, но не одобрявший большевизм офицерских кружков. Как можно судить по воспоминаниям Ашенбреннера⁴¹² и И. Ювачева,⁴¹³ а также по показаниям Завалишина⁴¹⁴ и Штромберга отношение к террору в военных кружках было двойственным. Хотя принципиальных расхождений со взглядами народовольцев по этому вопросу не было, фактического участия офицеры (за исключением двух-трех из них) в террористических действиях не принимали. Как сообщал Штромберг, в устав Центрального военного кружка был даже прибавлен параграф, «устанавливающий необязательность для члена кружка принимать на себя совершение террористического акта».⁴¹⁵ Известно, что офицерские кружки на Юге не желали принимать никакого участия в терроре, к чему их всячески подталкивал в 1882 г. член Военно-революционного центра Дегаев. Появление параграфа об участии в террористических действиях партии,⁴¹⁶ видимо, относится к периоду окончательного редактирования военной программы, когда уже не было основателей центрального кружка, когда преобладающее влияние получили взгляды таких сторонников террора, как Златопольский, Буцевич, Завалишин, Дегаев.

⁴¹⁰ Офицер [Э. А. Серебряков]. Нашим порицателям. Вестник «Народной воли», № 4, Женева, 1885, стр. 143.

⁴¹¹ Там же, стр. 143—144.

⁴¹² М. Ю. Ашенбреннер, ук. соч., стр. 110.

⁴¹³ И. Ювачев. Из воспоминаний старого моряка, Морской сборник, 1927, № 10, стр. 86.

⁴¹⁴ К истории военной организации «Народной воли» (Показания Ф. И. Завалишина), стр. 218.

⁴¹⁵ ЦГАОР, ф. 102и, 4-е делопроизводство, д. 747, ч. 12 (1884), л. 80.

⁴¹⁶ Литература партии «Народной воли», стр. 890.

Военная организация «Народной воли» хотя и признавала полезность агитации среди солдат и матросов, фактически была оторвана от солдатских и матросских масс. Офицеры-народовольцы не сумели найти доступ к сердцу своих подчиненных и потому оказались непонятыми ими и изолированными. В этом отношении они повторили ошибку декабристов. Не имея прочных связей в среде рядовых, они не имели надежной опоры в случае боевого выступления. В. И. Ленин отмечал разницу между «разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века». В эпоху «Народной воли» деятельность офицеров-революционеров проходила «при полном почти равнодушии солдатской массы».⁴¹⁷

Сомнительность планов «захвата власти», разработанных Военной организацией во второй половине 1881 г., означала вместе с тем и сомнительный выбор политического курса тогдашним руководящим ядром ИК, которое в первую очередь рассчитывало в это время на военную организацию в своих почти фантастических надеждах на захват власти. Хотя военная организация охватила даже больше, чем сто офицеров, о чем мечтала Ошанина, в столице она была сравнительно малочисленна и влияния в полках не имела. Массовое движение постепенно затихало. Народовольческая организация, особенно в центре, была разбита. Революционная ситуация почти исчерпала себя. Не осознавали до конца этого лишь правительственные круги, напуганные перво-мартовским успехом «Народной воли», а также определенным сочувствием политическим целям народовольцев со стороны части либеральной интеллигенции.

В своей брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов разъяснил, почему он считает «вредной» и «фантастической» народовольческую теорию «захвата власти» временным революционным правительством. Эта теория, указывал Плеханов, отвлекает партию «от ее непосредственных задач в среде рабочего класса».⁴¹⁸ Кроме того, Плеханов считал, что в России еще не созрели объективные общественные условия для социалистической организации, нет пока стремления к ней и в широких массах. В таких условиях декретирование социалистических преобразований, «экономический переворот» являются лишь «фикцией, заимствованной из анархически-бунтарного мирозерцания».⁴¹⁹

⁴¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 133—134.

⁴¹⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 73; ср.: Л. Г. Дейч. О сближении и разрыве с народовольцами. Пролетарская революция, 1923, № 8, стр. 16; П. Б. Аксельрод. Из прошлого. Берлин, 1923, стр. 424—425.

⁴¹⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 79—80, 86.

Программа Военной организации — это программа заката ИК первого состава. Вряд ли можно считать ее в известной нам редакции конца 1881—начала 1882 г. характерной для взглядов Желябова и других руководителей Военной организации «Народной воли» в домартовский период.

Заключение

Следует подвести краткие итоги сделанным наблюдениям.

Прежде всего коснемся содержания программных документов «Народной воли». Оно определялось, с одной стороны, общенародническим мировоззрением, а с другой — одним народовольцам свойственным пониманием текущих задач борьбы. Взгляды теоретиков народничества, а также некоторых мыслителей Запада имели только вспомогательное значение. К тому же многие сходные идеи свидетельствовали не столько о заимствованиях и влияниях, сколько об общих чертах мировоззрения. В целом же следует отметить несомненную недооценку вопросов теории и черты эклектизма в воззрениях народовольцев. Поглощавшая все время руководителей террористическая деятельность отрицательно повлияла, таким образом, не только на агитационно-пропагандистскую деятельность, но и на глубину разработки программных вопросов. Задуманный теоретический журнал так и не был организован. Большого интереса к теоретическим вопросам в ИК не было.

Народовольцы, впрочем, сами с гордостью заявляли, что исходили в своих официальных заявлениях не из абстрактных догм, а из учета требований жизни, движения. Письмо ИК к зарубежным товарищам содержало признание того факта, что в народовольчестве «все: программа, тактика, все интересы, все вопросы» подчинены «главнейшей задаче» — собиранию и организации активных сил для борьбы.⁴²⁰ Эмпиризм программы народовольчества обуславливал и довольно заметную гибкость партийных установок в соответствии с ходом борьбы, изменением взглядов и настроений в партии в связи с течением событий.

Стефанович, вошедший во второй половине 1881 г. в число членов ИК, вспоминал, что «пункты программы Исполнительного комитета не были для них какой-то неприкосновенной святыней».⁴²¹ Последовательное рассмотрение главнейших документов «Народной воли» только подтверждает такой вывод. Программные положения «Народной воли» кое в чем несомненно видоизменялись на протяжении 1879—1882 гг. Было бы, однако, на наш

⁴²⁰ Письмо ИК к зарубежным товарищам, стр. 145.

⁴²¹ Я. В. Стефанович, ук. соч., стр. 60.

взгляд, ошибкой обвинять народовольцев в оппортунизме, как это иногда делали противники «Народной воли», ссылавшиеся, в частности, на тактический маневр в виде «Письма Исполнительного комитета к Александру III».

На протяжении всего периода второй революционной ситуации важнейшая цель «Народной воли», цель, объединившая и сплотившая большинство революционных элементов России под ее знамя — завоевание политической свободы — оставалась от времени Липецкого съезда твердой и неизменной. Более существенные расхождения обнаруживались по другим вопросам. Общее признание необходимости политического переворота не исключало противоречивых толкований роли народных масс в предстоящей «инсurreкции», соотношения политической и социальной революции, места и значения будущего Учредительного собрания и т. д. Различные оттенки в понимании этих вопросов не играли, однако, важной роли.

При самом своем образовании «Народная воля» заключала в себе по меньшей мере три течения. Во главе одного из них стоял Морозов, убежденный сторонник одних только террористических методов борьбы. Два других, по определению Плеханова, представляли, во-первых, народовольцы «*желябовского толка*» и, во-вторых, «*тихомировского согласия*».⁴²² Сторонники Желябова готовы были отложить на время экономический переворот, смелее и шире ставили вопрос о политическом перевороте, стремясь готовить его не только путем террора и заговора, но организацией рабочих и офицерских кружков. Сторонники Тихомирова соединяли в своем воображении экономический и политический переворот, но более всего полагались на узкий заговор, которому неизбежно якобы будут содействовать массы. Сколько-нибудь четко эти течения, однако, никогда не были оформлены. В зависимости от обстановки некоторое преобладание получало одно или другое. Но практически между ними постоянно осуществлялся компромисс на почве практической деятельности.

Здесь необходимо отметить, что при изучении программных документов следует принимать во внимание несоответствие некоторых их положений практической деятельности партии. Это касается, в частности, террористических предприятий. Хотя и в понимании террора разными лицами в различные периоды наблюдались заметные разногласия, только централизующие партию дисциплина и готовность во имя партийных целей отказаться от оговорки сделали возможными напряженную борьбу народовольцев в течение нескольких лет. О том, что террор не всегда рассматривался как единственное и главное средство борьбы, говорит

⁴²² Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 112.

хотя бы отсутствие упоминания о нем в программе для рабочих. Да и в самой программе ИК террор отнюдь не занимал того заметного места, которое он занял в практической деятельности партии. С другой стороны, осталось нереализованным пожелание программы о том, что «партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства».⁴²³

Программные документы народовольчества создавались в разное время и в разных условиях борьбы. Помимо отдельных изменений, в эти документы постоянно вносились все новые и новые элементы. На каждом из документов, естественно, отражались мотивы и задачи, определявшие в каждый данный момент деятельность организации. Период зарождения «Народной воли» (июль—сентябрь 1879 г.) характеризовался весьма общей Липецкой декларацией, которая провозгласила принцип политической борьбы, а в числе главных ее средств назвала террор. Начальный этап народовольчества с его стремлением теоретически обосновать новое направление, с его увлечением террором и найденным в виде Учредительного собрания лозунгом политической борьбы отразился в программе ИК, которая стала основным документом народовольчества, но более всего характерна для осени и зимы 1879/80 г. Довольно безрезультатные итоги деятельности партии зимой 1879/80 г. привели к созданию «Подготовительной работы партии», где намечались подробности государственного заговора и выдвигалась на видное место подготовка массовых сил восстания — рабочих и армии. Образование к осени 1880 г. довольно обширной рабочей организации вызвало к жизни «Программу рабочих членов партии „Народной воли“», которая имела тенденцию перенести центр тяжести революционной деятельности в среду городских рабочих. Наконец, «Письмо к Александру III» впервые за период движения 70-х годов объявило общедемократическую программу-минимум освободительного движения. В программе Военно-революционной организации, относящейся уже к началу 1882 г., отразилась попытка оставшихся на свободе членов ИК принять чисто заговорщическую тактику.

Программные документы «Народной воли» являлись коллективными произведениями в том смысле, что они отражали настроение большинства народovolьцев. Но вместе с тем они несли на себе отпечаток известных колебаний, борьбы мнений внутри организации, носили кое в чем компромиссный характер, так как полного единомыслия в партии по некоторым вопросам не было. В разные периоды деятельности партии преобладало то или другое течение, компромисс получал тот или другой оттенок.

⁴²³ Литература партии «Народной воли», стр. 165—166.

Изменение состава ИК к концу 1881 г. обеспечило, например, преобладание бланкистского по существу направления Тихомирова—Ошаниной. Несомненно также, что на документах «Народной воли» отразился отчасти и идейный облик авторов, которые разрабатывали проект того или другого документа, и тех, кто участвовал в его обсуждении. С этой точки зрения для Липецкой программы особенно интересно выяснение позиций Морозова и Желябова, для программы ИК—Тихомирова и Морозова, для «Подготовительной работы партии»—Тихомирова и Желябова и т. д. При изучении каждого документа народовольчества необходимо поэтому очень тщательно выяснять, что в нем общее и постоянное, характерное для всей организации «Народной воли», а что частное и временное, присущее лишь одному направлению или одному этапу деятельности партии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод и о том, что при детальном анализе программных положений народовольчества следует опасаться вперемежку без разбора цитировать разные документы или безоговорочно ссылаться то на первые, то на последующие номера партийного органа. Подобная ошибка была одной из характернейших в дискуссии 1929 г., посвященной «Народной воле». Некоторые участники дискуссии в результате упрощенного подхода к народовольческой литературе, приписывали «Народной воле» в целом и на всех этапах ее развития те положения, которые в какой-то мере были характерны в определенный период лишь для одного из течений.

Разгром «Народной воли» в 1881—1882 гг. нанес серьезный удар и по авторитету ее теоретических основ. Плеханов в 1882 г. заметил «разочарование в народовольческой программе» у главнейшего теоретика «Народной воли» Л. Тихомирова, приехавшего тогда в Женеву.⁴²⁴ Впрочем, в среде оставшихся в России революционеров тяготение к старой народовольческой программе сказывалось вплоть до 90-х годов XIX в. Однако новое ее истолкование вызвало протест со стороны «старых народовольцев».⁴²⁵ Впрочем, в то же время следует сказать, что расхождения в понимании программы, критическая ее оценка начались гораздо раньше. В зависимости от степени их политического и социального радикализма эти толкования могли быть очень различны, чем и объясняются, в частности, так и не устраненные до конца противоречия в понимании хотя бы характера и целей политического переворота, о котором так много говорилось в народовольческих документах. В. Дебагорий-Мокриевич, знакомый со взглядами многих народовольцев, заезжавших в начале 1881 г. в Мос-

⁴²⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 27, 31.

⁴²⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 329.

кву или живших там, в своих записках впоследствии отмечал: «Программа народовольческая еще только вырабатывалась, и потому почти всякий народовец толковал ее по своему: один напирал на одно, другой на другое; у всех, однако, оставалось то общее, что на первом плане должна быть борьба с правительством».⁴²⁶

Позже эта разногласица усилилась. Приехавший в Россию в 1884 г. участник группы «Освобождение труда» Гринфест-Финстер, сообщал своим товарищам в эмиграции: «Всякий народовольческий кружок и всякий отдельный народовец толкует программу по-своему и почти всегда члены одного и того же кружка понимают и толкуют задачи „Народной воли“ диаметрально противоположно, сходясь только в одном — что они народовольцы».⁴²⁷ Если в этом замечании и была известная утрировка, то сами по себе дискуссии народовольцев в 1883—1884 гг., в которых выдвигалось несколько новых программных проектов, достаточно ясно подтверждают факт все более растущего сознания того, что старая народовольческая программа не дает удовлетворительного ответа на вопрос о задачах революционного движения в России. Однако большинство народовольцев еще не признавало в эти годы высказанную в «Наших разногласиях» Плехановым мысль о том, что «общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительное решение в традиционной заговорщической программе бланкизма».⁴²⁸

Отсутствие широкого движения масс, неверие в народное восстание порождало в то время у активных борцов иллюзии о возможности путем террора и заговора низвергнуть самодержавный строй. Но не эти иллюзии определяли достоинства программы «Народной воли». Главной заслугой народовольчества было выдвигание на первый план задачи политической борьбы, лозунга свержения самодержавия. В этом смысле народовольчество явилось высшим достижением народнического движения 70-х годов. Выдвинув громадную общедемократическую задачу, «Народная воля», однако, не сумела указать на те общественные силы и те средства, которые позволили бы решить ее.

Признавая определенные заслуги программы «Народной воли» как последней народнической программы, которая «обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы»,⁴²⁹ Плеханов не раз подчеркивал, что «теоретические

⁴²⁶ В. Дебагорий-Мокриевич. От бунтарства к терроризму, кн. 2. М.—Л., 1930, стр. 282.

⁴²⁷ Из переписки группы «Освобождения труда». Красная летопись, 1924. № 2, стр. 195.

⁴²⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 103.

⁴²⁹ Там же, стр. 75.

предпосылки старой программы „Народной воли“ шатки и противоречивы». ⁴³⁰ Резкой критике он подверг народовольческий лозунг «захвата власти». Впоследствии плехановскую критику поддержал В. И. Ленин. Народовольцы, указывал он, «стремились к захвату власти революционной партией» для свержения самодержавия и совершения социального переворота. «Русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях...». В. И. Ленин тогда же подчеркнул, что «этот захват власти русские социал-демократы никогда не ставили ближайшей задачей русских рабочих». ⁴³¹

В статье, опубликованной в № 1 «Искры», В. И. Ленин разъяснял, что политическая деятельность народovolьцев страдала двумя коренными недостатками. Она была, во-первых, оторвана от рабочего движения и, во-вторых, суживалась «до одной только заговорщической борьбы». ⁴³² Ленин решительно отвергал «традиции бланкизма, заговорщичества», которые были сильны у народovolьцев. ⁴³³ Он подверг беспощадной критике и народovolьческую тактику индивидуального террора. Отмечая положительное значение борьбы против самодержавия и потому называя «величественной» попытку «Народной воли» захватить власть путем «„устрашающего“ террора», ⁴³⁴ он указывал на бессилие и вред террора, который отвлекал силы революционеров от работы в массах, стоил многих жертв. Поэтому «своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, — писал В. И. Ленин о народovolьцах, — они не достигли и не могли достигнуть». ⁴³⁵

Начавшийся после 1 марта кризис народovolьческой идеологии означал падение ее в целом. Как революционная теория народovolьческая программа исчерпала себя. Пришло время торжества марксизма в России. И хотя народovolьчество имело в сущности утопическую и ошибочную программу, демократическая революционность «Народной воли» сыграла крупную роль в развитии русского освободительного движения. Героическая борьба «Народной воли» против царизма расшатала самодержавие, пробудила политические интересы в широких общественных кругах.

⁴³⁰ Там же, стр. 106.

⁴³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 242, 244.

⁴³² Там же, стр. 342.

⁴³³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 316.

⁴³⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 477.

⁴³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 235.